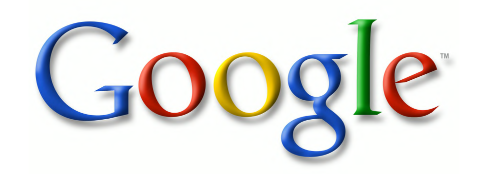
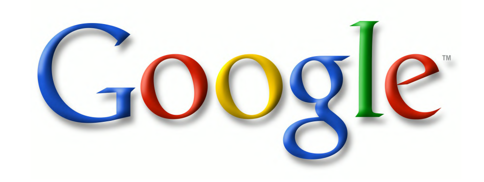

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ

ОТРЫВКИ,

М. ПОГОДИНА.

1846.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ

ОТРЫВКИ,

М. ПОГОДИНА.

1846.

ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

МОСКВИТЯНИНА,

на Тверской улицѣ въ домѣ Г. Попова, противъ дому Военнаго Генералъ-Губернатора,

продаются слѣдующія книги,

изданныя М. П. Погодинымъ.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о Русской Исторіи, изданы ИМПЕРАТОРСКИМЪ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Три тома. Томъ 1-й объ источникахъ древнѣйшей Русской Исторіи, преимущественно о Несторѣ, томъ 2-й о происхожденіи Варяговъ-Руси, и о Славянахъ, томъ 3-й Норманнскій періодъ. Москва, 1846 г. Цѣна сереб. 4 руб., вѣс. за 6 фун.

Псковская лѣтопись. 1838 г., сер. 2 р., вѣс. за 3 ф.

Сочиненія крестьянина Посошкова, временъ Петра Великаго. 1842 г., сер. 1. р. 43 к., вѣс. за 2 ф.

О жилищахъ древнихъ Руссовъ, соч. N. N. переводъ съ Нѣмецкаго, съ критическимъ разборомъ. 1826 г., сер. 60 коп., вѣс. за 1 ф.

Начертаніе Русской Исторіи, причисленное къ руководствамъ для преподаванія въ гимназіяхъ, изд. 2, умноженное, 1838 г., сер. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Краткое начертаніе Русской Исторіи для Уѣздныхъ училищъ, 1838 г., сер. 43 коп., вѣс. за 1 ф.

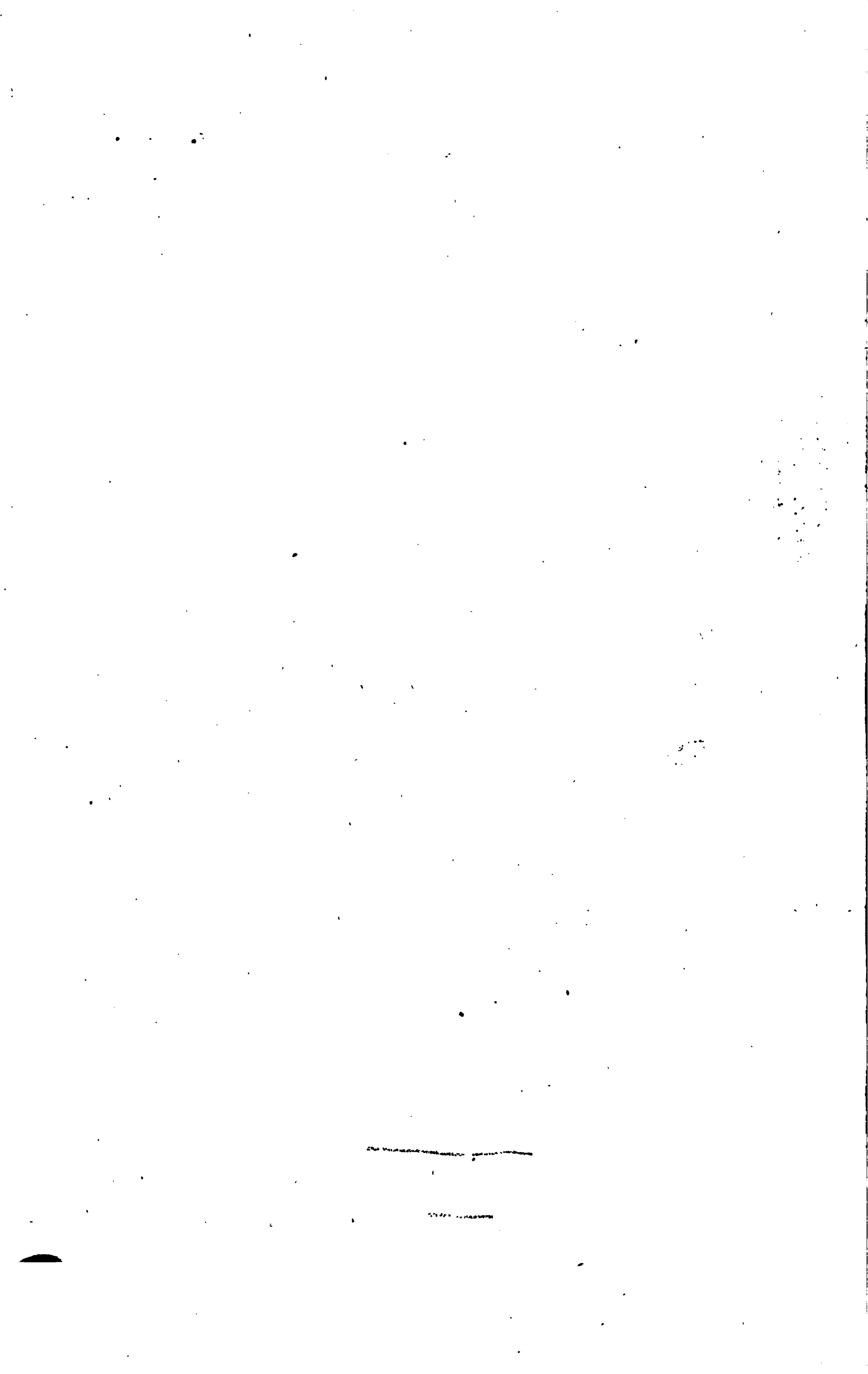
Русскій историческій альбомъ (почерки знаменитѣйшихъ Россіянъ числомъ 240). 1840, цѣна 3 р. сер.

Образцы, (литографированые), Славяно-Русскаго древлеписанія, (палеографіи), 2 тетради, сер. за обѣ 5 р. 72 к., вѣс. 5 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Эверса для Русской Исторіи, 2 ч. перев. съ Нѣмец. 1825, сер. 1. р. вѣс. 4 ф.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ

ОТРЫВКИ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ

ОТРЫВКИ,

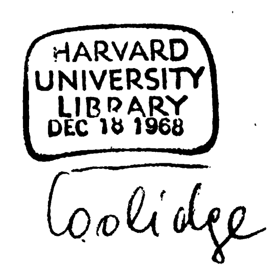
М. ПОГОДИНА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 26 дня 1846 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаю публикѣ собраніе моихъ разсужденій о разныхъ предметахъ Русской Исторіи, разсѣянныхъ по журналамъ, въ томъ видѣ, какъ они первоначально были напечатаны. Я заблагоразсудилъ присоединить къ нимъ изъ выходящихъ теперь полныхъ моихъ изслѣдованій два разсужденія (о формаціи Государства и параллель Русской Исторіи съ Исторіей Западныхъ Государствъ, касательно начала), потому что они, заключая выводы, могутъ быть любопытными для большинства публики, для котораго предназначается это изданіе.

Читатели увидятъ здѣсь нѣкоторыя историческія мысли, встрѣчавшіяся имъ, можетъ быть, у другихъ авторовъ. Въ свое время я не отыскивалъ правъ литтературной собственности, вѣря Русской пословицѣ: *на всякую долю Богъ посылаетъ;* а теперь выставленные подъ разсужденіями годы перваго ихъ напечатанія покажутъ ясно, кому что̀ принадлежитъ.

М. Погодинъ.

Ноября 18,
1845.

ВЗГЛЯДЪ

НА

РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

1832.

ВЗГЛЯДЪ

НА

РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

Лекція при открытіи Курса въ Сентябрѣ 1832 г.

Исторія всякаго государства, отдѣльно взятая, представляетъ собою высокое, поучительное зрѣлище народныхъ дѣйствій, устремленныхъ къ одной цѣли человѣческаго рода, цѣли, указанной ему благимъ Провидѣніемъ. Всякой народъ развиваетъ своею жизнію особую мысль Его и содѣйствуетъ, болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, къ исполненію общихъ верховныхъ Его предначертаній.

Но чѣмъ обширнѣе кругъ дѣйствій народа, чѣмъ сильнѣйшее вліяніе имѣетъ онъ на другіе народы и все человѣчество, чѣмъ болѣе отъ него зависитъ судьба современниковъ и потомства, чѣмъ необходимѣйшее звено составляетъ онъ въ великой цѣпи; тѣмъ большую цѣну получаетъ

онъ въ глазахъ Историка. — Взгляните же на Россію въ настоящую минуту ея бытія.

Занимая такое пространство, какого не занимала ни одна Монархія въ свѣтѣ, ни Македонская, ни Римская, ни Аравійская, ни Франкская, ни Монгольская, она заселена преимущественно племенами, которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ слѣдовательно одинъ образъ мыслей, исповѣдуютъ одну Вѣру, и, какъ кольца электрической цѣпи, потрясаются внезапно отъ единаго прикосновенія, между тѣмъ какъ всѣ предшествовавшія состояли изъ племенъ разноязычныхъ, которыя не понимали, ненавидѣли другъ друга, и были соединяемы временно, механически, силою оружія, или другими слабѣйшими связями, подъ вліяніемъ одного какого нибудь могущественнаго генія. Даже нынѣшнія Европейскія Государства въ малыхъ своихъ размѣрахъ не могутъ представить такой цѣлости, и занимая несравненно меньшее пространство, состоятъ изъ гораздо бо̀льшаго количества разнородныхъ частей.

А сколько единоплеменныхъ намъ народовъ обитаетъ въ средней Европѣ даже до Рейна и Адріатическаго моря, народовъ, которые составляютъ съ нами одно живое цѣлое, которые соединены съ нами неразрывными узами крови и языка, узами крѣпчайшими всѣхъ прочихъ географическихъ и политическихъ соединеній, въ чемъ соглашаются дальновиднѣйшіе изъ нашихъ противниковъ.

Прибавимъ теперь къ этому неизмѣримому пространству, къ этому безчисленному народонаселенію, прочія ея силы, вещественныя и невещественныя, богатство въ естественныхъ произведеніяхъ, коими мы можемъ надѣлить Европу, не имѣя нужды ни въ какомъ изъ ея товаровъ: — мысль цѣпенѣетъ, по счастливому выраженію Карамзина.

Взглянувъ на Россію въ минуту ея покоя, разсмотримъ теперь одно изъ ея дѣйствій, совершившееся предъ нашими глазами. Вся Европа, приготовлявшись въ продолженіи нѣсколько лѣтъ, собравъ свои силы, въ лицѣ двадцати языковъ, вторглась чрезъ беззащитныя границы въ самую средину ея, подъ предводительствомъ величайшаго изъ полководцевъ древняго и новаго міра, который въ этомъ походѣ поставлялъ свою славу, видѣлъ конецъ многолѣтнихъ трудовъ, исполненіе любимѣйшихъ желаній, и что же? Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по слову Царскому, не осталось ни одного иноплеменника на землѣ Русской, и грозный врагъ, покоритель царствъ и народовъ, судія всего свѣта, влачитъ на пустынномъ островѣ унылые дни свои, и въ часы геніальныхъ откровеній, смотря въ будущее, предвѣщаетъ Европѣ Русское владычество.

Отразивъ побѣдоносно такое нападеніе, освободивъ Европу отъ такого врага, низложивъ его съ такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни въ комъ и нужная всѣмъ, можетъ ли чего нибудь опасаться Россія? Кто осмѣлится оспоривать ея первенство, кто помѣшаетъ ей

рѣшать судьбу Европы и судьбу всего человѣчества, если только она сего пожелаетъ? —

Португаллія ли, раздираемая въ своемъ углу междуусобною войною между двумя родными братьями, или Испанія, надъ коею тяжкой мглою носится еще духъ Филиппа втораго,—или Англія, Государство богачей и нищихъ, изнемогающая подъ бременемъ своего неоплатнаго долга, и немогущая почти прокормить своего народонаселенія,—или Франція, которую, послѣ такихъ кровавыхъ опытовъ, послѣ революціи и Наполеона, не могутъ успокоить всѣ ея великіе таланты, Гизоты и Дюпени, Биньоны и Перье, со всѣми ихъ превосходными теоріями и славными открытіями въ наукахъ,—или Австрійская Имперія, которая, при всѣхъ усиліяхъ своихъ Кауницевъ и Меттерниховъ, едва только можетъ сохранять разнохарактерныя свои владѣнія, — или Швеція и Данія, которыя никакъ, не могутъ выдти изъ предѣловъ, назначенныхъ имъ Природою, или Германскія владѣнія—пятидесятыя наши Губерніи? — Повторяю, кто помѣшаетъ Русскому Царю рѣшать судьбу Европы, судьбу всего человѣчества, при извѣстныхъ условіяхъ? Кто возмется опровергнуть это математическое заключеніе? Вотъ, какое будущее открывается при одномъ взглядѣ на Россію въ одну минуту ея бытія!

Какое же прошедшее соотвѣтствовало этому блистательному, почти безконечному будущему! Какъ сложился этотъ колоссъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? Какъ сосредоточились, какъ сохра-

няются въ одной рукѣ всѣ сіи силы, коимъ ничто, кажется, противостоять не можетъ?

Вотъ важность Россійской Исторіи, которая съ одного взгляда на Россію представится всякому постороннему человѣку, не Русскому, не имѣющему никакого свѣдѣнія о нашей Исторіи, изъ одного только простаго понятія, что всякое настоящее, всякое будущее, есть плодъ прошедшаго. Вотъ самая простая и естественная причина, по которой Европейцы, освободясь нѣсколько отъ своихъ заблужденій и предразсудковъ, и привыкнувъ смотрѣть на нее съ безпристрастіемъ, обратятъ все свое вниманіе на Исторію Россійскую, и устремятся изучать ее.

Но не имѣетъ ли Россійская Исторія, кромѣ этой временной своей, такъ сказать, важности, относительно къ настоящей минутѣ, какихъ-либо другихъ, особливыхъ качествъ, по коимъ она должна быть предметомъ дѣятельнаго изученія?

До сихъ поръ мы забывали прошедшее; теперь на оборотъ опустимъ завѣсу надъ будущимъ, и станемъ разсматривать одно прошедшее. Всѣ Европейскія Государства, какъ бы въ исполненіе одного высшаго закона, основаны одинакимъ образомъ; всѣ составились изъ побѣдителей и побѣжденныхъ, пришлецовъ и туземцевъ: Испанцевъ покорили Вестготы, Галловъ Франки, сѣверныхъ Италіанцевъ Лонгобарды, среднихъ Остготы, южныхъ Норманны, Бриттовъ Саксы,

примѣрныхъ, новыхъ? Выразумѣть всѣ сіи явленія, объяснить ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, подвести ихъ подъ параллельныя линіи прочихъ Исторій, сравнить ихъ между собою, показать сходства и отличія, изслѣдовать причины тѣхъ и другихъ: какая задача можетъ быть важнѣе для мыслящаго Историка? И такъ Исторія Россіи, представительницы въ нѣкоторомъ смыслѣ Славянскихъ племенъ, есть важнѣйшая часть Европейской Исторіи, и слѣдовательно Исторіи вообще, которую безъ нея не могутъ хорошо понять ни Гизоты, ни Галламы, ни Лудены.

Перейдемъ къ частнымъ достоинствамъ. Ни одна Исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, если можно такъ выразиться, какъ Россійская. Воображая событія, ее составляющія, сравнивая ихъ непримѣтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что *перстъ Божій* ведетъ насъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли. Я имѣлъ случай указывать на нѣкоторыя черты сего чудеснаго прежде; припомнимъ оныя здѣсь вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими. Олегъ недовольный вѣроятно Новогородцами, безъ всякаго намѣренія, переселяется въ Кіевъ, и сіе переселеніе предводителя почти кочеваго племени имѣетъ безконечное вліяніе на всю будущую судьбу Россіи, которая безъ онаго, войдя въ сношеніе съ близкимъ Западомъ чрезъ Новгородъ, должнабъ была неминуемо подчиниться Папѣ и принять

участіе въ судьбѣ Католичества. Чувствуете ли вы, что сіе по видимому случайное переселеніе долженствовало быть непремѣнно, чтобъ Россійская Исторія получила тотъ видъ и характеръ, какой имѣетъ?

Принявъ Христіанскую Вѣру при Владимірѣ, Россія четыреста лѣтъ послѣ того не имѣетъ почти никакого сношенія съ Греціею, кромѣ монашескихъ путешествій; но въ пятнадцатомъ столѣтіи, какъ нарочно, послѣдняя отрасль Палеологовъ, Царевна Софія, вступая въ бракъ съ Іоанномъ III, истиннымъ основателемъ нашего Государства, и принеся намъ гербъ, устрояетъ первый нашъ Дворъ и дополняетъ первое Греческое вліяніе на Россію.

Вспомните теперь пятнадцатое столѣтіе, вспомните съ какими величайшими затрудненіями утверждено было единовластіе во всей Европѣ; у насъ не было почти никакого: всѣ роды Удѣльныхъ Князей вымерли или обмелѣли къ этому времени, и Москва должна была только что прибирать ихъ наслѣдства къ своимъ рукамъ. Новгородъ, Рязань, Тверь, Вятка, страны Сѣверскія, Пермь, Малороссія, не области, а цѣлыя Государства Европейскія, почти не были покорены нами, а только покорились, повинуясь силѣ какаго-то естественнаго тяготѣнія. —

Какъ освободилась Россія изъ-подъ ига Монголовъ? Почти безъ ея вѣдома: Іоаннъ и Ахметъ,

устрашившись другъ друга, разошлись въ разныя стороны, одинъ въ Москву, другой въ Орду, а между тѣмъ 1480 годъ считается эпохою нашегo освобожденія. И дѣйствительно, Орда раздѣленная на многія ханства, послѣ не могла уже болѣе устрашать Россіи, и всѣ ея части одна за другою, начиная съ Казани, достались намъ, не столько неволею, сколько волею.

Спасеніе Россіи отъ Поляковъ и Шведовъ, когда въ одной части ея печатались уже книги съ именемъ Владислава Жигимонтовича въ заглавіи, а другая готова была присягнуть Густаву Карловичу, избраніе на Престолъ фамиліи Романовыхъ въ лицѣ семнадцатилѣтняго юноши, укрывавшагося дотолѣ въ глубинѣ монастырской келліи, фамиліи Романовыхъ, которая дала Россіи Алексѣя, Ѳеодора, Петра, — прибавлю здѣсь и Елисавету, основательницу Московскаго Университета, — менѣе ли удивительны? —

И какова связь между смертью въ Угличѣ семилѣтняго Царевича Димитрія, игравшаго въ тычку ножемъ, и реформаціею Петра! А послѣдняя не могла бы произойти такъ безъ перваго происшествія. Не пресѣкись родъ Московскихъ Князей: не было бы Романовыхъ, не было бы Петра.

А судьба сего Петра, который младенцемъ еще прошелъ невредимо сквозь тысячи стрѣльцевъ и раскольниковъ, мимо копій и мечей, мимо властолюбивой Софіи, и сѣлъ на отеческій Пре-

столъ: котораго послѣ, въ лѣтахъ мужества, не брали ни порохъ, ни ядъ, ни желѣзо!

Присоедините сюда жизнь еще одного человѣка, который, кажется, долженъ былъ нарочно бѣжать изъ Женевы, чтобъ овладѣть воображеніемъ младенца, возбудить въ немъ любопытство и удивленіе къ иностранцамъ, то есть бросить въ его душу первое сѣмя всѣхъ будущихъ преобразованій. Я говорю о Лефортѣ.

Кому предназначено было судьбою постигнуть намѣренія Петра, довершить его начинанія, приблизить Россію еще болѣе къ ея цѣли? Принцессѣ изъ Герцогства Ангальтъ-Цербстскаго, котораго имени предъ симъ неслышно было въ Россіи.—

Событія нашего времени менѣе ли чудесны? Наполеонъ нападаетъ на Россію съ силами всей Европы; какой счастливый случай, казалось бы, для Турціи и Швеціи отмстить намъ за прежнія раны, имъ нанесенныя, и возвратить себѣ завоеванія Екатерины и Александра. Нѣтъ. Онѣ именно въ это время уступаютъ, утверждаютъ за нами новыя страны. И при какихъ правителяхъ? При Бернадоттѣ и Махмутѣ.

Но какъ Наполеонъ, первый политикъ своего времени, могъ выпустить изъ виду это развлеченіе нашихъ силъ, которое почти вѣрно обезпечивало ему побѣду? На него нашло непостижимое затмѣніе, и враги сдѣлались намъ друзьями, и даже помогли выйдти изъ критическаго положенія.

Неправда ли, что всѣ сіи событія были бы почтены невѣроятными баснями, если бы не составляли истинной Исторіи?

Въ Исторіи языка, промышленности, внутренняго управленія, встрѣчаются такія же чудеса: такъ напримѣръ, бѣдный крестьянинъ, рыболовъ, съ береговъ Ледовитаго моря, который подъдвадцать лѣтъ только началъ учиться грамотѣ, преобразовалъ Русское слово и далъ своимъ соотечественникамъ новое, сильнѣйшее орудіе въ благородныхъ преніяхъ съ Европейскими народами!

Во сколько времени процвѣли наши фабрики! и проч. и проч.

Далѣе—частная Исторія получаетъ большую занимательность отъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ; наша представляетъ цѣлый курсъ Психологіи въ лицахъ: я не думаю, чтобъ какое-либо Государство могло выставить много такихъ людей сряду, каковы были у насъ Іоаннъ III вмѣстѣ съ Софіею и Еленою, Василіемъ и Димитріемъ, Іоаннъ Грозный съ Сильвестромъ и Адашевымъ, Курбскимъ и Скуратовымъ, Борисъ Годуновъ съ своимъ семействомъ, Самозванецъ, Шуйской, Скопинъ и Болотниковъ, наконецъ герои междуцарствія — Гермогенъ, Ляпуновъ, Шеинъ, Діонисій, Палицынъ, Мининъ, Трубецкой, Пожарской, за коими слѣдовали Филаретъ, Алексѣй, Софія; не говорю уже здѣсь о Петрѣ Великомъ, который одинъ составляетъ собою цѣлый вѣкъ, цѣлую Исторію.

И въ какихъ разнообразныхъ отношеніяхъ находились сіи люди! Чрезъ какія ступени напримѣръ перешла душа Годунова, который, женясь на дочери палача Іоаннова, изъ простаго дворянина сдѣлался приближеннымъ вельможею, правителемъ, Царемъ, который имѣлъ сладостное удовольствіе видѣть Россію, вознесенную его трудами и мыслями на верхъ могущества и славы, и чрезъ минуту пасть жертвою мелкой личной злобы, и на смертномъ одрѣ предчувствовать гибель дражайшаго своего семейства, которое любилъ онъ больше всего на свѣтѣ. Простое повѣствованіе о судьбѣ его, о жизни таинственнаго Самозванца съ его Мариною, о Шуйскомъ, суть такіе романы, которыхъ никогда не моглобъ создать богатое воображеніе Валтера Скотта.

Скажемъ нѣсколько словъ о сихъ лицахъ въ другихъ отношеніяхъ. Союзъ Іоанна III съ Литвою и Польшею, Крымомъ и Валахіею, отношенія къ Турціи и Золотой Ордѣ, связи и договоры Годунова, представляютъ училище для негоціаторовъ, въ которомъ они найдутъ много опытовъ и любопытныхъ свѣдѣній для себя даже послѣ Исторіи современныхъ Европейскихъ Государей—Лудовика XI, Фердинанда Католика и Карла V. До сихъ поръ мы не отдавали должной справедливости нашей старинной Дипломатіи, потому что по какому-то странному предубѣжденію не смѣли сравнивать нашихъ дѣльцовъ съ Западными Министрами; но, откинувъ

блестящія имена, я не знаю, въ чемъ и много ли уступятъ имъ наши Щелкаловы, Власьевы и Годуновы.

Наконецъ слѣдуетъ говорить о Россійской Исторіи въ отношеніи къ настоящему времени. Мы живемъ въ такую эпоху, когда одна ясная мысль можетъ имѣсь благодѣтельное вліяніе на судьбу цѣлаго рода человѣческаго, когда одно какое-либо историческое открытіе можетъ подать поводъ къ Государственнымъ учрежденіямъ. Какое славное поприще, какіе великолѣпные виды для Науки! – Съ другой стороны не часто ли случается намъ слышать восклицанія: за чѣмъ у насъ нѣтъ того постановленія или этого. Еслибъ сіи ораторы были знакомы съ Исторіею, и въ особенности съ Исторіею Россійскою, то уменьшили бы нѣкоторыя свои жалобы, и увидѣли бы, что всякое постановленіе должно непремѣнно имѣть свое сѣмя и свой корень, и что пересаживать чужія растенія, какъ бы онѣ ни были пышны и блистательны, не всегда бываетъ возможно или полезно, по крайней мѣрѣ всегда требуетъ глубокаго размышленія, великаго благоразумія и осторожности. Далѣе – они увидѣли бы ясно собственные наши плоды, которымъ напрасно искать подобныхъ въ другихъ Государствахъ, и преисполнились бы благодарностію къ Промыслу за свое удѣльное счастіе. Въ этомъ отношеніи *Россійская Исторія можетъ сдѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія*, самою вѣрною и надежною.

Вотъ, по чему изученіе Россійской Исторіи полезно, важно, необходимо. Я старался обозрѣть нѣкоторыя ея особливыя качества и представить ея отношеніе къ современному міру, къ наукѣ, къ настоящимъ обстоятельствамъ Я не упомянулъ только объ одной важнѣйшей причинѣ, которая болѣе всѣхъ другихъ должна возбудить насъ къ сему занятію, и которую я предоставляю собственному сердцу каждаго: Россійская Исторія — это мы сами, наша плоть и кровь, зародышъ нашихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, которыя, постепенно развиваясь отъ самаго грубаго начала, наконецъ получили въ насъ настоящую степень своей зрѣлости. Изучая Исторію мы изучаемъ самихъ себя, достигаемъ до своего самопознанія, высшей точки народнаго и личнаго образованія. Это *книга бытія нашего.*

И когда мы можемъ съ большими надеждами начать свои труды, какъ не въ наше время? Августѣйшій Монархъ принимаетъ Отечественную Исторію подъ высокій покровъ Свой; просвѣщенное Начальство, постигшее всю важность историческихъ занятій, доставляетъ всѣ нужныя средства для ихъ продолженія. Мы повторимъ здѣсь всегдашнее наше желаніе, чтобъ скорѣе изданы были лѣтописи и прочіе источники Россійской Исторіи, чтобъ плоды Археографической Экспедиціи Строева были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе, и не остались тлѣть въ архивахъ, какъ то къ несчастію слу-

чилось съ трудами другихъ нашихъ незабвённыхъ изслѣдователей. Тогда только Россійская Исторія получитъ надежное основаніе, тогда только обозначатся всѣ матеріалы, изъ коихъ долженъ создаться великолѣпный ея храмъ.

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

1832.

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

—

Нѣсколько *Славянскихъ племенъ*, отдѣленныхъ одно отъ другаго степями, лѣсами, рѣками, *разсѣяно* по западной части нынѣшней Европейской Россіи.

Исторія *усматриваетъ* ихъ такъ въ половинѣ девятаго столѣтія.

Сіи племена стоятъ на низкой степени общественнаго образованія, но живутъ уже въ постоянныхъ жилищахъ и *воздѣлываютъ землю*.

Они *смирны* — это ихъ отличительное свойство, принадлежащее всѣмъ обитателямъ равнинъ.

Сѣверные изъ нихъ подвержены нападеніямъ *Варяговъ* или Норманновъ, которые начинали тогда господствовать на всѣхъ Европейскихъ моряхъ, и преимущественно сосѣднихъ.

Новогородцы въ 862 году *призываютъ* предводителя одного Варяжскаго племени *Рюрика* кня-

жити и володѣти ими. Вотъ начало Русской Исторіи.

Рюрикъ сдѣлался *корнемъ* того рода, которому судьба опредѣлила владѣть будущей Россіею и устроить ее въ Государство.

Потомки его, (по большей части единородные), остаются вѣрными своему сѣверному образу жизни въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, даже до дѣтей Ярославовыхъ: они мечутся во всѣ стороны, плаваютъ по всѣмъ рѣкамъ, переправляются чрезъ всѣ моря, пристаютъ ко всѣмъ берегамъ и *берутъ дань* съ жителей. Прочныхъ завоеваній нѣтъ. Покорность имъ временная.

Любимая цѣль ихъ набѣговъ—*Царьградъ*, который откупается отъ нихъ золотомъ.

Дружины ихъ наполняются безпрестанно новыми *витязями* изъ ихъ разбойной отчизны.

Долго они сами не знаютъ за собой *никакой поземельной собственности*, нося съ собой отечество. Одинъ (Рюрикъ) живетъ въ Новѣгородѣ, другой (Олегъ) идетъ на удачу въ Кіевъ, третій (Святославъ) хочетъ остаться въ Дунайскомъ Переяславцѣ.

Наконецъ *Кіевъ*, искони кладовая добычи, утверждается мѣстомъ пребыванія предводителей.

Владиміръ, среди своихъ набѣговъ, грозя Царюграду, беретъ себѣ въ супружество сестру

Императоровъ и принимаетъ отъ *Грековъ Христіанскую вѣру*, давно уже извѣстную его единоземцамъ. И весь людъ Кіевскій по его кличу безъ отговорки идетъ на Почайну, и бросаетъ въ воду своего Перуна, хотя и кричитъ ему въ слѣдъ: выдобай, нашъ боже!

У Владиміра было *много сыновъ*, и онъ разослалъ ихъ съ дружинами на житье по разнымъ племенамъ—вотъ *Удѣльныя княжества*.

Ярославъ пережилъ или перемогъ ихъ всѣхъ—*послѣдній*, сильнѣйшій Князь *Норманскаго періода*.

Дѣтямъ своимъ онъ роздалъ Княжества: Кіевское, Черниговское, Переяславское, Волынское, Смоленское, которыя съ сихъ поръ остались *наслѣдственно* въ ихъ родахъ.

Начинаются *междоусобія*. Больше всего Князья дерутся за Кіевъ, который долженъ, по ихъ мнѣнію, принадлежать старшему въ родѣ, а не сыну послѣ отца, другіе города также.

Между тѣмъ они размножаются, а владѣнія дробятся и мѣлѣютъ. Нѣкоторыя, не находя себѣ удѣловъ около Кіева, волею и неволею, *расходятся* въ разныя стороны, и полагаютъ основаніе новымъ Княжествамъ: Галицкому, Рязанскому, Муромскому, Владимірскому, *раздвигая* тѣмъ предѣлы будущаго государства.

Новгородъ и *Псковъ*, вдали отъ позорища дѣйствій, управляются сами собою, входятъ въ сношеніе съ *Нѣмецкимъ западомъ*, торгуютъ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія сила Князей начинаетъ *сосредоточиваться*, особенно на Сѣверовостокѣ, пока ихъ тамъ еще было мало, во Владимірѣ (1169).

А потомъ и здѣсь готовятся тѣ же явленія, что и на Югозападѣ, гдѣ онѣ продолжались безпрерывно.—Кажется, что всѣ Князья перерѣжутся, какъ вдругъ изъ средины Азіи вырываются *Монголы*.

Въ три раза проходятъ они съ огнемъ и мечемъ всю Россію, даже до холодныхъ и мокрыхъ предѣловъ Новгородскихъ. Всѣ Княжества опустошены и *порабощены*. Множество Князей истреблено, какъ Феодаловъ въ Крестовыхъ походахъ (1237).

Сѣверовосточная Россія отдѣляется еще разительнѣе отъ *Югозападной*, которая, разоренная Татарами вдосталь, обезлюдѣла и подпала вскорѣ подъ власть *Литовцевъ*, сперва нашихъ бѣдныхъ данниковъ, потомъ опасныхъ сосѣдей, наконецъ хищныхъ враговъ. Жизнь Русская сіяетъ на западномъ краю, въ Галичѣ, но не долго, и укрывается до времени за *порогами Днѣпра*, откуда явятся со славой Казаки, будущіе освободители Малороссіи.

Сцена Исторіи переносится на *Сѣверовостокъ*.

Орда, которой мы достались на часть, поселилась въ низовьяхъ Волги. Туда, и къ великому Хану, къ истокамъ Амура, ѣздятъ наши Князья за *ярлыками* на Княженія.

Монголы *посадили* насъ *на оброкъ.*

Князья сдѣлались ихъ *прикащиками*, и Вѣча съ прочими обычаями временъ древнихъ уничтожены.

Но Князья опять *размножаются* въ Сѣверовосточной Россіи, и еще сто лѣтъ *междоусобій* съ участіемъ Монголовъ, которыхъ призываютъ они другъ на друга.

Наконецъ одинъ изъ нихъ догадался, что теперь, и безъ войны, безъ трудовъ и усилій, можно легко взять верхъ надъ всѣми соперниками: стоитъ только сблизиться съ ордою и *снискать благосклонность Ханскую.* Это былъ *Георгій* Московскій.

Братъ его *Иванъ Калита*, былъ еще хитрѣе: онъ безпрестанно ѣздилъ въ Орду съ дарами и поклонами, возилъ туда дѣтей, исполнялъ вѣрно всѣ ея порученія, какія бы то ни было, и получилъ себѣ Владиміръ и Новгородъ, и старѣйшинство между Князьями, но остался жить въ въ *Москвѣ*, куда переѣхалъ и Петръ Митрополитъ всея Руси.

Тверь, которая враждовала Москвѣ такъ, какъ Рязань Владиміру и Черниговъ Кіеву, смирена. Богатѣющій Новгородъ давно уже не смѣетъ выбирать себѣ иныхъ Князей, кромѣ Владимірскихъ и Московскихъ, которые могутъ заморить его голодомъ.

Калита, сдѣлавшись главнымъ управителемъ Ханскимъ, *разбогатѣлъ*, и накупилъ себѣ много селъ и городовъ у мѣлкопомѣстныхъ Князей.

Благопріобрѣтенное свое имѣніе онъ раздѣлилъ правда дѣтямъ *поровну*, но не смѣлъ упомянуть въ духовной о Вдадимірѣ и Новѣгородѣ, которые зависѣли, къ счастію, отъ распоряженія Ханскаго, и составили маіоратъ, не шедшій въ раздѣлъ.

Впрочемъ этихъ городовъ никто не могъ уже отбить у старшаго его сына, ибо никто *не могъ* предложить за нихъ больше на *Татарскомъ аукціонѣ*. Первенство Московскаго Князя рѣшено: съ отцовскимъ удѣломъ и Великокняжескимъ отъ Татаръ маіоратомъ, онъ былъ всегда сильнѣе всѣхъ удѣльныхъ Князей, и ихъ владѣнія начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ естественною *силою притягательной*.

Симеонъ получаетъ отъ нихъ проименованіе *Гордаго*.

Черная смерть, поразивши многихъ Князей, предупреждаетъ междоусобія въ Московскихъ Княжествахъ.

Москва усиливается, а въ *Ордѣ*, какъ во всѣхъ восточныхъ государствахъ, въ извѣстную эпоху ихъ существованія, начинаются *междоусобія*.

Бояре, Дворовые люди богатаго Князя Московскаго, удерживаютъ великое Княженіе даже за младенцемъ Димитріемъ, и вопреки рѣшенію Орды. Во время его малолѣтства они притѣсняютъ сосѣднихъ удѣльныхъ Князей такъ, какъ никакой Князь, имъ равный,

не могъ бы и подумать. Димитрій, возмужавши, идетъ уже по ихъ проложеннымъ слѣдамъ

Онъ не знаетъ, кому платить дань, ибо Ханы смѣняются безпрестанно, и начинаетъ думать, не льзя ли освободиться отъ нихъ совершенно — удачный *опытъ на Куликовѣ полѣ* (1380). Москва подверглась вскорѣ новому нашествію, но во всѣхъ договорныхъ граматахъ уже вставляется оговорка: «А оже боронитъ насъ Богъ отъ Орды.»

Димитрій *самъ посебѣ* отказываетъ Великое Княжество сыну, заставивъ брата своего *поклониться племяннику,* и не спорить съ нимъ о главномъ наслѣдствѣ.

За то понеслась на насъ туча съ другой стороны — *отъ Литвы*: Литовцы, завладѣвъ при Гедеминѣ всею Югозападною Россіею, за Днѣпровскими порогами, гдѣ таились только казаки сохраняя Русское имя, вошли чрезъ Тверь и Смоленскъ въ соприкосновеніе съ Москвою. Ольгердъ подбѣгаетъ къ ней три раза, Витовтъ выговариваетъ её себѣ въ договорѣ съ Тохтамышемъ, протягивая въ тоже время руки на Псковъ и Новгородъ Василій Димитріевичь насилу уберегаетъ Москву, соглашаясь считать *Угру границею.* Но на Востокъ Московское Княженіе распространяется отъ Волги. Хану платить оброкъ онъ не отказывается, но жалуется на плохіе годы и остается часто въ недоимкахъ.

Василію Темному *не страшна уже Литва,* ибо тамъ также начались междоусобія между сла-

быми преемниками Витовта, а Орда еще менѣе. Покушенія его дядей не удаются по его счастію, и ихъ удѣлы присоединяются къ Москвѣ, послѣ войны, *послѣдней изъ междоусобныхъ.* Новгородъ, Псковъ, Вятка, кланяются Москвѣ, и она изъ удѣла, изъ помѣстья, готовится быть государствомъ

Въ 1462-мъ году Москва съ маіоратомъ достается Іоанну III-му — это *первый Государь и Самодержецъ* Русскій. Дѣла впрочемъ шли только своимъ чередомъ: какъ Іоанну, имѣя подъ властію сто городовъ, не наказать строптиваго Новагорода? Можетъ ли Тверь устоять между Новымъ-городомъ и Москвою? Не должны ли Двинская область, Пермь и Вятка, слѣдовать за Новымъ-городомъ. Могутъ ли братья, съ удѣльнымъ духомъ, быть спокойными, глядя на его мирныя завоеванія и неучаствуя въ добычѣ, а ему какъ допустить ихъ до сношенія съ Литвою? Москва беретъ все себѣ, покупаетъ, наслѣдуетъ, отписываетъ въ казну.

А Орда и Литва *слабѣютъ* еще болѣе и болѣе. Къ нашему счастію, явился у нихъ новый врагъ Крымскій Ханъ Менгли-Гирей, слѣдовательно другъ намъ. Жидъ Хози-Кокосъ уладилъ этотъ союзъ, для насъ благодѣтельный.

Слабыя *оковы* Монгольскія *свалились* съ нашихъ рукъ сами собою.

Въ Литвѣ начались безразсудныя *гоненія на Греческую вѣру,* и единовѣрные Князья броси-

лись въ наши объятія, и Москва возвратила себѣ большую часть Югозападной Россіи, вплоть до Кіевской области.

На востокъ и Сѣверовостокъ господство наше намѣтилось до Урала.

Москва уже Государство, но ему недостаетъ *формы*.

И вотъ Папѣ Павлу II-му хочется подчинить себѣ Восточную церковь, и для того онъ сватаетъ за Іоанна послѣднюю Греческую Царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флорентійскаго Собора. Она привозитъ намъ *идею Царя*, Греческій гербъ двуглаваго орла, титулъ и обрядъ; учреждаетъ *Русской Дворъ*, который на первый разъ составляется изъ лицъ, находившихся прежде во Дворѣ, мѣлкопомѣстныхъ и подчиненныхъ Князей, пріѣзжихъ съ нею Грековъ и Италіанцевъ, а потомъ умножается новыми гостями.

Москва узнаетъ объ Европѣ, и Европа узнаетъ о Москвѣ.

Города отдаются въ управленіе намѣстникамъ, приводятся въ порядокъ доходы, подушные, пошлинные, устроивается войско, начинаются *чины* (бояринъ и проч.); *земля отдается во временныя помѣстья*, съ обязанностію служить и ставить ратниковъ, зарождается *дворянское сословіе*, строятся каменныя палаты.

Іоаннъ, умирая, далъ удѣлы меньшимъ своимъ

сыновьямъ, но уже *безъ правъ* Князей владѣтельныхъ.

Россія Іоанна III-го, только что *развивается* при его преемникахъ, даже до Самозванцовъ.

Василій пріобщилъ къ Москвѣ остальныя Княжества: Псковъ, Рязань, Сѣверскіе города. У Поляковъ взятъ Смоленскъ.

При Іоаннѣ IV-мъ, начавшемъ называться *Царемъ*, утверждена за нами Казань и Астрахань, положено основаніе покоренію Сибири.

Въ Сильвестрово время уничтожены судныя пошлины, назначено жалованье войску, изданы Стоглавъ и Судебникъ.

Гроза Баторіева *отстранена* самимъ Польскимъ сеймомъ. Какъ Ришелье во Франціи, Іоаннъ нанесъ рѣшительный *ударъ Боярамъ*, которые Польшѣ готовятъ гибель. — Стрѣльцы.

Чтобы уничтожить бродяжничество, Годуновъ *прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ*, отмѣнивъ ихъ право переходить въ Юріевъ день.

Построены крѣпости со всѣхъ сторонъ—Крымской, Литовской, по Волгѣ, въ Сибири. Начинается вліяніе надъ Кавказомъ. Иностранцы въ военной службѣ.

Россія Іоанна III-го въ 150 лѣтъ отжила вѣкъ свой. Самозванцы вырываютъ ее изъ глубокой колеи ея. *Нашествіе Поляковъ* съ ихъ образомъ

мыслей, шатаніе умовъ, стѣсненныхъ долго Грознымъ и Годуновымъ, междоусобіе, развратъ гражданскій, Россія въ крайности: Польскій Королевичъ избирается на Московскій престолъ, Шведскій Принцъ также, но они не умѣютъ пользоваться обстоятельствами; *Мининъ* кличетъ кличь вслѣдъ за Троицкими монахами и Ляпуновымъ — и иноземцы изгоняются Пожарскимъ и Трубецкимъ.

Судьба Польши рѣшена.

На Русскій престолъ избирается благословенная фамилія *Романовыхъ*.

И начинается *новый порядокъ вещей*.

При Михаилѣ мы отдыхаемъ, уступаемъ, собираемся съ силами.

При Алексѣѣ пошли въ оборотъ разныя новыя мысли; издано *Уложеніе*, знаменующее эпоху гражданскаго развитія; пріобрѣтена *Малороссія*, которая образована была въ гражданское общество Богданомъ Хмѣльницкимъ, Гетманомъ Запорожскихъ Казаковъ.

Патріахъ Никонъ исправленіемъ церковныхъ книгъ подалъ поводъ къ первому раздѣленію въ нѣдрахъ Русскаго народа.

Наконецъ съ 1689 года начинается единодержавіе Петра... Воспитанный Женевцемъ Лефортомъ, путешествовавшій по Европѣ, онъ рѣшается

преобразовать Россію, во что бы то ни стало. Всѣ препятствія падаютъ предъ нимъ: сынъ, супруга, сестра, Карлъ XII-й, духъ народный. Все старое, Русское, измѣняется; основывается новое, по иностранному образцу. Управленіе, раздѣленіе, судопроизводство, права сословій, табель о рангахъ, войско, флотъ, подати, ревизіи, рекрутскіе наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, новыя-естественныя произведенія, земледѣліе, лѣсоводство, скотоводство, рудокопство, винодѣліе, торговля внутренняя и внѣшняя, лѣтосчисленіе, раздѣленіе года, платье, наружность, языкъ, печать, типографіи, военныя училища, Академія Наукъ — памятники его неутомимой дѣятельности и генія. Во всей Исторіи не было революціи обширнѣе, продолжительнѣе, радикальнѣе.

Древнему Духовному противопоставлено новое свѣтское.

Основаніемъ *Петербурга* (1703) утверждено сообщеніе съ Европою.

Подъ Полтавою отнято у Шведовъ *первенство на Сѣверѣ*, и завоевано *Императорство*.

Двинутая могучею мышцею Петра, Россія *покатилась* по чугунной дорогѣ, которую онъ для нея выковалъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ слѣдовали: Екатерина I-я, Петръ II-й, Анна, Анна Правительница, Елисавета, Петръ III-й.

Въ 1739-мъ рыбакъ Холмогорскій Ломоносовъ сотворилъ первую свою *оду* на взятіе Хотина.

При Аннѣ учрежденъ Кадетскій корпусъ, по плану Миниха.

При Елисаветѣ *Университетъ Московскій* въ 1755 г.

Мимоходомъ рѣшена судьба войны за Австрійское наслѣдство и семилѣтняя, и начато *участіе въ дѣлахъ Европы западной.*

Екатерина основала *народныя училища.*

Она покровительствовала Академикамъ, Профессорамъ, Художникамъ, Литераторамъ, и прославлена Державнымъ.

Касательно внутренняго управленія и хозяйства, она шла *по слѣдамъ* Петра Великаго. Судебныя мѣста, Банки, Воспитательные домы, Грамата дворянству.

Возвращены отъ Польши остальныя наши владѣнія, кромѣ Галиціи, утверждена *власть на Черномъ морѣ,* присоединены *Крымъ* — послѣднее гнѣздо Монгольскихъ хищниковъ, и страна Заднѣпровская, побѣдами Румянцева, Суворова и Потемкина, который сочинилъ планъ выгнать Турокъ изъ Европы.

Александръ даровалъ *преимущества Университетамъ,* и *заставилъ* гражданскими наградами *учиться* тѣхъ, кои не имѣютъ еще другихъ къ тому побужденій. Университетскій дипломъ уравнялся съ дворянскою граматою.

Русская Исторія Карамзина.

Нашествіе Европы на Россію, подъ предводительствомъ Наполеона, который видѣлъ въ ней препятствіе своимъ замысламъ. Побѣда надъ нимъ и низверженіе походомъ, который во многихъ отношеніяхъ имѣлъ значеніе *Крестоваго.*

Основаніе Александромъ *первенства Россіи въ Европѣ,* и окончаніе Европейскаго періода Русской Исторіи.

Начало своенароднаго (національнаго) періода царствованіемъ Императора Николая.

Крыловъ и Пушкинъ.

ФОРМАЦІЯ ГОСУДАРСТВА.

1837.

ФОРМАЦІЯ ГОСУДАРСТВА.

И государства, какъ всѣ существа въ мірѣ, начинаются непримѣтными точками. Долго, долго, въ сильное увеличительное стекло, надо смотрѣть на безъобразную, разнородную кучу земли, людей и ихъ дѣйствій, на этотъ человѣческій хаосъ, чтобъ наконецъ поймать въ немъ трепещущую точку, punctum saliens, по выраженію Анатомиковъ, поймать, вонзиться взорами, и уже не выпускать потомъ ни на минуту изъ виду, съ напряженнымъ вниманіемъ подмѣчать ея тихое, медленное, постепенное увеличеніе, всѣ эпохи или лучше моменты развитія, пока наконецъ черезъ много, много лѣтъ точка эта обозначится, забьется жизнію, установится на своемъ мѣстѣ, приметъ лице, одѣнется плотію, укрѣпится костьми, и начнетъ дѣйствовать.

Рюрикъ призванъ былъ Новогородцами.

Это произшествіе принадлежитъ одному Новугороду, и то не надолго: послѣ того какъ пре-

емникъ Рюриковъ оставилъ Новгородъ, оно оторвалось, если можно такъ выразиться, отъ послѣдующей Исторіи; всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то есть Новогородцы стали жить сами по себѣ, и платить дань заморскимъ Варягамъ, какъ прежде, и ушедшимъ Варягамъ-Руси, которымъ посчастливилось утвердиться въ Кіевѣ. Кромѣ сей дани Новгородъ не соединенъ уже былъ никакими узами съ Кіевомъ, и слѣдовательно съ текущей рѣкою Исторіи, а напротивъ составилъ особое цѣлое, какъ то мы видимъ ясно при Святославѣ, который отказался отъ него за себя и сыновей. Въ Новѣгородѣ мы усматриваемъ только новое гражданское, то есть Норманское начало при Рюрикѣ, которое вскорѣ подверглось вліянію древняго Славянскаго, блеснуло и угасло.

Слѣдовательно такое совершенно отдѣльное произшествіе никакъ нельзя назвать вполнѣ *началомъ* Русскаго Государства, еще менѣе нежели современное утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Это только прибытіе, начало водворенія Норманновъ между нашими Славянскими племенами, временный военный постой въ одномъ городѣ.

Почему же этимъ произшествіемъ начинаютъ Русскую Исторію? Не имѣетъ ли оно покрайней мѣрѣ какой-нибудь доли въ основаніи Государства? Не соединяется ли чѣмъ нибудь съ послѣдующими произшествіями? Нѣтъ ли какого перешейка, моста, между этимъ островомъ и твердою землей.

Главное, существенное въ этомъ произшествіи, относительно къ происхожденію Русскаго Госу-

дарства, есть не Новгородъ, а лице Рюрика, какъ *родоначальника династіи*, хотя онъ, подобно Ромулу, не имѣлъ можетъ быть никакого понятія о своемъ будущемъ значеніи, Рюрика, который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ. Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это произшествіе безсмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новугороду, старшему сыну Россіи, (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе Князя, котораго роду предназначено было основать впослѣдствіи величайшее Государство въ мірѣ.

Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною. есть единственный плодъ Норманскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредіентъ въ составленіи Государства, тонкая нить, коею оно соединяется съ послѣдующими произшествіями. Все прочее прешло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новогородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ.

Такимъ непримѣтнымъ атомомъ, относительно къ формаціи, началось Государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука.

Олегъ, удалый Норманнъ, соскучился въ Новѣгородѣ, или принужденъ былъ оставить его; по-

шелъ, съ младенцемъ Игоремъ, куда глаза глядятъ. Случай, прихоть, нужда! Онъ пошелъ точно, куда глаза глядятъ, ибо поселиться въ Кіевѣ онъ сначала не могъ думать навѣрное: тамъ жили его земляки, Аскольдъ и Диръ, и жили уже 20 лѣтъ, обострожились и утвердились; ему нельзя было предполагать, чтобъ эти бранные, какъ онъ, витязи согласились уступить ему добровольно богатое мѣсто? И въ самомъ дѣлѣ, онъ побоялся борьбы сомнительной, и послѣ, достигнувъ Кіева, пошелъ на нихъ не съ открытою силою, а съ хитростію, которая могла удасться и нѣтъ.

Или — Олегъ могъ отправиться съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и пропасть тамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда, подобно сотнямъ своихъ единоплеменниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена!

А какъ сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденнаго, младенца, на которомъ однакожъ лежитъ судьба отечества, который остался связать всю послѣдующую Исторію съ Новогородскимъ призваніемъ Норманновъ, который долженъ утвердить еще за отцемъ своимъ мѣсто во главѣ Русской Исторіи.

Кромѣ тѣхъ опасностей, кои раздѣлялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣтей, которыя отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство надъ дружиною, легко достававшееся въ это бурное

время болѣе рѣшительному, храброму, искусному.

Вотъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и при немъ Игорь, и зародышъ Русскаго Рюрикова Государства!

Но не слишкомъ ли еше много видѣть здѣсь зародышъ Государства? Точно, — это менѣе чѣмъ зародышъ, это математическая точка, почти идея.

Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своей дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ!

Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву?

Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ новому Государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе: изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ распадавшейся въ то время Религіи пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то, чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славян-

скихъ племенъ, народилось Государство—наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, Религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу.

Олегъ пошелъ; точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъэкватора, треть меридіана.

Олегу посчастливилось овладѣть Кіевомъ. Онъ умертвилъ Князей Кіевскихъ, а мирные жители приняли его безъ сопротивленія. Онъ остановился здѣсь, и потомъ рѣшился, кажется, остаться, по крайней мѣрѣ съ своей стороны, въ этомъ городѣ, обильномъ естественными произведеніями, на большой рѣкѣ, — откуда такъ легко можно было набѣгать на всѣ стороны, особенно на приманчивый Царьградъ, — гдѣ такъ хорошо было, впродолженіи двадцати лѣтъ, его товарищамъ, Аскольду и Диру. Впрочемъ гдѣ нибудь надо жить, лишь бы жить, и всякая минута могла перемѣнить намѣреніе. Поселеніе Олега въ Кіевѣ было также мирно, какъ и Рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлялся характеръ ихъ взаимныхъ отношеній къ жителямъ.

Владѣя Кіевомъ и его областію, Олегъ, въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, удержалъ право Рюриковыхъ даней, и распространилъ оныя, обложивъ новыя племена. За данью однакожъ надо было всегда ходить нарочно — оброкъ непостоянный, первая легкая форма подданства. Племена не входили еще въ составъ Государства,

почти точно какъ платя дань прежде за море въ 859 г., а только подготовлялись. Кое-гдѣ были оставлены мужи, которые вѣрно отлучались часто, ходя на войну. Смерть застала Олега въ Кіевѣ.

Кіевъ, съ выраженіемъ Олега: се буди мати градомъ Русскимъ, и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ, — вотъ состояніе зародыша, форма государства, оставленнаго преемникомъ Рюрика.

Лѣнивый *Игорь* потерялъ-было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. По крайней мѣрѣ всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города къ Князю и его роду, а Князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игорѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилося, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было притѣснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, покрайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе—убить Князя: что же сдѣлаютъ дальнія! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко кажется какому нибудь смѣльчаку захватить начальство, и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!

Къ счастію вдова Игорева, *Ольга*, имѣла характеръ мужескій, она устроила всѣ дѣла, и мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее въ большую зависимость. Она же установила нѣкоторыя дани на Сѣверѣ.

У Игоря былъ также одинъ сынъ, какъ у Рюрика. Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было разпространиться прежде нежели раздѣлится, которой необходимо было разкинуться, хоть слегка, изъ одного центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно Государство рости, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ Княжествамъ: еслибъ у первыхъ Князей было по многу дѣтей, то они поссорясь тотчасъ между собою, (неизбѣжный случай), возпрепятствовалибъ развитію, не укрѣпясь ослаблибъ, и не успѣлибъ захватить столько постороннихъ земель, кои могли отойти въ составъ другихъ сосѣднихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ остаться сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри.

Святославъ, храбрый, твердый, воинственный, возмужавъ, взялъ, и слѣдовательно сталъ брать, дань съ новыхъ племенъ, и смирилъ прежнія, которыя безпрестанно пытались откладываться. Но все онъ владѣлъ собственно однимъ Кіевомъ. Такъ и думалъ, если о чемъ-нибудь думалъ. Еще болѣе — самый Кіевъ онъ считалъ постоемъ, и рѣшился оставить его такъ, какъ Олегъ оставилъ Новгородъ. Ему мало стало скудной да-

ни по какой-нибудь веверицѣ съ дыма, когда Грецiя предлагала ему груды золота, и онъ рѣшился не перенесть столицу, (это невѣрное выраженiе), а, говоря просто, переѣхать на другую квартиру (*), переселиться къ другому Славянскому племени, въ страну имъ покоренную, въ Болгарiю, и перенести сѣмя въ другую почву! Оно такъ слабо привязано было къ нашей землѣ, хотя и пустило уже ростокъ, такой слабый корень имѣло, что не стоило ни малѣйшаго труда оторвать его. Зародышъ выкинутъ. Болгарiи выпадалъ жребiй сдѣлаться Русью, Нормандiей. Наша почва оставалась для другаго сѣмени, и всего прежняго какъ будто не бывало. Ясное ли доказательство, что понятiе объ осѣдлости, наслѣдственности, поземельной собственности, было еще ничтожно, и одной черты въ Норманскомъ характерѣ Святослава достаточно было, чтобъ изгладить слабые плоды ста лѣтъ. Святославъ пошелъ, и сѣмя опять предано произволу вѣтровъ.

Передъ отбытiемъ Святославъ отдалъ старшему сыну Ярополку свой Кiевъ, а втораго послалъ княжить на Волынь. Святославъ не раз-

---

(*) Наши знаменитые судiи, судiи словъ, улыбнутся при этомъ выраженiи: *переѣхать на квартиру!* Милостивые государи! право я съумѣлъ бы найти тѣ выраженiя, кои вертятся у васъ на языкѣ теперь: перемѣнить мѣстопребыванiе, избрать новое жилище и тому под. Но употребилъ это (какъ и въ другихъ мѣстахъ) не чистое, простое, полуиностранное, потому что оно *точнѣе*, яснѣе, выражаетъ мою мысль, а по моему это всего важнѣе въ изслѣдованiи, не принадлежащемъ къ произведенiямъ Изящной Словесности.

дѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына послалъ въ дикое поле. Древлянъ, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенное двойною данію, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына. Третьяго сына Владиміра вытребовали себѣ сами Новогородцы, почти противъ воли Святослава, который говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ? Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *гдѣ жилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ Древлянами, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и, всего вѣрнѣе и точнѣе, о Новогородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ — все только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.

Не было дѣленія, и еще менѣе пагубнаго примѣра!! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, степень гражданскаго общества, а не частная ошибка. Но у насъ, повторю, не было ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра.

Святославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣти его могли слѣдовать за нимъ туда же — по его смерти, въ помощь, для участія въ его походахъ и предпріятіяхъ, а какая приманка для корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ Норманновъ бога-

тый Константинополь и Малая Азія! И между Славянскими племенами возниклибъ опять прежнія отношенія, и надлежалобъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, новыхъ Государей, для готовыхъ элементовъ Государства. Какъ все зыбко!

Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимискій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, впродолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову, съ остальными мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, отнятую Греками, не могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. Они остались у насъ, владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ.

Сѣмя переслано опять къ намъ, или лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, покрайней мѣрѣ дома.

До сихъ поръ было по одному Князю, и у этого одного Князя бывало всегда во владѣніи по одному городу, изъ котораго уже онъ ходилъ, по своему усмотрѣнію, брать дань съ разныхъ племенъ, ближнихъ и дальныхъ. Теперь являются три Князя, три брата, сыновья Святослава.

Олегъ такъ княжилъ на Волыни, а *Владиміръ* въ Новѣгородѣ, какъ *Ярополкъ* въ Кіевѣ. Еще два

племени стало приготовляться къ составу будущаго Государства, хотя и порознь; не цѣлое раздѣлилось на части, какъ мы видѣли, но части возникли, кои послѣ составятъ цѣлое. Прибавимъ Полоцкъ съ Рогвольдомъ.

Были-ль раздѣлены дани между братьями? Едва ли! Вѣроятно, сначала каждому предоставлялось ходить въ свою сторону, какъ далеко сможетъ. Но у нихъ не было и времени ходить за данью по племенамъ, ибо братья тотчасъ перессорились между собою, сперва Ярополкъ съ Олегомъ, потомъ Владиміръ съ Ярополкомъ, и возникла мысль объ единомъ владѣніи: одинъ хотѣлъ завладѣть, чѣмъ владѣли трое. Ярополкъ одолѣлъ Олега, а Владиміръ испугавшись бѣжалъ за море, «и бѣ Ярополкъ владѣя единъ въ Руси,» посадивъ Посадниковъ на Волыни и въ Новѣгородѣ.

Вотъ уже новое явленіе! *Ярополкъ,* какъ прежде Рюрикъ, схватившись, такъ сказать, за оставшіеся концы, удержалъ власть братьевъ во всей полнотѣ ея, и слѣдовательно получилъ ея больше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Пребываніемъ Князя въ городѣ какъ будто узаконивалась принадлежность его наслѣднику. Всѣ три области, Кіевъ, Волынь и Новгородъ, составили одно владѣніе. Ярополкъ одинъ владѣлъ изъ Кіева Волынью и Новгородомъ, чрезъ своихъ Посадниковъ, чего прежде но бывало.

Всѣ три племени достались точно также Владиміру.

Владиміръ, живя почти чрезъ сто лѣтъ послѣ Рюрика, а время имѣетъ свою силу, особую отъ происшествій и лицъ, Владиміръ, очень богатый, ибо ему достались добычи ста лѣтъ, добычи Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, съ сильнымъ характеромъ и браннымъ духомъ, Владиміръ, который, кромѣ своего Новагорода, отнялъ три владѣнія, (Полоцкъ, Древлянъ и Кіевъ), и умертвилъ двухъ владѣтелей, (Рогвольда, съ сыновьями, и Ярополка), Владиміръ сдѣлался, первый, Княземъ-Государемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя все еще слабо.

Ему не была уже нужна помощь чуждая Варяжская, и онъ спровадилъ отъ себя главную ватагу: такъ былъ онъ силенъ своими собственными домашними силами.

Онъ ходилъ за данью гораздо дальше прежнихъ Князей, даже за Карпаты, вѣроятно опредѣляя оную, (Новгородцы), а съ другой стороны за Волгу. Нѣкоторыя племена привозили дань ему даже сами, въ Кіевъ.

Онъ жилъ въ своемъ владѣніи не думая о переѣздѣ, какъ еще его отецъ, водворился, такъ сказать уставился, а духъ Норманскій, духъ движенія, чрезъ 120 лѣтъ, въ 4 колѣнѣ, родившемся на Руси, стихнулъ и самъ по себѣ.

У Владиміра было 12 сыновъ, (самое прежнее многоженство его имѣетъ здѣсь свою историческую важность и значеніе), и онъ разослалъ ихъ по племенамъ, удѣливъ каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнѣе

по его связямъ и богатству, чѣмъ у его предковъ, и совершенно отъ него зависѣла. Вотъ когда собственно племена начали входить въ составъ Государства, или приготовлять будущее Государство, образовываясь въ гражданскомъ отношеніи отдѣльно, порознь. Вмѣсто двѣнадцати прежнихъ племенъ, двѣнадцати даней, мы видимъ теперь 12 особливыхъ владѣній, Княжествъ, подъ владычествомъ отца, Великаго Князя Кіевскаго.

Супруга Владиміра Анна, дочь и сестра Византійскихъ Императоровъ, съ коею вступивъ въ супружество, онъ принялъ Христіанскую вѣру, содѣйствовала еще болѣе къ утвержденію этой мысли о постоянномъ мѣстопребываніи, сохраненіи владѣнія, и оставленіи въ наслѣдство дѣтямъ. (Точно какъ послѣ другая Греческая Царевна, Софія, утвердила идею Царя, при Іоаннѣ III, и устроила Дворъ).

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лѣтъ княженія, участіе Духовенства, которое у насъ, какъ вездѣ, приложило, разумѣется, особое стараніе о смягченіи нравовъ, и слѣдовательно о мирной осѣдлой жизни.

Такимъ образомъ политическое соединилось съ религіознымъ, и первый Христіанскій Князь былъ вмѣстѣ и первымъ Государемъ-Владѣтелемъ, чуть ли и не Правителемъ, потому что въ его время мы видимъ слѣды положительнаго, письменнаго законодательства, вѣроятно по примѣру Церкви, — сперва разумѣется по Норманскимъ обычаямъ для дружины, а потомъ и

для народа со вліяніемъ Греческихъ и туземныхъ обычаевъ.

Каждый сынъ Владиміровъ княжилъ такъ въ своемъ городѣ, какъ отецъ въ Кіевѣ, средоточіи, матери всѣхъ городовъ Русскихъ, по выраженію Олега. Живя по срединѣ племенъ, Князья могли легче содержать ихъ въ полномъ подданствѣ, нежели прежде одинъ Князь изъ дальняго Кіева, и пріучать къ повиновенію. Всѣ они были однакожъ слабѣе своего отца, которому платили урочную дань, не смѣя ему противиться, кромѣ, подъ конецъ, одного Ярослава, который былъ дальше всѣхъ, и могъ надѣяться на чуждую помощь.

Сыновья и отецъ должны были считать города уже своею собственностію, и даже средствомъ для прокормленія, содержанія. Понятіе о наслѣдствѣ стало прикладываться къ землѣ, приготовлялось понятіе о поземельной собственности у Князей, которые, разумѣется, начали принимать участіе и въ правленіи, по примѣру отца. Намѣчены будущіе удѣлы по племенамъ.

Но всѣ эти Князья жили не долго. Одни перемерли (при немъ и послѣ, Вышеславъ, Изяславъ, и проч.), другіе погибли вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, (при Святополкѣ—Борисъ, Глѣбъ, Святославъ, и потомъ самъ онъ, Святополкъ); третьи (Судиславъ) не могли ничего сдѣлать противъ *Ярослава*, который остался одинъ, и послѣ нѣсколькихъ междоусобныхъ войнъ, (со Святополкомъ, Брячиславомъ, Мсти-

славомъ), и смерти братьевъ, получилъ почти всѣ ихъ Княжества.

Онѣ достались ему уже *съ такою* зависимостію, къ какой, привыкнувшіе, находились отъ его братьевъ, принадлежали ему еще крѣпче, разумѣется, нежели Владиміру, и были управляемы по заведенному порядку, чрезъ Намѣстниковъ, ему подчиненныхъ.

Ярославу принадлежали Кіевъ, Волынь, Подолія, Галиція, Литва, Балтійское поморье, Новгородъ, Двинская область, Поволожье, Сѣверная страна....

Всѣ сіи страны принадлежали точно, ибо города ихъ мы находимъ немедленно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ отчины, и на оборотъ—при сихъ послѣднихъ они не могли быть завоеваны, потому что всѣ дѣйствія ихъ извѣстны намъ по лѣтописямъ.

Границами Ярославовыхъ владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссія, Царство Польское, Карпаты, Новороссійскія степи, Волга Уральскія горы....

Такъ удалые Норманны, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ, раскинули планъ будущаго Государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линѣйки, безъ астролябіи, съ плеча, куда хватила размашистая рука...

Всѣ племена и города находились въ подданствѣ у одного Князя, (а потомъ одного рода), были одного происхожденія, говорили однимъ

языкомъ, хотя и разными нарѣчіями, исповѣдывали одну вѣру, — словомъ это было Государство, въ нѣкоторомъ смыслѣ, цѣлое, хотя и сметанное на живую нитку. Шлецеръ, заключу мое разсужденіе словами великаго учителя, назвалъ удачно этотъ періодъ Russia nascens.

И такъ двѣсти лѣтъ начиналось Государство, раждалась Россія.

Симеонъ Полоцкій молился Богу, говоритъ преданіе, чтобъ муки Царицы Натальи Кириловны продолжились какъ можно болѣе, дабы новорождаемый младенецъ возпользовался должайшею жизнію. Можетъ быть, двухсотлѣтнему рожденію и младенчеству Русскаго Государства, еще долговременнѣйшему юношеству, будетъ соотвѣтствовать въ соразмѣрности настоящее доблестное мужество и будущая мудрая старость!

ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ ИСТОРІЕЙ ЗАПАДНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА.

ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ ИСТОРІЕЙ ЗАПАДНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА.

Западныя Европейскія Государства обязаны происхожденіемъ своимъ *завоеванію*, которое опредѣлило и всю послѣдующую ихъ Исторію, даже до настоящаго времени.

«Основаніе новыхъ большихъ государствъ,» говоритъ Тьери, одинъ изъ представителей Западной Исторіи въ наше время, «было преимущественно дѣйствіемъ силы; новыя общества устроились изъ обломковъ обществъ древнихъ, разрушенныхъ насильственно; и въ этомъ процессѣ возсозиданія многочисленныя племена лишились, не безъ страданій, своей свободы, и даже имени, замѣненнаго именемъ чуждымъ.» (*).

«Сословія высшія и низшія, кои нынѣ наблюдаютъ себя съ недовѣрчивостію, или борются за образъ мыслей и правленія, суть ничто иное, во многихъ странахъ, какъ племена завоеванныя и порабощенныя временъ прежнихъ. Такимъ

(*) Thiery, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, Paris, 1830. XV.

образомъ мечъ завоеванія возобновилъ лице Европы, и, размѣстивъ ея жителей, оставилъ свою древнюю печать на каждомъ народѣ, составившемся изъ смѣси многоразличныхъ племенъ. Племя воинственныхъ пришельцевъ сдѣлалось классомъ привилегированнымъ, переставъ быть особливымъ племенемъ. Изъ него произошло воинское дворянство, которое, принимая въ нѣдра свои все, что было честолюбиваго, буйнаго, бродяжнаго, въ низшихъ сословіяхъ, для того чтобъ не перевестись, возобладало надъ населеніемъ трудолюбивымъ и мирнымъ, впродолженіи военнаго правительства, происшедшаго отъ завоеванія. Племя побѣжденное, лишенное поземельной собственности, власти и свободы, живя не оружіемъ, но работою, обитая не въ крѣпкихъ замкахъ, а въ городахъ, образовало общество, какъ бы отдѣльное отъ военнаго союза завоевателей. Этотъ классъ поднялся по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала феодальная организація дворянства, происшедшаго отъ древнихъ завоевателей, естественно или политически, — можетъ быть потому, что сохранилъ въ стѣнахъ своихъ остатки Римской гражданственности, и съ этой слабою помощію началъ новую цивилизацію» (*).

Вотъ что видятъ Французы и Англичане въ Исторіи своихъ земель, — и это очень вѣрно.

Предлагаю вкратцѣ Исторію Западныхъ государствъ.

(*) Тамъ же. с. IX.

Къ одному племени приходитъ другое (къ Галламъ Франки, къ Бриттамъ Норманны, къ Испанцамъ Вестготы, къ Италіанцамъ Лонгобарды и проч.). Пришельцы побѣждаютъ туземцевъ, и поселяются между ними. Предводитель дѣлитъ землю между своими сподвижниками, которые, (Феодалы), въ крѣпкихъ замкахъ, становятся господами, угнетаютъ народъ, отдѣляютъ его отъ Государя, — и живутъ на счетъ племени побѣжденнаго. Возникаетъ непримиримая ненависть между сими племенами, которая усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе должна бываетъ таиться. Только въ городахъ укрываются немногіе жители, кои въ теченіи вѣковъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій и жертвъ, мало по малу, съ величайшимъ трудомъ освобождаются отъ ихъ вліянія, и успѣваютъ пріобрѣсти себѣ независимость, при помощи Королей, которымъ Феодалы были также тяжелы. Въ городахъ образуется среднее сословіе, а при дворѣ аристократія, происходящая отъ Феодаловъ, которые переходятъ туда изъ замковъ, присвоиваютъ себѣ всѣ привилегіи, и начинаютъ угнетать народъ подъ другою формою. Среднее сословіе послѣ оборонительной войны предпринимаетъ наступательную, стремясь уравниваться мало по малу съ привилегированной аристократіей. Она не уступаетъ, и борьба сихъ двухъ сословій оканчивается революціей, которой исторію Наполеонъ выразилъ въ четырехъ словахъ: Галлы свергли иго Франковъ (*).

(*) См Ласъ Казаса.

Въ наше время низшіе классы, вслѣдъ за среднимъ, являются на сцену, и точно какъ въ революціи среднее сословіе боролось съ высшимъ, такъ теперь низшее готовится на Западѣ къ борьбѣ съ среднимъ и высшимъ вмѣстѣ. Предтечей этой борьбы уже мы видимъ: сен-симонисты, соціалисты, коммунисты, соотвѣтствуютъ энциклопедистамъ, представившимъ прологъ къ Французской революціи. Горе, если среднія сословія не образумятся тамъ заблаговременно, и не сдѣлаютъ уступокъ. Имъ дается теперь на рѣшеніе задача такого же рода, какъ Нотаблямъ въ 1789 году: тѣ не поняли своего положенія, и навлекли на свое отечество тучу бѣдствій. Не понимаютъ, кажется, и наши знаменитые современники, судя напримѣръ по просьбамъ Манчестерскихъ фабрикантовъ и рѣчамъ Грагама и Пиля, которые съ такимъ ожесточеніемъ не хотятъ уступить одного часа изъ двѣнадцати, въ облегченіе несчастныхъ работниковъ, и вѣшаютъ равнодушно на аптекарскихъ вѣсахъ капли ихъ пота и крови, въ гордой надеждѣ распутать Гордіевъ узелъ, который лишь только затягивается крѣпче на Западѣ.

Всѣ эти происшествія, прошедшія, настоящія и будущія, имѣютъ тѣсную связь между собою, составляютъ одну цѣпь, и ведутъ свой родъ совершенно генеалогически отъ завоеванія, т. е. отъ начала Западныхъ Государствъ.

Завоеваніе, раздѣленіе, феодализмъ, города съ среднимъ сословіемъ, ненависть, борьба, освобо-

жденіе городовъ,—это первая трагедія Европейской трилогіи.

Единодержавіе, аристократія, борьба средняго сословія, революція—это вторая.

Уложенія, борьба низшихъ классовъ... будущее въ руцѣ Божіей.

Исторіи Западныхъ Государствъ, повторю, представляютъ однѣ и тѣ же явленія, только съ немногими отличіями, смотря по количеству, качеству, соразмѣрности и прочимъ отношеніямъ ингредіентовъ начала (*).

Обратимся теперь къ Русской Исторіи, и посмотримъ, представляетъ ли она эти главныя характеристическія явленія Западныхъ Исторій.

Съ перваго взгляда мы примѣчаемъ, что у насъ, въ началѣ ея, нѣтъ рѣшительно ни одного, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ: нѣтъ ни раздѣленія ни феодализма, ни убѣжищныхъ городовъ,

---

(*) Древняя политическая Исторія Европы, т. е. Греческая и Римская, представляютъ совершенное подобіе съ новыми въ этомъ отношеніи. Вся Исторія Рима отъ Ромула до Цезаря есть ни что иное, какъ борьба Патриціевъ съ Плебеями, которые уравнялись, увы, уже подъ военнымъ диктаторствомъ Цезаря. У Грековъ тѣ же отношенія выразились въ соперничествѣ Аѳинъ и Спарты, въ войнѣ Пелопонесской, пока Филиппъ и Александръ не положили имъ также конца; Цезарь и Александръ совершенно соотвѣтствуютъ Наполеону, а Исторія Французской революціи есть кровавая миніатюра всѣхъ Западныхъ Исторій. (См. мои Историческіе Афоризмы. 1835.)

ни средняго сословія, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...

Отъ чего такое различіе?

Западныя явленія, какъ мы видѣли, тѣсно связаны съ своимъ началомъ, изъ котораго онѣ непосредственно проистекаютъ: такъ точно и наши явленія, наша Исторія должны быть связаны съ нашимъ началомъ. Если слѣдствія различны, то и начала различны.

Дѣйствительно, мы имѣемъ положительное сказаніе Лѣтописи, что наше Государство началось не вслѣдствіе завоеванія, а вслѣдствіе призванія. Вотъ источникъ различій! Какъ на Западѣ все произошло отъ завоеванія, такъ у насъ происходитъ отъ призванія, безпрекословнаго занятія, и полюбовной сдѣлки.

Призваніе и завоеваніе были въ то грубое, дикое время, положимъ, очень близки, сходны между собою, раздѣлялись очень тонкою чертою, — но раздѣлялись!

Взгляните на два зерна: онѣ почти одинаковы; развѣ вооруженнымъ глазомъ можно подмѣтить ихъ тонкое различіе, — но дайте срокъ, дайте время этимъ сѣменамъ развиться, вырости, и вы увидите, что изъ одного возникнетъ дубъ, а изъ другаго пальма, или какое нибудь нѣжное, благоуханное растеніе, и тонкое различіе зеренъ обнаружится разительно въ цвѣтахъ и плодахъ.

Вотъ два шара, употреблю другое сравненіе, совершенно равные. Положите ихъ на одно мѣ-

сто, рядомъ, ударьте ихъ съ одинакою силою,— но случись одной линіи, какому нибудь легкому непримѣтному склоненію, раздѣлить толчекъ, — шары понеслись въ разныя стороны, и чрезъ нѣсколько времени вы видите ихъ въ безпредѣльномъ между собою разстояніи. Ничтожная разница въ первомъ толчкѣ, измѣняя направленіе, рѣшаетъ ихъ судьбу, и переноситъ на противоположныя точки.

Такъ и въ Исторіи Государствъ: малѣйшее различіе въ началѣ производитъ огромное различіе въ послѣдствіяхъ.

Разсмотримъ теперь политическія явленія, сопровождавшія наше начало, сравнительно съ Западными, коихъ генеалогія выше объяснена.

Составныя части, элементы Государства, въ первый періодъ его происхожденія, суть: государь, народъ, раздѣляющійся на сословія — (*) высшее (дворянство), среднее (собственно такъ называемое, промышленное, городовое), низшее (сельское), и земля.

Будемъ говорить о каждомъ элементѣ порознь.

ГОСУДАРЬ,

САМЪ ПО СЕБѢ.

Первый нашъ Князь—Рюрикъ призванъ былъ добровольно въ Новгородъ, Олегъ принятъ въ

(*) По принятой номенклатурѣ, коей одобрить нельзя.

Кіевѣ безъ сопротивленія. Тотъ и другой не имѣлъ, слѣдовательно, и даже не могъ имѣть враждебныхъ чувствъ побѣдителя, завоевателя, какія питали Западные Государи; тотъ и другой не могъ смотрѣть на свое владѣніе, какъ на добычу, взятую съ бою, приступомъ; не имѣлъ никакихъ внутреннихъ враговъ, ни внѣшнихъ соперниковъ, въ своемъ, хотя и ничтожномъ, въ сравненіи съ Западными королевствами, владѣніи. Нашъ Государь былъ званымъ мирнымъ гостемъ, желаннымъ *защитникомъ*, а Западный Государь былъ ненавистнымъ пришельцемъ, главнымъ *врагомъ*, отъ котораго народъ напрасно искалъ защиты.

И отношенія его были совершенно другія чѣмъ на Западѣ, — къ Боярамъ, городамъ, народу.

Къ Боярамъ.

На Западѣ Король былъ *обязанъ* своимъ сподвижникамъ, (Герцоги, Дюки), помогавшимъ ему покорить землю, а нашъ Князь не имѣлъ *никакихъ обязанностей* къ Боярамъ, большею частію его родственникамъ, которые сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды; не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ необходимыхъ услугъ — и въ случаѣ неудовольствія могли только оставить его.

Къ народу.

Съ народомъ у насъ Князь имѣлъ дѣло *лицемъ къ лицу*, какъ его защитникъ и судья, въ слу-

чаяхъ впрочемъ очень рѣдкихъ, за что и получалъ опредѣленную дань,—вотъ въ чемъ состояло его отношеніе,— а Западный Государь *отдѣленъ* былъ совершенно своими вассалами.

Переходимъ къ Боярамъ.

БОЯРЕ

САМИ ПО СЕБѢ.

Бояръ и мужей, соотвѣтствующихъ западнымъ воеводамъ, у насъ было гораздо *меньше*, чѣмъ на Западѣ (въ Галліи, Британіи, Испаніи, Италіи), куда пришли огромныя войска-племена со множествомъ предводителей. Потому-то они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента, а были только переднимъ рядомъ Княжеской свиты, гвардіи, дружины.

Отношенія Бояръ къ Князю.

Воеводы Западные почитали себя *почти равными* Королю, который безъ нихъ ничего не значилъ, не могъ владѣть государствомъ, не могъ дѣйствовать, всего менѣе повелѣвать ими, а наши находились въ *полномъ* распоряженіи Князя,— ближайшіе исполнители его приказаній, — его родственники, слуги, наемники, безъ которыхъ онъ могъ обойтись всегда. Они зависѣли отъ Князя, а на Западѣ Князь зависѣлъ отъ нихъ. Тѣ дѣлали что хотѣли, а наши, что приказывалъ имъ Князь.

Къ землѣ.

Феодалы западные отняли у туземцевъ, *раздѣлили* между собою, какъ добычу, землю, которую покорили подъ предводительствомъ Короля, а наши не прикоснулись къ землѣ, а получали иногда отъ Князя, временно, въ родѣ жалованья, или по договору за свою службу, часть *дани*, доходовъ, съ того или другаго города,—какъ его намѣстники, прикащики или откупщики, которыхъ онъ могъ всегда смѣнить, безъ малѣйшаго для себя вреда и неудобства.

Феодалы *разсѣялись* по всему пространству покоренной земли, а наши не имѣли *постояннаго* пребыванія, и жили тамъ, гдѣ назначалъ имъ Князь, — преимущественно при немъ, участвуя въ его походахъ военныхъ и мирныхъ.

Къ народу.

Феодалы Западные, отнявъ землю и заставивъ *работать* на себя ея обитателей, съ самаго начала поставили себя во враждебное отношеніе къ нимъ, а наши Бояре, не имѣя никакого дѣла до народа, кромѣ сбора дани и суда, жили въ добромъ согласіи съ ними.

Къ Государству.

Феодалы Западные, основали многія владѣнія, малыя Государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было *одно* малое

Государство. Западное Государство можно выразить такою дробью $\frac{10}{10}$, а наше десятичною.

НАРОДЪ И ЗЕМЛЯ.

Земля на Западѣ досталась сполна *пришельцамъ*, а у насъ осталась какъ прежде въ общемъ *владѣніи народа*, подъ верховною, (отвлеченною), властію Князя, который о ней не думалъ, потому что не имѣлъ никакой нужды.

Народъ на Западѣ, побѣжденный и покоренный, былъ обращенъ въ *рабство*, а у насъ остался *свододнымъ* какъ былъ, потому что не былъ покоренъ. Вся перемѣна состояла только въ дани, которую онъ началъ платить Князю или его прикащикамъ, дани естественными произведеніями, въ коихъ былъ у него излишекъ, и коихъ дѣвать было некуда, — слѣдовательно не отяготительной.

Однимъ словомъ — нашъ народъ былъ посаженъ на легкій оброкъ, а западный осужденъ на тяжелую барщину. Оброкъ и барщина, сами по себѣ, составляютъ теперь еще важное различіе для поселянина, уже смиреннаго, ручнаго, а что сказать о тяжеломъ оброкѣ и легкой барщинѣ въ первое время гражданскихъ обществъ, близкое къ природѣ и естественной свободѣ?

ГОРОДА.

Города на Западѣ съ остатками Римской образованности и гражданственности, сдѣлались пре-

бываніемъ людей особаго званія, занятыхъ промышленностію, а наши города были тѣже села съ одинакими жителями и занятіями, и названы городами потому только, что Князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя или для своихъ мужей, и огородили. По этой причинѣ они не могли сдѣлаться особливымъ элементомъ Государства, Промышленность городская, ограниченная удовлетвореніемъ первыхъ потребностей этого рода, оставалась, какъ прежде, занятіемъ поселянъ.

СОСЛОВІЯ.

Побѣдители и побѣжденные, покорители и покоренные, дали происхожденіе двумъ классамъ на Западѣ, дворянству и рабамъ, — а у насъ не было ни побѣды, ни покоренія, и не началось никакого различія въ правахъ между пришельцами и туземцами, гостями и хозяевами, не началось ни дворянства, ни рабства.

Не отъ кого было откупаться, не куда было скрываться, и не произошло убѣжищныхъ городовъ, не зародилось и третьяго, то есть средняго сословія.

Всѣ жители различались только по своимъ занятіямъ, равно доступнымъ для всякаго, а въ политическомъ, гражданскомъ отношеніи, были равны между собою и передъ Княземъ.

Надѣюсь, — слушатели видятъ теперь ясно происхожденіе, послѣдовательность, связь начальныхъ государственныхъ явленій на нашемъ Востокѣ, — и противоположность ихъ отъ перваго момента съ Исторіей Запада.

Эта противоположность усилилась и утвердилась въ теченіи послѣдующихъ двухъ сотъ лѣтъ, кои служатъ у насъ продолженіемъ перваго моменнта, и составляютъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, заключаютъ одно происшествіе, начало Государства, чего опять не представляетъ Западъ:

Кловисъ, Вильгельмъ Завоеватель, Албоинъ и и прочіе, покорили Галлію, Англію, Ломбардію, однимъ разомъ, съ твердымъ намѣреніемъ поселиться, и тотчасъ зачали, основали Государства, коихъ окружность ими уже была очерчена. Такое дѣйствіе требовало большихъ усилій, особеннаго напряженія, а сохраненіе пріобрѣтеннаго въ своемъ владѣніи – еще болѣе, чѣмъ и назначались, какъ мы видѣли, всѣ ихъ гражданскія отношенія, опредѣлилась вся Западная исторія. Тамъ Государства родились въ одночасье, а наше рождалось двѣсти лѣтъ.

Разсмотримъ теперь вліяніе этой долговременности на первоначальныя отношенія, нами выше объясненныя.

Первые Князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоемъ, ибо не имѣли мысли о

постоянномъ пребыванiи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ не дорожили, слѣдовательно—какъ сначала имъ ненужны были помощники для водворенiя, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣнiя.

Пользуясь благопрiятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы по разнымъ сторонамъ и распространять предѣлы своей *дани*, все еще не думая о прочномъ владѣнiи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплеменниковъ. Всего чаще цѣлiю ихъ были богатые сосѣди, особенно Грецiя, вознаграждавшая сторицею ихъ труды.

Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнiя, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность—къ тому времени, когда духъ движенiя успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимiрѣ и Ярославѣ, которые покончили очертанiе окружности, и положили по послѣднему камню основанiя, чрезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго прибытiя Варяговъ.

Вотъ какъ первоначальное отличiе Русскаго Князя отъ Западнаго Короля, утвердилось окончательно.

Точно такое же дѣйствiе долговременнымъ основанiемъ Государства произведено и на Бояръ

сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли большаго значенія, а послѣднія, Владиміровы, Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще, можетъ быть, предъявлять какое нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едвали не впродолженіе несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Владиміръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по выбору онъ оставилъ у себя, для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію, Ярославъ поступалъ одинаково.

Наши мужи по городамъ получали отъ Князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ какъ Феодалы западные, получивъ землю, обязаны были ставить Королю воиновъ, которые и составляли единственно его войско. Такимъ образомъ наши Бояре по необходимости были подчинены Князю, и Боярство въ Западномъ смыслѣ рѣшительно отстранилось.

Самая дружина, вслѣдствіе безпрерывныхъ многолѣтнихъ войнъ, нѣсколько разъ переводилась и возобновлялась сполна, и слѣдовательно не могла пустить глубокихъ корней, усилиться на счетъ Князя, а находилась въ совершенной отъ него зависимости.

Племена Славянскія обкладывались одно за другимъ данью, на томъ же основаніи, какъ первыя,—оставаясь свободными, владѣя по прежнему землею, и не питая никакой ненависти къ

пришельцамъ. Предѣлы Государства распространялись слѣдовательно изподоволь, безъ усилій со стороны Князя, безъ непосредственнаго участія Бояръ, безъ отягощенія народа.

Число городовъ увеличивалось только какъ жилищъ для княжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани.

Тьери, желая итогомъ изобразить состояніе Франціи, въ эпоху основанія Государства, приводитъ мѣста изъ законовъ Салическихъ:

»Если свободный человѣкъ убьетъ Франка или варвара или человѣка, живущаго подъ закономъ Салическимъ, то повиненъ заплатить пеню въ *двѣсти* су. Если Римлянинъ владѣлецъ, то есть имѣющій поземельную собственность въ области, гдѣ живетъ, будетъ убитъ, то уличенный въ убійствѣ долженъ заплатить *сто* су. (*)

»Кто убьетъ Франка или варвара на службѣ Короля (truste), тотъ долженъ заплатить *шестьсотъ* су. Если Римлянинъ, гость Короля, былъ убитъ, то пеня въ *триста* су. (*)

»Если кто, собравши войско, нападетъ на человѣка свободнаго, (Франка или варвара), въ его

(*) Lex Salica. tit. XLIV. § 1 и 15; apud Script. rerum francic. t. IV, p, 147. На нынѣшнія деньги, эти пени простирались, первая до 3000 фр. а вторая до 1500 фр.—

(**) Lex Salica. tit XLIV. § 4 и 6 (9000 фр. и 4500)

домѣ и убьетъ, то будетъ осужденъ на *шестьсотъ* су. Но если простолюдинъ или Римлянинъ будетъ убитъ такою толпою, то будетъ выплаченъ только *половиною* этой пени. (**)

»Если Римлянинъ наложитъ узы на Франка, безъ законной причины, то повиненъ заплатить *тридцать* су. Но если Франкъ свяжетъ Римлянина безъ причины, то повиненъ заплатить *15* с. (***)

Если Римлянинъ ограбитъ Франка, то повиненъ заплатить *72* су. Если Франкъ ограбитъ Римлянина, то повиненъ заплатить *30* су. «и проч. (****)

Вотъ, говоритъ Тьерн, какимъ образомъ законъ Салическій отвѣчаетъ на вопросъ, столь часто подвергаемый разсужденіямъ, о первоначальномъ различіи гражданскомъ между Франками и Галлами.

Развернемъ Русскую правду, писанную во время Ярославово, въ эпоху окончательнаго основанія Государства, — представитъ ли она такую противоположность съ закономъ Салическимъ, какую противоположность мы видѣли въ основаніи Русскаго Государства съ основаніемъ западныхъ Государствъ. Гдѣ искать лучше повѣрки!

(*) Ibid. tit. XLV, § 1 и 3 (9000 ф. и 4500).

(**) Ibid. tit. XXXV § 3 4. (450 и 225 ф).

(***) Lex salica ex MS. codice regio, a Joanne Schiltero, tit. XV; apud Script. rerum francic. T. IV p 188. (930 и 450 ф.) Lettres sur l'Histoire de France. Brux. c. 443.

»Ажь убьетъ мужъ мужа, то мьстити братъ брата, любо отцю, любо сыну, браточаду, любо братню сынови; ожели не будетъ кто его мьстя, то положити за голову.... ачели будетъ *Русинъ*, любо гридь, любо купець, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгои, любо *Словенинъ*, то 40 гривенъ положити зань« (*).

За Русина и Словенина совершено одна пеня! Они слѣдовательно имѣли одинакія права.

Какъ разительно этотъ законъ Русской Правды, замѣчанный Карамзинымъ, противоположенъ съ Салическимъ, и какъ ясно подтверждается имъ различце въ началѣ государствъ Западныхъ съ Русскимъ! Въ основаніе государства у насъ была положена любовь, а на Западѣ ненависть (**).

Къ историческимъ, бытейскимъ, (фактическимъ, отличіямъ присоединились, что очень удивительно для мыслящаго наблюдателя, совершенно соотвѣтственныя отличія физическія и нравственныя.

Физическія: пространство, народочисліе, населенность, почва, климатъ, положеніе, система рѣкъ.

(*) Русскія Достопамятности I. ст, 28.

(**) Въ этомъ признаются многіе изъ Западныхъ писателей: сенсимонисты даже выходятъ изъ того начала, что вся общественная жизнь у нихъ составлена на началѣ оппозиціи, то есть вражды, слѣдовательно должна быть преобразована!

Нравственныя: народный характеръ, религія, образованіе.

Разсмотримъ, какъ эти отличія содѣйствовали къ произведенію одинакихъ явленій и слѣдствій съ историческими, вышеисчисленными.

I. *Пространство.* Такая обширная страна, какъ Россія, Ярославова, (между Балтійскимъ моремъ, Польшею, Карпатскими горами, Новороссійскими степями, Волгою и дальнымъ Сѣверомъ), страна на нѣсколько разъ болѣе Франціи, Англіи, Ломбардіи, Ирландіи, не могла быть вдругъ, подобно имъ, завоевана; пройти это пространство взадъ и впередъ, вдоль и поперегъ — не достанетъ жизни одного поколѣнія, а покорить, содержать въ повиновеніи, кольми паче. Такъ и было. Монголы послѣ прошли ее, правда, (и то въ немногихъ направленіяхъ), но Монголы ходили многочисленнымъ войскомъ, цѣлымъ почти народомъ, а Норманны могли набѣгать только артелями, съ которыхъ было довольно временной дани.

Итакъ пространство представило невозможность быстраго завоеванія, а другое слѣдствіе отъ этой причины было слѣдующее: земли пустопорозжей было много, не такъ какъ на Западѣ, и никто не дорожилъ ею, ни Князь, ни Бояре, ни туземцы. Бери всякій, сколько хочешь, — на что же было отъимать, насиловать? За что враждовать? Обстоятельство весьма важное!

II. Народъ туземный (Славянскій) былъ очень *многочисленъ* и единъ по своему происхожденію,

чего также не представитъ ни одна страна того времени, Галлія, Британія, Италія, заселенныя раньше, получившія много разнородныхъ обитателей. Это единство сообщало ему твердость, доставляло вліяніе, коему невольно подчинились малочисленные пришельцы. Норманны разошлись въ Славянскомъ населеніи, подобно каплѣ вина въ водѣ, такъ что ихъ стало невидно, лишь только прекратились сѣверные выселки, и они остались одни, т. е., послѣ Ярослава. А на Западѣ наоборотъ: тамъ взяли преимущество пришельцы и наложили свою печать на туземцевъ. Тамъ Галлы, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, стали Франками, а у насъ Варяги Славянами.

Надобно впрочемъ прибавить, что Славяне, воспріявъ въ нѣдра свои Норманновъ, удержали при себѣ доставленные ими дары, гражданство и Христіанство.

Замѣтимъ еще вотъ что; многочисленость внушаетъ всегда уваженіе къ себѣ: Князья, и особенно ихъ мужи, находясь часто съ немногими помощниками, вдали отъ своихъ жилищь, среди многочисленныхъ обществъ, въ невыгодной для себя пропорціи, должны были естественно, изъ опасенія, воздерживаться отъ лишнихъ притѣсненій, еслибъ даже когда и представлялся имъ поводъ или случай, — что и содѣйствовало къ поддержанію добраго согласія и пріязни между пришельцами и туземцами.

III. *Заселеніе* не сплошное, но раздѣленное лѣсами, степями, болотами, рѣчками, безъ боль-

шихъ дорогъ, при трудныхъ сообщеніяхъ, препятствовало въ 9 столѣтіи всякому потоку завоеванія, и также воздерживало завоевателей. Нельзя было вдругъ идти далѣе, не осмотрѣвшись на мѣстѣ, а это требуетъ времени. Всѣ походы производились по рѣкамъ, а страны, лежавшія вдали отъ оныхъ въ глуши, по сторонамъ, въ заволочьяхъ, оставались долго въ покоѣ, пока Князья разпространились по всѣмъ городамъ, откуда уже могли, на досугѣ, ходить направо и на лѣво.

IV. Земля *бѣдная*, обильная только главными естественными произведеніями, удовлетворяющими первымъ нуждамъ, голоду и жаждѣ, и то за трудъ, съ потомъ и кровью, земля, недоставлявшая никакой пищи роскоши, не привлекала завоевателей. Что взять было Князьямъ, Боярамъ, отъ бѣдныхъ жителей ея? Они спѣшили на промыслъ въ другія богатыя мѣста, подъ Царьградъ, къ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей. Уже только тогда, какъ пути были преграждены, ни домой ни Сѣверъ, ни въ Грецію на Югъ, и дѣваться было некуда, они, между тѣмъ привыкнувъ къ землѣ и жителямъ, остались жить на неблагодарной почвѣ. Совсѣмъ не то на Западѣ, гдѣ пришельцы нашли себѣ рай земной, въ сравненіи съ ихъ отчизной, изъ коего некуда имъ было желать болѣе.

V. *Климатъ* суровый, холодный, заставлялъ обитателей жить дома, около очаговъ, среди семействъ и не заботиться о дѣлахъ общественныхъ, дѣлахъ площади, куда выходили они толь-

ко въ крайней нуждѣ, предоставляя всѣ съ охотою Князю и его Боярамъ, чѣмъ отстранялось всякое столкновеніе и раздоры.

VI. *Положеніе* равное, безъ горъ, одинакое, содѣйствовало одинаковости отношеній, гражданскому равенству—вездѣ однѣ и тѣже выгоды и невыгоды. Некому и нечѣмъ было воспользоваться. Феодалу негдѣ было бы выстроить себѣ замка, онъ не нашелъ бы себѣ неприступной горы,—да и камня нѣтъ, на строеніе, а только сгараемый лѣсъ.

VII. *Система рѣкъ*, текущихъ внутри земли, странное отдѣленіе отъ всѣхъ морей, (Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго) мѣшали туземцамъ приходить въ соприкосновеніе съ другими народами, получать новыя понятія, узнавать чужія выгоды и невыгоды, и судить о своихъ.Мы оставались одни, и шли своей дорогою, или, лучше, сидѣли дома, въ мирѣ и покоѣ, и подчинились спокойно первому пришедшему.

Различія нравственныя:

VIII. *Характеръ* Словенскій. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ доказательства, что однѣ свойства имѣетъ сѣверный человѣкъ, другія южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрѣе, чѣмъ у другаго; что каждый народъ имѣетъ свой характеръ, свои добродѣтели и свои пороки. Словене были и есть народъ тихій, спокойный, терпѣливый. Всѣ древніе писатели утверждаютъ это о своихъ Словенахъ, то есть запад-

ныхъ. Наши имѣли и имѣютъ эти качества еще въ высшей степени. Потому они и приняли чуждыхъ господъ безъ всякаго сопротивленія, исполняли всякое требованіе ихъ съ готовностію, не раздражали ничѣмъ, — и всегда были довольны своею участію. Поляне платили дань Козарамъ, пришелъ Аскольдъ—стали платить ему, пришелъ Олегъ—точно также. Кому вы даете дань, спрашиваетъ Олегъ Сѣверянъ. Козарамъ. Не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ, – и Сѣверяне начали давать ему.

Такая безусловная покорность, равнодушіе, противоположныя западной раздражительности, содѣйствовали къ сохраненію добраго согласія между двумя народами (*).

IX. *Религія.* Варяги язычники встрѣтились у насъ съ Словенами-язычниками, оставляли одни другихъ въ покоѣ. А западные завоеватели встрѣтились съ Христіанами, и начали дѣйствовать другъ противъ друга,—новый источникъ ненависти, катораго у насъ не было.

Впослѣдствіи Варяги приняли Христіанскую вѣру, и распространили ее мужду Славянами, принявшими ее также по своему характеру, безъ сопротивленія, а на Западѣ на оборотъ. У

(*) Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ они стояли за себя: такъ Древляне убили Игоря, такъ Словене раздѣлались съ буйной дружиной Ярослава. Пришельцы понимали это, и не доводили до крайностей.

насъ пришельцы сообщили Религію туземцамъ, а тамъ туземцы пришельцамъ.

И вѣра принята у насъ Восточная, во многомъ противоположная Западной. Тѣ получили ее изъ Рима, а мы изъ Константинополя. Не мѣсто входить здѣсь въ показаніе отличій между обѣими церквами; мы укажемъ только на тѣ, кои соотвѣтствуютъ вышеписаннымъ политическимъ отличіямъ: западная болѣе стремится внѣ, восточная углубляется внутрь; у нихъ пропаганда, у насъ сохраненіе; у нихъ движеніе, у насъ спокойствіе; у нихъ никвизиція, у насъ терпимость. Дѣйствуя внѣ-западная церковь вошла по необходимости въ соприкосновеніе съ свѣтскою властію, и получила на время преимущество надъ ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила свѣтскую власть дѣйствовать, какъ ей угодно.

X. *Образованіе*. У западныхъ племенъ, къ коимъ пришли завоеватели, было уже образованіе,—и гражданское, и умственное, - кромѣ религіознаго, о коемъ мы сей часъ говорили. Каково же было имъ разстаться съ этими сокровищами въ жертву варварамъ! А у насъ гражданскаго образованія не было никакого, а только семейное, домашнее, до коего пришельцы некоснулись. Новое гражданское образованіе привито у насъ къ дереву свѣжему, дикому, а тамъ къ старому и гнилому. Ихъ зданіе выстроено на развалинахъ, а наше на нови. Мы получили гражданское образованіе отъ пришельцевъ, а западныя племена дали имъ.

Столько различій положено въ основаніе Рускаго Государства сравнительно съ Западными! Незнаешь, которыя сильнѣе: историческія, физическія или нравственныя! Каковы же онѣ вмѣстѣ, дѣйствуя одно на другое, укрѣпляя себя взаимно, приводя къ одному концу!

Эти различія развивались впослѣдствіи, и представили изъ Русской Исторіи, при общемъ (родовомъ) ея подобіи, при единствѣ цѣли, совершенную противоположность съ Исторіей Западныхъ государствъ, что касается до ея путей, средствъ, обстоятельствъ, формы происшествій,— противоположность, которую представляетъ наша жизнь и теперь, не смотря на всѣ усилія, преобразованія, перевороты, время...

Вотъ что надо имѣть непремѣнно въ виду разсуждая о Русской Исторіи, въ какомъ бы то ни было ея періодѣ, произнося приговоръ ея событіямъ, разбирая ея достоинства и недостатки, хваля и порицая дѣйствующія лица, изъявляя желанія или опасенія для будущаго времени. Иначе мы будемъ впадать въ дѣтскія ошибки, то есть искать такихъ плодовъ, для которыхъ не было сѣмянъ, и оставлять безъ вниманія другія, можетъ быть, драгоцѣннѣйшія, потому что ихъ нѣтъ индѣ.

Предложу для ясности простое сравненіе: хорошолибъ мы поступили, еслибъ бросили рожь нашу кормилицу, и принялись вездѣ сѣять манисъ, обольщенные разсказами объ его сладости и вкусѣ? Мы должныбъ скоро умереть съ голоду,

потому что не наготовились бы маису на цѣлое народонаселеніе, хоть бы вздумали строить вездѣ оранжереи.

Происшествія не имѣютъ такой очевидности и осязательности, какъ естественныя произвенія, и много времени проходитъ иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значеніе того или другаго; но смѣло можно сказать, даже судя по одному, разобранному нами теперь, началу, что мы должны отказаться отъ своего прошедшаго существованія, т. е. своей Исторіи, (что впрочемъ и дѣлаютъ нѣкоторые), должны необходимо допустить нелѣпое заключеніе, что нынѣшняя Россія произошла изъ ничего, если будемъ прикладывать западной масштабъ къ Русской исторической жизни. Нѣтъ! Западу на Востокѣ быть нельзя, и солнце не можетъ закатываться тамъ, гдѣ оно восходитъ.

О СТАРШИНСТВѢ

МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

1840.

О СТАРШИНСТВѢ МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

При первомъ взглядѣ на преемство Князей въ Кіевскомъ Княжествѣ мы видимъ, что между ими считалось какое-то *старшинство*, въ которомъ и состояло право. Въ одномъ мѣстѣ говорятъ они: «а се рядъ межъ нами есть» и проч.

Соберемъ сперва всѣ мѣста объ этомъ *старшинствѣ*.

Прежде всего вспомнимъ отвѣтъ Бориса дружинѣ, совѣтовавшей ему итти въ Кіевъ и занять престолъ послѣ отца своего, Владиміра: «Не буди мнѣ взняти рукы *на брата своего старѣйшаго* (Святополка, сына Ярополкова); аще и отецъ умре, то сь ми буди въ отца мѣсто».[1] Изъ этихъ словъ мы видимъ, что двоюродный братъ, рожденный отъ старшаго дяди, считался старшимъ и имѣющимъ первое право на престолъ.

1. Несторъ по Лаврентьевскому списку, с. 94.

«Сѣди на своемъ столѣ въ Кіевѣ, понеже ты еси *старѣйшій*», говоритъ Мстиславъ Ярославу [1] побѣдивъ его въ 1024 г.

Ярославъ, умирая, говоритъ Изяславу: «се же поручаю въ себе мѣсто столъ сыну своему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, яко же послушаете мене,... Аще хто хощетъ обидѣти брата своего, то ты помогай». Онъ же говоритъ Всеволоду, третьему своему сыну, какъ то разсказываетъ Несторъ, припоминая эти слова уже при описаніи смерти Всеволодовой [2] «Аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего *по братьи своей со правдою,* а не насильствомъ, «то...., лягъ здѣсь подлѣ меня и проч.» Се же сбысться глаголъ отца его, и послѣ братіи пріимшу столъ отца моего сѣде въ Кіевѣ, княжа» и проч. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что братья должны были наслѣдовать Кіевскій престолъ по очереди, а сыновья ихъ уже послѣ. И точно: послѣ Изяслава вступилъ на Кіевскій престолъ братъ его Всеволодъ, а не сынъ Святополкъ.

Послѣ Всеволода вступилъ на Кіевскій престолъ сынъ Изяславовъ, Святополкъ (1093 г.), а не Всеволодъ Мономахъ, который сказалъ при этомъ слѣдующія примѣчательныя слова: «Аще азъ сяду на столъ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко то есть столъ прежде отца его былъ» [3].

---

1 Несторъ по Кенигсбергскому списку съ прод. с. 130 — 2. 133. 3. 134.

За Святополкомъ слѣдовалъ не его сынъ, а сынъ Всеволодовъ, Мономахъ.

«Азъ есмь *меньше тебе*, слися ко отцу моему», говоритъ Мстиславъ Владимировичь подъ г. 1096, Олегу Святославичу, который напалъ на владѣніе его брата. [1]

Я не спорилъ о *старѣйшинствѣ* съ достойнымъ Всеволодомъ (Ольговичемъ), говоритъ подъ г. 1146 Изяславъ Мстиславичь. . . Но Игорь и Святославъ должны ли повелѣвать нами».... [2].

«Царствуй въ Кіевѣ»—говоритъ Георгій Долгорукій племяннику Изяславу Мстиславичу — «забываю *старѣйшинство*, коего ты лишилъ меня; дай мнѣ Переяславль. [3]

Ростиславъ Мстиславичь думалъ всегда, что старшій ихъ дядя (Вячеславъ Владиміровичь) имѣлъ законное право на область Кіевскую [4], «Много ми еси, брате, понуживалъ положити честь на стрыеви нашемъ» [5] признается самъ Изяславъ Мстиславичь подъ г. 1151.

Ростиславъ Георгіевичь предложилъ (подъ г. 1148) свои услуги Изяславу Мстиславичу, какъ *старшему изъ внуковъ* Мономаховыхъ. Изяславъ отвѣчалъ: *всѣхъ насъ старѣе* отецъ твой, но онъ не умѣетъ жить въ дружбѣ», и пр. [6]

---

1. Нест. Кен. 149.—2. Карамзинъ II. с. 206. Не привожу подлинныхъ словъ изъ Лѣтописей неизданныхъ, кои у Карамзина представлены въ переводѣ.—3. с. 233.—4. с. 247.—5. пр. 335 — 6. II, с. 226.

«Яко имѣти ему (Святославу Владиміровичу) его (Святослава Ольговича) въ отца *мѣсто*».[1]

«Вячеславъ же (услышавъ о сверженіи Игоря Ольговича) надѣяся на старѣйшинство, послушавъ болярѣ своихъ, и не приложивъ чести ко Изяславу, отъятъ городы» и пр. [2]

А Вячеславъ послалъ сказать Изяславу: сынъ, аще еси на мнѣ *честь положилъ*». [3] Рѣчь идетъ о предложеніи Великаго Княжества Кіевскаго Изяславомъ дядѣ Вячеславу.

«Боишься ли унизиться предо мною?» — говоритъ Вячеславъ Георгію подъ г. 1151—«Но *кто изъ насъ старшій?* Я уже былъ брадатъ, когда ты родился. Опомнись, или, поднявъ руку на старшаго, бойся гнѣва небеснаго». [4] И Георгій признавалъ-было его своимъ отцемъ.

Ростиславичи, по смерти Глѣба Георгіевича, послали въ 1171 г. за дядею Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чтобы онъ, какъ *старшій* въ родѣ Мономаха, господствовалъ въ Кіевѣ.[5]

«Пріиде Ярославъ Луческый на Ростиславичи же съ всею Волынскою землею, ища собѣ старѣйшинства во Олговичехъ, и не съступиша ему Кыева» [6] подъ г. 1173.

«И поидоста (подъ г. 1175) преди два Михалко Георгіевичь и Ярополкъ Ростиславичь, и утвер-

---

1. Арцыбышева Повѣствованіе о Россіи, N 1056.— 2. Рус. лѣтоп. по Воскресенскому списку, с. 284, подъ г. 1146. Срав.: «Глѣбъ же слышавъ радъ бысть оже на него *честь вкладываютъ*.» Нест. по Кен. 256.—3. Тамъ же.—4. Кар. II, с. 250.—5. Кар. III с. 14.—6. III, пр. 18.

дившись межи собою, *даше старѣйшинство* Михалку» [1].

«Мы готовы повиноваться тебѣ, какъ нашему отцу»—сказалъ Игорь Сѣверскій на совѣтѣ родственниковъ Святославу Черниговскому [2] подъ г. 1180.

«Святославъ же, совокупився съ братьею (подъ г. 1146) и Половцы, рече: се азъ *старѣй* Ярослава, а ты, Игорю *старѣй* Всеволода (Святославича, его брата), а нынѣ я вамъ въ *отца мѣсто*, а велю тебѣ Игорю здѣ съ Ярославомъ блюсти Чернигова, а я пойду со Всеволодомъ къ Суждалю.» [3]

Рюрикъ уступилъ Кіевъ Святославу подъ г. 1181: »бѣ бо старѣй лѣты» [4].

«Се остало ми ся *старѣйшинство* въ Русской земли», послалъ сказать Рюрикъ Ростиславичь братьямъ по смерти Святополка Всеволодовича въ 1195 г. [5].

«Посла (въ 1195 г.) Князь Великій Всеволодъ послы своя въ Кіевъ, ко свату своему Рюрику Ростиславичю, река ему тако: *наркли мя есте въ Володимери племѣни дѣда моего Мономаша старѣйшимъ* по достоиньству есь, а ныне сѣлъ ты есь въ Кіевѣ, а мнѣ еси части не удѣлилъ въ Руськой земли, но раздаялъ ю еси инѣмъ *моложіимъ* братьи своей.» [6]

---

1. Нест. Кен. 256. — 2. Кар. III, 56. — 3. Кар. III, пр. 59. — 4. III, пр. 60. — 5 III, пр. 89.—6. Лѣт. Воскр. II, с. 120.

»Оже далъ есь.... *предъ старѣйшимъ меньшому лучшую сласъ*» т. е. если ты далъ лучшую область меньшему предъ старшимъ, то, и пр.» говоритъ Митрополитъ Никифоръ Рюрику Ростиславичу, подъ г. 1195. [1]

«Всеволодъ наслался на меня гнѣвомъ про то, яко на него чести преже не положили есьмы» говоритъ, оправдываясь, Рюрикъ Роману подъ г. 1195. [2]

Безъ Всеволода мы не можемъ обойтись, говоритъ (подъ г. 1195) Рюрикъ Ростиславичь Роману Волынскому: «положили бо есмы на немь *старѣишинство вся братаа въ Володимери племени* [3] т. е. мы признали его старшимъ между потомками Владиміра Мономаха.

Романъ разсердился, и Рюрикъ, услышавъ, что онъ ведетъ Ярослава «на *старѣйшинство*, ... посла ко Всеволоду (подъ г. 1195): ты же брате *старѣй* еси во всемь Володимери племени.» [4]

Точно то же примѣчаемъ и въ другихъ Княжествахъ, напр. въ Черниговскомъ: Изяславъ Давидовичь, получивъ Кіевъ, отдалъ Черниговъ племяннику своему, а потомъ Святославу Ольговичу.

По смерти Святослава Ольговича, сынъ его, Олегъ Святославичь хотѣлъ-было остаться въ Черниговѣ, но послѣ уступилъ старшему двоюродному брату Святославу Всеволодовичу.

---

1. Лѣт. по Вос. сп. с. 121. — 2. ст. 122. — 3. Тамъ же — 4. Тамъ же.

Разсматривая сіи мѣста, мы видимъ, что *старшинство* дѣйствительно было основаніемъ праву.

Станемъ разсуждать объ этомъ правѣ сперва a priori.

Какъ могло быть исполняемо право старшинства? Въ первомъ поколѣніи послѣ Ярослава, даже во второмъ, при его внукахъ, при малочисленномъ семействѣ, это право, разумѣется, могло имѣть значеніе, потому что легко было знать, кто старше; но что сказать о третьемъ, или о четвертомъ поколѣніи, когда число Князей умножилось до ста, до двухъ сотъ?

Это затрудненіе еще не велико. Знать свое старшинство въ такомъ множествѣ мудрено, это правда, но возможно. Вспомнимъ о спорахъ по мѣстничеству, кои были гораздо сложнѣе, запутаннѣе и мудренѣе, и въ коихъ наше Бояре такъ твердо и рѣшительно поддерживали свое старшинство. Сѣверныя Лѣтописи представляютъ также множество свидѣтельствъ объ удивительныхъ познаніяхъ въ Генеалогіи, обыкновенныхъ въ древнемъ отечествѣ Норманновъ. Замѣтимъ кстати о богатой номенклатурѣ родства, которая у насъ теперь уже потеряна: братáничь, сестриничь, стрый, сыновецъ, дщерщи, и проч.

Но вотъ другой вопросъ или другое недоразумѣніе: съ такимъ правомъ — всякій городъ, всякая область, должны были ежегодно перемѣнять по нѣскольку разъ своихъ владѣтелей, которые, въ такихъ случаяхъ, мѣняя одно владѣніе на

другое, ходили бы безпрестанно взадъ и впередъ по Княжествамъ, какъ по ступенямъ въ лѣстницѣ, до Великокняжескаго Престола.

Предложимъ примѣръ, чтобы яснѣе выразить наше недоумѣніе.

У Ярослава осталось пять сыновей: одинъ получилъ Кіевъ, другой Черниговъ, третій Переяславль, четвертый Смоленскъ, пятый Владиміръ. Умираетъ старшій, второй заступаетъ его мѣсто, третій долженъ переѣхать изъ Переяславля въ Черниговъ, четвертый изъ Смоленска въ Переяславль, а сынъ умершаго во Владиміръ. Дѣти ихъ должны перейти тоже изъ одного города въ другой, лучшій и старшій. Когда число Князей увеличилось до 100, — а ихъ бывало и по 200 въ одно время,—200 человѣкъ при всякой смерти, перемѣнили бы свои мѣста. Неужели двѣсти человѣкъ должны были нѣсколько разъ въ годъ переходить съ мѣста на мѣсто? Что за замѣшательство въ странѣ!

Заключаю—такое право, возможное и удобное при маломъ семействѣ, невозможно при его размноженіи; оно вскорѣ должно было или уничтожиться, или *ограничиться*. Ограниченія сіи, можетъ быть, были основаны по преданію на древнемъ правѣ наслѣдства, или порождены обстоятельствами, что̀ и слѣдуетъ разсмотрѣть.

Почти такъ разсуждать можно было a priori. Теперь обратимся къ самымъ происшествіямъ.

Послѣ Ярослава мы видимъ пять сыновъ его и племянника Брячислава; Брячиславъ передалъ

свое Полоцкое Княжество сыну Всеславу, а сей своимъ дѣтямъ, которые никогда не выходили изъ предѣловъ родоваго наслѣдства. Почему же никогда не доставался имъ Кіевъ, принадлежность старшаго въ родѣ? Неужели никогда не доходилъ чередъ старшинства ни до одного изъ нихъ? А родъ ихъ былъ самый старшій. (О покушеніяхъ Брячислава и Всеслава, мѣстныхъ, случайныхъ и временныхъ, ниже).

Пойдемъ далѣе.

У Ярослава старшій сынъ былъ Владиміръ, который умеръ еще при его жизни. Сынъ Владиміровъ, Ростиславъ, отравленный въ Тмутаракани, оставилъ трехъ сыновъ, которые получили отъ Всеволода Червенскіе города, и никогда, равно какъ и потомки ихъ, Галицкіе Князья, не объявляли своихъ притязаній на Великое Княжество. Неужели ни кому изъ нихъ, происходившихъ отъ старшаго сына Ярославова, не случилось быть старшимъ во всемъ потомствѣ? Родъ ихъ былъ старше Изяславичей и Мономаховичей.

Второй сынъ Ярослава, Изяславъ, получилъ Великое Княжество, доставшееся сыну его Святополку по смерти Всеволода. Но послѣ Святополка на Великокняжескомъ престолѣ не бывалъ никто уже изъ Изяславичей, коихъ потомки владѣли въ Пинскѣ. Почему это такъ было? Почему они не искали Великаго Княжества?

Почему другіе состязатели не ссылались никогда на право старшинства всѣхъ сихъ Кня-

зей, Полоцкихъ, Галицкихъ, Пинскихъ? Скажутъ они ослабѣли? Но при обстоятельствахъ того времени слабому Князю легко было находить помощниковъ, которые рады были воспользоваться всякимъ предлогомъ, чтобы увеличить свои владѣнія на счетъ того или другаго слабаго претендента, и получить награду. Почему именно они даже не упоминаются нигдѣ у прочихъ претендентовъ? Никто не доказывалъ ими и никто не отвѣчалъ!

Остаются только два потомства: Святослава и Всеволода, третьяго и четвертаго сына Ярославова. Всеволодово было моложе, и между тѣмъ владѣло Кіевомъ почти безпрерывно, а Святославово очень рѣдко, и то съ насиліемъ.

Олегъ не былъ на Великокняжескомъ престолѣ, и подъ конецъ своей жизни владѣлъ спокойно Черниговомъ, не искавъ Кіева, доставшагося Мономаху.

Всеволодъ Ольговичь овладѣлъ Кіевомъ по смерти Ярополка Владиміровича насильственно (см. ниже). Послѣ него, братъ его Игорь тотчасъ былъ свергнутъ съ престола, и Кіевъ остался у Мономаховичей даже до Изяслава Давидовича, который занялъ его въ слѣдствіе особыхъ обстоятельствъ.

Послѣ него, чрезъ нѣсколькихъ Мономаховичей, бывшихъ уже подъ вліяніемъ Владимирскихъ Князей, достался Кіевъ, и то съ общаго ихъ согласія, Святославу Всеволодовичу.

Сынъ его, Всеволодъ Чермный, овладѣлъ Кіевомъ, но также не надолго, и былъ принужденъ бѣжать въ Черниговъ.

Что же за причина такого устраненія Олеговичей? Неужели одна любовь къ Мономаховичамъ? Неужели сіи послѣдніе одолжены были Великокняжескимъ престоломъ только личнымъ своимъ доблестямъ?

Нечего говорить о потомствѣ младшихъ сыновъ Ярославовыхъ, Вячеслава, котораго единственный сынъ бездѣтный умеръ при жизни дядей, и Игоря, котораго два сына умерли также до кончины Мономаховой, а внуки — до кончины его сыновъ: потому что изъ ихъ потомковъ никому не приходилось быть старшимъ въ родѣ Ярослава.

Взглянемъ здѣсь мимоходомъ на другія Княжества.

Полоцкое оставалось всегда въ родѣ Изяслава, какъ отдано было ему съ Рогнѣдою Владиміромъ. Ни одинъ Князь другаго рода не попадалъ туда до изгнанія Полоцкихъ Князей въ Грецію.

Галицкое Княжество точно также оставалось въ родѣ Ростиславичей, которымъ отдано Всеволодомъ, до пресѣченія ихъ линіи.

Черниговское — въ родѣ Святослава. Еще бобѣе: одинъ изъ его сыновъ получилъ Рязань, и потомство сего послѣдняго не заходило уже никогда въ Черниговъ, точно какъ ни одинъ изъ

родственниковъ ихъ оттуда не искалъ Рязани. А казалось должна бы была иногда доходить очередь старшинства до какого-нибудь Рязанскаго Князя, — имѣть Черниговъ.

Что же все это значитъ?

Разсматривая всѣ эти явленія, я принужденъ заключить, что вѣрно было какое-нибудь правомѣрное *ограниченіе праву старшинства*, то есть, я дохожу до того же заключенія, какое сдѣлалъ выше, разсуждая о правѣ старшинства безъ событій, a priori, усматривая неудобность его приложенія къ дѣйствительности при размноженіи Князей.

Какое же это было ограниченіе? Дѣлаю слѣдующее предположеніе:

Не имѣлъ ли сынъ права только на тотъ городъ, область, или Княжество, которое было во владѣніи его отца? Не было ль отчиннаго права въ удѣльной системѣ? Такимъ образомъ дѣды и прадѣды не принимались въ разсчетъ, то есть, не льзя было, или, лучше, не должно было, внуку искать того, получить то, чѣмъ владѣлъ его дѣдъ или прадѣдъ, но не владѣлъ отецъ; хотя, разумѣется, внукъ или правнукъ имѣлъ сугубое право на то владѣніе, которымъ владѣлъ не только отецъ его, (conditio si qua non), но и дѣдъ и прадѣдъ, на свою отчину и дѣдину.

Если посредствомъ этого предположенія можно объяснить сколько-нибудь означенныя явленія, если оно не противорѣчитъ другимъ, то его принять можно. Такъ поступаютъ физики,

приступая къ гипотезамъ, при невозможности изъ извѣстныхъ законовъ объяснить то или другое явленіе Природы.

Если впослѣдствіи сдѣлается другое предположеніе, которое объяснитъ явленіе удовлетворительнѣе, то это можно отложить въ сторону.

Еще лучше, когда найдется положительное свѣдѣніе, какой-нибудь древній законъ, или тому подобное.

Сдѣлаемъ же опытъ приложенія, то есть, попытаемся объяснить прежнія затруднительныя явленія посредствомъ этого предположенія.

Мы удивлялись, почему потомство старшаго сына Владимірова, Изяслава, не владѣло никогда Великимъ Княжествомъ Кіевскимъ.

Отвѣчаемъ теперь: потому что Изяславъ умеръ при жизни отца и не владѣлъ никогда Кіевомъ. Онъ владѣлъ только Полоцкомъ. Сыну его Брячиславу не могъ уже достаться Кіевъ, а потомство его тѣмъ болѣе потеряло свое право старшинства. Полоцкъ же и остался въ его родѣ родовымъ достояніемъ.

Потому и Ростиславичи не должны были думать о Кіевѣ: ибо родоначальникъ ихъ, Владиміръ, умеръ при жизни отца, Ярослава, и слѣдовательно не владѣлъ Кіевомъ. Сынъ его Ростиславъ также, отравленный въ Тмутаракани. Дѣти Ростиславовы получили отъ Всеволода удѣлы, которые и остались въ ихъ родѣ, пока онъ велся — Галицкое Княжество.

Теперь перейдемъ къ потомству Изяслава. Онъ владѣлъ Кіевомъ, и Кіевъ достался по чередѣ старшинства сыну его Святополку-Михаилу, но старшій сынъ Святополка, Ярославъ, умеръ въ 1123 г., не владѣя Кіевомъ, который принадлежалъ еще старшему, дядѣ его, Мономаху. Потомство его слѣдовательно утратило по этому случаю право свое на Кіевъ.

Меньшіе сыновья Святополковы, Брячиславъ и Изяславъ, не имѣвшіе даже ни какихъ удѣловъ, по замѣчанію Карамзина, умерли съ небольшимъ чрезъ годъ послѣ Мономаха, и не могли состязаться, если не было другихъ причинъ, (о коихъ смотри ниже), съ могущественнымъ Мстиславомъ, которому Владиміръ предоставилъ Кіевъ.

Впрочемъ, право ихъ, если и было какое, продолжалось по смерти Мономаховой только годъ.

Нисходящее потомство лишилось онаго совершенно, и должно было ограничиться Пинскимъ Княжествомъ или Туровскимъ, которымъ владѣлъ ихъ предокъ Святополкъ до восшествія своего на Кіевской престолъ.

Осталось намъ объяснить отношенія двухъ главныхъ потомствъ Ярославова: Святославова и Всеволодова.

Святославово (Олеговичи) было старшее, но Святославъ владѣлъ Кіевомъ не по праву, а какъ похититель, при жизни старшаго брата Изяслава, который даже и послѣ его кончины опять получилъ Кіевъ. Его княженія какъ-будто не бывало, говоря по праву. Кіевъ, слѣдовательно, за прежде-

временное пользонаслажденіе не долженъ уже былъ принадлежать его потомству, которое такимъ образомъ утратило свое право.

Этого мало. Былъ, кажется, особый законъ, по которому Князь за вину лишался своего удѣла, какъ бояринъ отвѣчалъ головою. «Но *рядъ нашъ* такъ есть: оже ся Князь извинитъ, то волость, а мужъ въ голову»[1] что Карамзинъ переводитъ: «согласно съ древнимъ уставомъ Бояринъ въ винѣ отвѣтствуетъ головою, а Князь удѣломъ.» Такъ говорилъ (1176 г.) Святославъ Всеволодовичъ Роману Смоленскому.

Давидъ Игоревичъ лишенъ былъ вѣрно по тому же закону своей области за ослѣпленіе Василька въ 1037 году; «область Владимірская уже не твоя отнынѣ, ибо ты былъ причиною вражды и злодѣйства неслыханнаго въ Россіи,» говорятъ ему Князья,» по переводу Карамзина.[2]

Этотъ же законъ, вѣроятно, Изяславъ и Всеволодъ распространяли и на племянниковъ своихъ Святославичей, которыхъ хотѣли-было лишить удѣла,[3] и исполнили то на нѣсколько времени.

По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что Святославово потомство лишилось правъ на Кіевъ.

Потому-то, послѣ смерти Святополка, Мономахъ занялъ престолъ Кіевскій, а не Олегъ: «въ томъ же лѣтѣ (1113) преставися... Святополкъ, Апрѣля 16. Того же мѣсяца, 20, вниде Володимеръ въ Кіевъ.»

---

1. Кар. III, пр. 44. 2. II, с. 133.—3. См ниже.—4. Нест. по Кен. сп. с. 176.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «на утрія же, въ 31, сотворше Кіане послаше ко Владимеру, глаголюще: пойди Княже *на столъ отца своего.* Се слышавъ Владимиръ плакася велми по братѣ своемъ, и не пойде отъ печали. Кіяне же розграбиша дворъ Путятинъ тысячьского, и идоша на Жиды, и разграбиша я. Послаше второе Кіане ко Владимеру, глаголюще: пойди, Княже, къ Кіеву, аще ли не пойдешь, то много зла во градѣ воздвигнется. . . се же слышавъ Владимеръ, и пойде къ Кіеву, Апрѣля 20...[1] сѣде на Великомъ княженіи въ Кіевѣ, и люди возрадовашася, и мятежъ улеже»[2].

Ни слова объ иномъ чьемъ-либо правѣ. Потому-то Олегъ не шелъ самъ на Кіевъ, и впослѣдствіи не сталъ спорить съ Мономахомъ, самъ ли сей послѣдній пришелъ въ Кіевъ, по своему праву, или вмѣстѣ и былъ призванъ Кіевлянами

---

1. Слѣд. на 4 день. — 2. Лѣтопись по Воскрес. сп. с. 257. Карамзинъ перевелъ и изъяснилъ это мѣсто такъ (II, с. 148): «по смерти Святополка-Михаила, граждане Кіевскіе, опредѣливъ въ торжественномъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ Князей Россійскихъ долженъ быть Великимъ Княземъ, отправили пословъ къ Мономаху» и проч. (Въ Лѣтописи не сказано о торжественномъ совѣтѣ и избраніи). «Добродушный Владиміръ давно уже забылъ несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кончину, и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему чести. Вѣроятно, что онъ боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи дѣтьми старшаго Ярославова сына, по тогдашнему обыкновенію долженствовали наслѣдовать престолъ Великокняжескій.» Изъ Лѣтописи не видимъ, чтобъ Владиміръ отказывался: онъ только не шелъ немедленно; слѣдовательно, кажется, нѣтъ нужды и объяснять его отказъ.

въ эту, положимъ даже, сомнительную минуту права.

Какъ бы то ни было, Олегъ не княжилъ въ Кіевѣ, какъ и отецъ его не княжилъ тамъ по праву, и слѣдовательно у потомства его осталось, такъ сказать, еще менѣе права. И дѣйствительно, Изяславъ Давидовичь, который былъ старше и Олеговыхъ дѣтей, владѣя Кіевомъ, ссылался предъ Георгіемъ не на свое право, а на избраніе Кіевлянъ[1].

Въ описаніи всѣхъ войнъ Олеговичей мы не находимъ ни малѣйшаго свидѣтельства и повода думать, чтобы они искали себѣ по праву, и ссылались на свое право.

Но самымъ важнымъ и сильнымъ доказательствомъ моего предположенія, что сынъ могъ владѣть, или имѣлъ право только на то, чѣмъ владѣлъ его отецъ, считаю я слѣдующія слова Вячеслава Владиміровича, (занявшаго Кіевъ послѣ брата Ярополка, въ 1139 году), Всеволоду Ольговичу, пришедшему отнимать у него Великокняжескій престолъ: «азъ, брате, пріидохъ здѣ по братіи своей Мстиславѣ и Ярополцѣ, *по отець нашихъ завѣщанію:* аще ли ты восхотѣлъ еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, азъ есмь мній тебѣ буду... и азъ иду въ переднюю свою власть, а Кіевъ тебѣ»[2]. Карамзинъ переводитъ это такъ; «я не хищникъ; но ежели условія нашихъ отцевъ не кажутся тебѣ закономъ священнымъ, то будь Государемъ Кіевскимъ:

---

1. Кар. II, с. 271.—2. Лѣтопись по Воскр. списку 276.

иду въ Туровъ[1].— Эти слова Вячеслава показываютъ ясно, по моему мнѣнію, что старшинство было ограничено именно означеннымъ образомъ. Если бъ оно не было ограничено, то Всеволодъ Ольговичъ имѣлъ бы полное право на Кіевскій престолъ, и Вячеславъ не посмѣлъ бы такъ торжественно ссылаться на небывалый законъ предковъ; не могъ бы говорить Всеволоду, что онъ нарушаетъ этотъ законъ. По старшинству, безъ предложеннаго нами ограниченія, Всеволодъ, старшій сынъ Олега, старшаго двоюроднаго брата Мономаху, былъ старше Вячеслава, сына Владиміру, меньшему двоюродному брату Олега, и Вячеславовъ упрекъ не имѣлъ бы никакого смысла.

Слѣдовательно это старшинство было ограничено въ слѣдствіе общепринятаго права, *по завѣщанію отецъ*; слѣдовательно Олегово, старшее потомство, утратило свое право почему-то, всего вѣроятнѣе, какъ мы думаемъ, потому, что Олегу не случилось княжить въ Кіевѣ, и Святославъ владѣлъ имъ беззаконно, а сынъ могъ владѣть только тѣмъ, чѣмъ владѣлъ его отецъ.

Вячеславъ въ этихъ словахъ указываетъ на отчину Всеволодову Черниговъ, которая должна только принадлежать ему.

И сами Ольговичи незадолго предъ тѣмъ «и паки начаша просити у Ярополка: что нашъ *отецъ*, (*Олегъ*), *держалъ при вашемъ отци, того же и мы хощемъ*; аже не вдасть, то не жалѣйте, что ся удѣетъ, то на васъ будеть кровь.»[2]

1. Кар. II, с. 191. — 2. II, пр. 262.

Точно въ этомъ смыслѣ говоритъ и Изяславъ Мстиславичь, по смерти Всеволода Ольговича, когда братъ его Игорь сталъ владѣть Кіевомъ: «я не спорилъ о старѣйшинствѣ съ достойнымъ Всеволодомъ (слѣд. могъ спорить), чтя его вторымъ отцемъ своимъ... Но Игорь и Святославъ должны ли повелѣвать нами.»[1]

Если бы не было предложеннаго нами ограниченія права, то Игорь и Святославъ законно должны были бы наслѣдовать старшему своему брату Всеволоду, какъ Мстиславъ и Ярополкъ наслѣдовали прежде Мономаху; но Изяславъ утверждаетъ именно противное.

Жаль, что Карамзинъ не привелъ подлинныхъ словъ Кіевской Лѣтописи въ этомъ важномъ мѣстѣ.

Татищевъ переводитъ оныя еще согласнѣе съ нашею догадкою:[2] «хотя Всеволодъ *неправедно* по смерти стрыя своего престолъ *похитилъ*... но я его, яко старѣйшаго въ родѣ (своемъ?) и зятя по сестрѣ моей, имѣлъ вмѣсто отца, а сей Игорь *ни по чему отъемлетъ у меня отческое и дѣдовское наслѣдіе.*»

Самъ Всеволодъ, назначивъ предъ смертію наслѣдникомъ брата Игоря, почелъ нужнымъ взять присягу съ прочихъ Князей и особенно съ Изяслава Мстиславича, къ которому, умирая уже, послалъ зятя своего Владислава Польскаго напомнить о данной присягѣ. Видно,

---

1 Кар. II, с. 206.—2. Татищева Исторія, т. II, с. 284.

что онъ считалъ всего нужнѣе его согласіе или уступку.

Послѣдующія происшествія показываютъ намъ ясно, что Мономахово потомство считало Кіевъ уже своею родовою наслѣдственною собственностію: «Тое же осени Рюрикъ сослася съ В. К. Всеволодомь и зъ братомь своимь Давыдомь, послаша мужи своя ко Ярославу Всеволодичу и ко всѣмь Олговичемъ ркуще: цѣлуйте къ намь крестъ вси на томь, что не искати *вы отчины нашея* подъ нами, ни Кіева, ни Смоленьска, ни подъ дѣтьми нашими, и подо всѣмъ Володимяремъ племянемъ. Яко же раздѣлилъ есь прадѣдъ нашь великій Ярославъ по Днѣпръ далъ вамь, а Кіевъ вы не надобѣ. Олгови же пожалобишася о томь на Всеволода ркуще: аще ввелъ еси насъ в се» (въ изданіи не такъ раздѣлено) «еже блюсти намъ Кіевъ подъ тобою и подъ сватомь твоимь Рюрикомь, то въ томь стоимь, а еже лишитися намь его велиши отинудь, то мы есмы ни Угри, ни Ляхове, но единого дѣда есмя внуци; при вашемь животѣ не ищемь его, а по васъ кому его Богь дасъ. И бывши межь ими распрѣ мнозѣ и речи велице, и не сравниша дѣла» (т. е. не рѣшили). «Всеволодъ же хотя оправити все племя Володимере, и нача воя копити на Олговичи. Они же убоявшеся послаша мужи своя ко Всеволоду Олговичю» (ошибка вмѣсто Ольговичи, «кланяющеся... по всю волю его [1]».

---

1. Несторъ по Воскр. сп. II, с. 124.

После сказаннаго, надѣюсь, не нужно уже объяснить, почему Черниговское Княжество оставалось всегда въ родѣ Святослава Ярославича, Рязанское — въ родѣ Ярослава Святославича, Владимірское на Клязьмѣ въ родѣ Георгія Долгорукаго, Смоленское въ родѣ Ростислава, сына Мономахова, и пр. Это были ихъ *отчины*.

Такъ и Владиміръ Андреевичь не княжилъ въ Кіевѣ потому, что отцу его Андрею Владиміровичу не случилось владѣть имъ.

Мы сдѣлали предположеніе, попытались объяснить посредствомъ онаго событія, и удостовѣрились, что оно прикладывается ко всѣмъ довольно близко, подтверждается происшествіями. Представимъ теперь доказательства мѣстами изъ Лѣтописей, показывающими значительность и важность *отцовскаго* владѣнія, наслѣдія.

Вспомнимъ прежде всего о словахъ Мономаха, коими еще точнѣе опредѣляется это отчинное право: «аще азъ сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать со Святополкомъ взяти, яко то есть столъ прежде *отца его* былъ [1]».

На первомъ съѣздѣ Князей въ 1097 году положено: «кождо да держитъ *отчину свою*, Святополку Кіевъ Изяславль, Володимиръ Всеволожъ, Давидъ и Олегъ, Ярославъ—Святославле» (такъ должно читать вмѣсто Святославъ) и пр.[2]

Олегъ Святославичь, изгнанный изъ Чернигова за первоначальный отказъ явиться на этотъ

---

1. Несторъ по Кенисб. сп. с. 134.—2. с. 151.

съѣздъ, говоритъ подъ г. 1095 Изяславу, сыну Мономахову [1]: «иди княжить въ *свою* Ростовскую область. Отецъ твой отнялъ у меня Черниговъ, неужели и въ Муромѣ, *наслѣдственномъ* моемъ достояніи, вы лишите меня хлѣба?»

Ему (Олегу) посчастливилось побѣдить Изяслава, который погибъ въ сраженіи, и онъ взялъ не только Муромъ, но и Суздаль, Ростовъ. Тогда Мстиславъ, братъ погибшаго, потребовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля, хотя и не винилъ его въ занятіи Мурома. Такъ говоритъ и Мономахъ: «но лучше, если бы ты, взявъ Муромъ, не бралъ Ростова» [2].

Святополкъ, отнявъ Владиміръ у Давида Игоревича, захотѣлъ овладѣть Перемышлемъ и Теребовлемъ, и объявилъ (подъ г. 1097), что сіи города принадлежали нѣкогда его *отцу и брату*.[3]

Поди на столъ отца своего, говорятъ Кіяне Мономаху, по смерти Святополка въ 1113 г. [4]

Андрей Владиміровичь отвѣчаетъ, подъ г. 1139, Всеволоду Ольговичу, принуждавшему его оставить Переяславль и ѣхать въ Курскъ: « лѣпѣе ми смерть на своей *отчинѣ и дѣдинѣ* »[5].

«Сѣдиши въ Кіевской области, а мнѣ достоитъ; иди ты въ Переяславль, отчину свою [6]», говорили Вячеславу Туровскому послы Всеволода Ольговича (1142 г.), по смерти Андрея В., княжившаго въ Переяславлѣ.

---

1. Кар. II. с. 114.—2. II, с. 117.—3. Нест. по Кен. сп. 162.— 4. Лѣтоп. по Воскр. сп. I, 257.—5. I. 277.—6. Нест. по Кен. сп. 195.

«А *отчины своей* не даетъ (намъ) Вятичь», говорятъ о Всеволодѣ Святославъ и Игорь.[1]

«Или паду, или сяду на престолѣ моего дѣда и родителя,» говоритъ Изяславъ Мстиславичь въ 1146 г., вооружаясь противъ Игоря и Святослава Ольговичей.[2]

Изяславъ Мстиславичь, овладѣвъ Кіевомъ въ 1151 г. звалъ дядю Вячеслава сими словами: «Богъ взялъ моего родителя, будь мнѣ вторымъ отцемъ. Два раза я могъ посадить тебя на престолѣ, и не сдѣлалъ того, ослѣпленный властолюбіемъ. . . . Кіевъ твой: господствуй въ немъ, подобно отцу и дѣду»[3].

«*А се отчинѣ межи нама двѣ*: *одина моего отца, а другаа твоего* (говоритъ Святославъ Ольговичь вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ Изяславу Давидовичу подъ годомъ 1151); ты жь прими Давыдово, а что Ольгово, а то намъ дай. Изяславъ *отчину* има возворота, а *свою* собѣ прія.»[4]

Всеволодъ Георгіевичь «обнови (въ 1192 г.) *отчину свою*» (Остеръ.)[5]

Область наша есть *твоя отчина*, говорятъ Новогородцы (въ 1199 г.) Всеволоду Георгіевичу.[6]

«Посла и (Дмитрія-Владиміра, въ 1212 г) въ Руськый Переяславль, на отчину свою» (Георгій Всеволодовичь).[7]

«Княгина же Романова (1208 г.) посла Мирослава ко Лесткови глаголюща, яко сіи всю зе-

---

1. Кар. II, пр. 279. — 2. II. с. 206. — 3. II, с. 246. — 4. II, пр. 343. — 5. III, пр. 82. — 6 III, с. 103. — 7. III, пр. 154.

млю и *отчину нашу* держатъ, а сынъ мой въ одномъ Берестьи»[1].

На столѣ дѣдни и отнѣ—есть любимое выраженіе лѣтописей.

Довольно ли мѣстъ, свидѣтельствующихъ, сколь важна была для сына принадлежность той или другой области отцу?

Такъ и у Норманновъ: «Князь Гаконъ далъ княтитла Тригви и Гудроду, и княжества, какъ Князь Гарольдъ давалъ ихъ *отцамъ*.»[2]

«Палтескъ... имѣть Эймунду... если Эймундъ оставитъ послѣ себя наслѣдниковъ, то наслѣдникамъ его имѣть по немъ область, но если у него не будетъ ни одного сына, то ей возвратиться къ обоимъ братьямъ.»[3]

О Дмитріѣ Константиновичѣ, занявшемъ Москву по кончинѣ Іоанна Іоанновича, въ 1360 г., въ Троицкомъ спискѣ сказано: не по отчинѣ, ни по дѣдинѣ[4].

Да, сынъ имѣлъ право по большой мѣрѣ только на то, чѣмъ владѣлъ его отецъ. Чѣмъ не удалось владѣть сыну, на то внукъ лишался права, разумѣется при другихъ законныхъ препятствіяхъ.

И такъ право старшинства могло уменьшаться, теряться, какъ то мы видѣли на потомствѣ Изяслава Полоцкаго, Ростислава Владиміровича, Святополка-Михаила, какъ то мы

1. Арцыб. I, N. 1730. — 2. Снорро Стурлезонъ у Вахтера, II, с. 6.—3. Еймундова Сага, въ Библіотекѣ для чтенія, 1834. — 4. Кар. IV. пр. 392.

заключили изъ словъ Лѣтописей, изъ словъ самихъ Князей.

Это понятіе о правѣ было укоренено глубоко и продолжалось даже и тогда, какъ Москва сдѣлалась Государствомъ, и когда Удѣльныя Княжества перемѣнили совершенно свой характеръ, и не имѣли никакой значительности.

Царь Іоаннъ Васильевичь Грозный говоритъ въ письмѣ къ Курбскому о своемъ двоюродномъ братѣ, Князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, котораго бояре во время болезни его (Царя) хотѣли возвозвести на престолъ мимо его сына: «народился есьмь Божіимъ изволеніемъ на царствѣ, а Князю Владиміру почему было быти на государствѣ? Отъ четвертаго удѣльнаго родился»! [1]

Слѣды такого права, или лучше то же право только въ другомъ приложеніи, мы видимъ и въ дѣлахъ по мѣстничеству, коими наполнена средняя наша Исторія.

Князь Пожарскій, въ спорѣ своемъ съ Княземъ Лыковымъ, доказывалъ свое преимущество разрядами (службою, чинами,) Князей Стародубскихъ и Ряполовскихъ, отъ которыхъ онъ происходитъ, и которые были выше Князей Оболенскихъ, отъ которыхъ происходилъ Лыковъ. Лыковъ возразилъ, что Пожарскій не долженъ опираться на Стародубскихъ и Ряполовскихъ, а доказывать своими ближними родителями, Пожарскими Князьями, »ибо»—говорилъ онъ—«въ Княженецкихъ родахъ водится... отъ большаго

1 Кар. IX. пр. 472.

брата колѣно пойдетъ, а въ разрядахъ (на службѣ) малы и худы будутъ (низки чинами), а отъ меньшаго брата колѣно пойдетъ, а въ разрядахъ велики живутъ, (будутъ имѣть высокіе чины и должности), и тѣ худые съ добрыми лѣствицею не тяжутся (т. е. не считаются своимъ родствомъ и старшинствомъ происхожденія между собою), а тяжутся по случаямъ рязряды (т. е. службою). [1]

Или: Пожарскіе не считывались съ Палецкими лѣствицею, потому что «разошлись отъ прародителей далече». [2]

N. N. «послѣ тово много истерялъ.»

Приложимъ эти выраженія къ удѣламъ. Полоцкимъ, Пинскимъ, Галицкимъ, Князьямъ не доставалось никогда Кіевскаго Княжества и по такой же причинѣ: они не могли указывать на Владиміра Святаго, или Владиміра Ярославича, или Святополка Изаславича, потому что послѣ разошлись далече, растеряли много, худы стали, (потеряли право по какой-нибудь давности, и тому под.). Они могли тягаться только ближайшими предками, а ближніе предки ихъ княжили только въ Полоцкѣ, Пинскѣ, Галичѣ.

Но не опредѣлялось ли, не ограничивалось ли старшинство *еще* какимъ нибудь образомъ? — Объ этомъ мы будемъ говорить въ другой статьѣ.

---

1. Русскій Историческій Сборникъ, II, с. 2—09.2. с. 297.

О СТАРШИНСТВѢ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ предыдущемъ слѣдованіи я старался доказать, что древнее наше престолонаслѣдованіе основывалось на правѣ старшинства, ограниченнаго правомъ отчиннымъ. Недостаточно было для наслѣдованія того или другаго Княжества быть старшимъ въ родѣ; нужно было, чтобъ то Княжество было когда-нибудь прежде во владѣніи отцовскомъ. Въ противномъ случаѣ, право старшинства лишалось своей силы, и Княжество, мимо старшаго, доставалось младшему Князю, но подходившему подъ сказанное условіе; напр. у Ярослава I было пять сыновей; они всѣ, по старшинству, одинъ за другимъ, имѣли право на Кіевъ принадлежащій ихъ отцу, а сыновья Полоцкаго Изяслава Владиміровича, сына Рогнеды, не могли имѣть его, если бы даже кто-либо изъ нихъ остался въ живыхъ по смерти Ярослава, не смотря на то, что они были

старшіе въ родѣ Владиміра I, старше сыновъ Ярославовыхъ; не могли, — по тому что отцу ихъ Изяславу, умершему уже при жизни отца своего, Владиміра Святаго, не привелось владѣть Кіевомъ. Такимъ образомъ старшее потомство его утратило навсегда свое право [1].

Ярославу наслѣдовалъ сынъ его Изяславъ. (Старшій Владиміръ умеръ еще при немъ, и тѣмъ лишилъ свое потомство также права на Кіевскій престолъ; оно получило въ послѣдствіи Галицкіе города).

Изяславу наслѣдовалъ (1078 г.) Всеволодъ, а Святославъ умеръ еще при его жизни, на похищенномъ имъ Кіевскомъ престолѣ, чѣмъ и лишилъ свое потомство права на оный.

Меньшіе братья его, Вячеславъ и Игорь, умерли прежде него, и слѣдовательно ихъ дѣти и потомство потеряли право на Кіевъ.

Всеволодомъ I кончилась линія сыновей Ярославовыхъ, и наслѣдство переходило ко внукамъ Ярославовымъ.

Кто же изъ нихъ былъ въ живыхъ въ двухъ только родахъ, сохранившихъ право, т. е. въ Изяславовомъ и Всеволодовомъ?

Одинъ сынъ Изяславовъ—Святополкъ-Михаилъ, и одинъ сынъ Всеволодовъ—Владиміръ-Мономахъ. Имъ только и ихъ потомствамъ могъ принадлежать Кіевъ; всѣ прочіе, по выше приведеннымъ обстоятельствамъ, лишились его.

---

1 Сыну Изяславову Брячиславу, умершему еще при жизни Ярославовой (1044), даже и не приходила очередь быть старшимъ.

Всеволоду наслѣдовалъ, по праву, Святополкъ-Михаилъ, единственный остававшійся въ живыхъ сынъ Изяславовъ.

Святополку наслѣдовалъ меньшій его двоюродный братъ, Владиміръ Мономахъ, единственный остававшійся въ живыхъ сынъ Всеволодовъ. Это ясно.

Прочимъ сыновьямъ Изяслава и Всеволода не случилось сидѣть на Кіевскомъ престолѣ, и потомки ихъ лишились этого права. Право удержалось только за дѣтьми Святополка и Мономаха. Кто же долженъ былъ слѣдовать послѣ Мономаха?

Въ живыхъ были сыновья Святополка – Брячиславъ и Изяславъ, и сыновья Мономаха Мстиславъ съ братьями.

Старшіе были первые, происходившіе отъ старшаго сына Ярославова, Изяслава. Мономаховы сыновья были младшіе, происходя отъ меньшаго сына Ярославова, Всеволода.

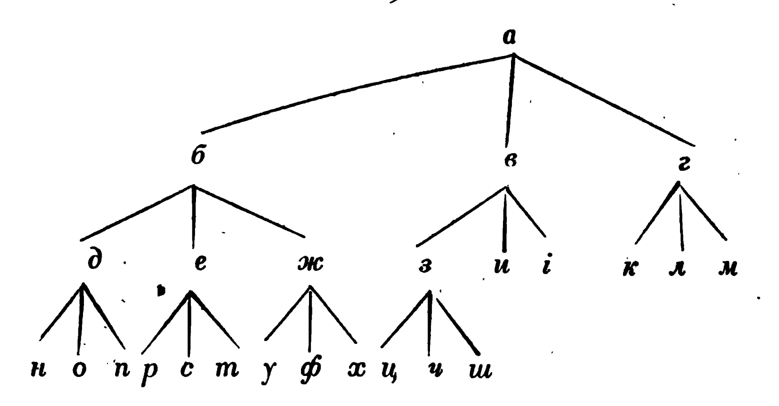
Между тѣмъ наслѣдовалъ Мономаху сынъ его Мстиславъ, а не Святополковы дѣти.

Спрашивается: по праву ли вступилъ Мстиславъ, или въ его наслѣдованіи было нарушеніе права?

Если право старшинства ограничивалось только отчиннымъ правомъ, то Мстиславъ не долженъ былъ наслѣдовать Кіева, прежде старшихъ своихъ троюродныхъ братьевъ, коихъ отецъ также владѣлъ Кіевомъ, какъ и его.

Не было ли еще какого ограниченія, вслѣдствіе котораго Мстиславъ получилъ преимущество предъ своими троюродными братьями?

У отца три сына. У каждаго изъ сыновей по два, по три сына. Какъ считалось старшинство между ими, и какъ слѣдовало право, положимъ, на Великое Княжество? Должны ли были послѣ всѣхъ сыновей слѣдовать всѣ внуки отъ старшаго сына, потомъ всѣ внуки отъ втораго, и наконецъ отъ третьяго, или по одному первому внуку отъ каждаго сына? Такъ ли же должны были слѣдовать правнуки? То есть у *а* было три сына: *б*, *в*, *г*. Отъ сыновей пошли внуки: отъ *б—д*, *е*, *ж*, отъ *в—з*, *и*, *і*, отъ *г—к*, *л*, *м*. Отъ внуковъ правнуки — *н*, *о*, *п*; *р*, *с*, *т*; *у*, *ф*, *х*, и проч. Должны ли были послѣ *г* слѣдовать поочереди *д*, *е*, *ж*, *з*, *и*, *і*, *к*, *л*, *м*, разумѣется, при сказанномъ условіи объ отчинномъ правѣ, или послѣ *г* должны были слѣдовать только *д*, *з*, *к*?

Ярославъ оставилъ пять сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Они должны были наслѣдовать Кіевъ одинъ за дру-

гимъ, по старшинству: это знаемъ мы положительно. Но послѣ младшаго Игоря, если бы онъ былъ живъ, 1) должны ли были наслѣдовать поочереди всѣ сыновья Изяславовы, потомъ всѣ сыновья Святославовы, далѣе всѣ сыновья Всеволодовы, Вячеславовы, Игоревы, или 2) только одинъ сынъ Изяславовъ, старшій изъ всѣхъ, или 3) одинъ старшій изъ живыхъ, потомъ старшій изъ всѣхъ, или старшій изъ живыхъ сыновей Святославовыхъ, далѣе Всеволодовыхъ, и проч.? Наконецъ, послѣ сыновей Игоревыхъ право на Великокняжеское наслѣдство должно ли было возвратиться въ родъ Изяслава, 4) къ одному ли старшему его внуку (отъ перваго сына), или всѣмъ внукамъ отъ него, потомъ ко внукамъ отъ втораго сына, отъ третьяго, и т. д. и по тому же порядку, какъ наслѣдовали ихъ отцы?

Сдѣлавъ эти предварительные вопросы, обратимся къ Исторіи, и посмотримъ, не поможетъ ли она извлечь намъ еще какое-нибудь общее правило.

Мудрено, если не возможно, отыскивать эти правила по нашимъ лѣтописямъ, слишкомъ скупымъ на подобныя объясненія. Лѣтописатели опускали ихъ безъ вниманія, какъ не нужныя и общеизвѣстныя. Притомъ по причинѣ размноженія Князей, въ слѣдующее время, произошло много нарушеній права, кои еще болѣе затрудняютъ изслѣдователя.

Обратимся къ періоду, — не скажу болѣе ясному, но болѣе богатому, по крайней мѣрѣ указаніями, — предлагающему болѣе средствъ рѣшать

задачи. Я говорю о періодѣ Мѣстничества, которое уже доставило намъ многія полезныя положенія для перваго нашего изслѣдованія, и содѣйствовало намъ отыскать отчинное право, или по крайней мѣрѣ, укрѣпило, подтвердило нашу догадку.

Въ дѣлахъ по Мѣстничеству мы встрѣчаемъ слѣдующія выраженія, прямо идущія къ нашему дѣлу:

«Былъ Князь Михаилъ Гвоздевъ»,—говоритъ одинъ истецъ,—«великъ по родству Князю Михаилу Темкину, что отецъ, а по разряду сталъ, что сынъ [1]», т. е. Князь Гвоздевъ, по родству, старше Князя Темкина, но по службѣ сталъ моложе. Старшій въ родѣ дѣлался младшимъ по какому-то потерянному для насъ разсчету. Не могъ ли, скажемъ мы, переводя этотъ языкъ на языкъ Удѣльнаго періода, и употребляя методъ фальшиваго правила,—не могъ ли старшій Брячиславъ Святополковичь, безудѣльный Князь, въ 1125 г., сдѣлаться *почему-нибудь* (это X, искомое) моложе младшаго своего троюроднаго брата Мстислава Владиміровича и лишиться своего, мнимаго нами, права?

«Язъ Гришка (Долгорукій) племянника своего Князя Ѳедора больше въ своемъ родствѣ, а Князь Василій Гвоздевъ дядѣ своему Князю Михаилу ровенъ [2]». Слѣдственно, заключаемъ мы, были законные случаи и обстоятельства, по которымъ племянникъ могъ сдѣлаться старше дяди. Не было ли такого права и въ Удѣльномъ

(1) Рус. Истор. Сборникъ, ч. 2, с. 362.—2 с. 124.—

періодѣ, въ слѣдствіе котораго меньшій троюродный братъ (Мстиславъ) оказался старше старшаго брата (Брячислава)?

Я нарочно подбираю мѣста, одно другаго яснѣе и ближе.

«По родству въ лѣстницѣ Князь Иванъ Князю Михаилу Темкину племянникъ, а больше дяди своего Князя Михаила по лѣствицѣ шестью мѣсты. [1]» И такъ племянникъ могъ быть вшестеро старше дяди въ своемъ родствѣ. Не начинался ли такой счетъ и между Князьями?

Если такъ, то мы не удивимся не только вступленію на престолъ меньшаго троюроднаго брата (Мстислава), но и племянника, напр. Изяслава Мстиславича, восшедшаго на Кіевскій престолъ при жизни своего дяди, Георгія Владиміровича Долгорукаго.

Но на чемъ же основывался этотъ счетъ? Какъ считалось въ роду старшинство между Боярами? (Такъ было, можетъ быть, между Князьями).

Послушаемъ еще мѣстныя тяжбы.

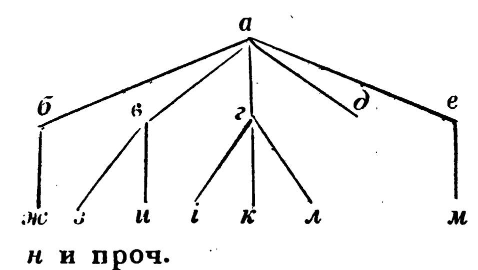
«Княземъ Дмитріемъ Примковымъ, язъ не хочу быть ни малъ ни великъ,»—говоритъ Князь Даніилъ Примковъ,—«мнѣ малъ Князь Дмитріевъ отецъ, Князь Михаилъ Примковъ, отцу моему четвертый братъ [2]».

Развернемъ это показаніе. Были четыре брата Князей Примковыхъ: первый *а*, второй *б*, третій *в*, четвертый Князь Михаилъ. У *а* сынъ Даніилъ, а у четвертаго Михаила — Дмитрій. Этотъ Даніилъ былъ старше въ своемъ роду,

(1) с. 361.—2 с. 83.

старше дяди: *потому что дядя, Михаилъ, былъ четвертый братъ его отцу.*

Драгоцѣннѣйшее указаніе! Сынъ старшаго брата былъ старше дяди по счету ихъ происхожденія, по лѣстницѣ отъ родоначальника. Старшинство между членами рода считалось не по всему роду, а въ каждой его отрасли отдѣльно и сравнительно между собою, въ отношеніи къ общему корню. Вотъ почему въ предыдущемъ примѣрѣ племянникъ, слышали мы, могъ быть больше дяди въ шесть разъ, внукъ больше дѣда въ десять разъ, и проч. Объяснюсь примѣромъ: у *а* пять сыновей: *б, в, г, д, е*; у *б* одинъ сынъ: *ж*; у *в* два: *з, и*; у *г* три: *і, к, л*; у *д* никого; у *е* одинъ *м*.

н и проч.

Оказывается, что *б* старше или больше чѣмъ *в*, вдвое чѣмъ *г*, втрое чѣмъ *д*, вчетверо чѣмъ *е*.

в былъ меньше, чѣмъ *б*, родной его братъ, и равенъ *ж*, своему племяннику; *г* меньше своего племянника *ж* вдвое, *д* меньше втрое, *е* — вчетверо.

г равенъ своему внуку *н*; *д* меньше своего внука; *е* меньше его вдвое.

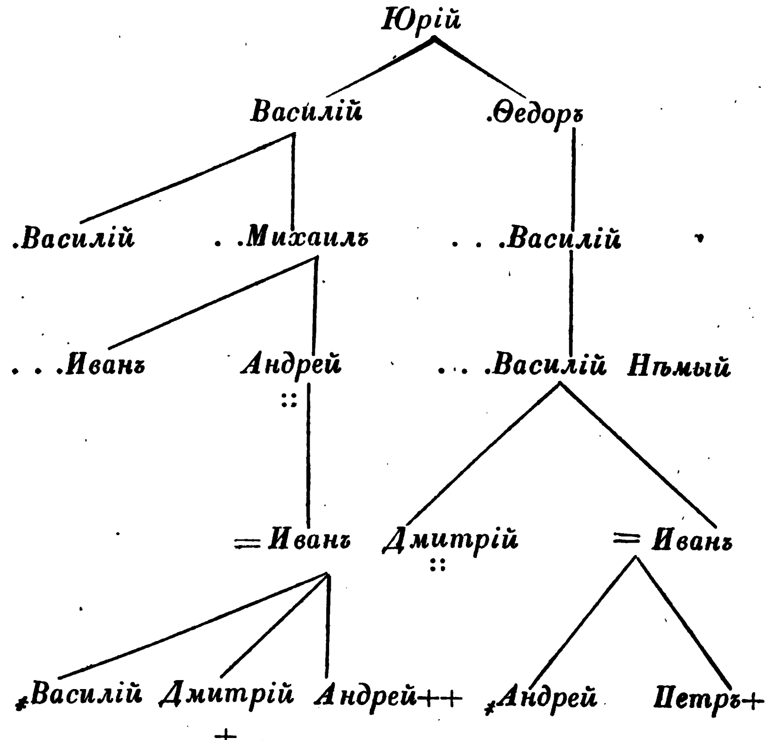
Вотъ какъ считалось старшинство между Боярами въ Удѣльномъ періодѣ!

Привожу въ подтвержденіе наияснѣйшее мѣсто объ одномъ Князѣ Шуйскомъ.

Въ спорѣ о старшинствѣ между Князьями Васильемъ Юрьевичемъ Голицынымъ съ Княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ, первый сказалъ:

«Мнѣ меньше Боярина Князя Ивана Петровича Шуйскаго быть не льзя: потому что Князь Иванъ Петровичь Шуйскій въ роду своемъ таковъ, каковъ Княжъ Ивановъ Андреевича Шуйскаго третій сынъ [1]».

Развертываемъ родословіе Князей Шуйскихъ, происходящихъ отъ брата Невскому.

(1) с. 3.

Станемъ считать объ линіи, происходящія отъ одного родоначальника Юрія, по вышеприложеннымъ указаніямъ:

Өедоръ меньше Василія, старшаго своего брата, и равенъ, слѣдовательно, своему племяннику, сыну его, также Василію (*).

Сынъ Өедора, Василій, равенъ второму дядину, Васильеву, сыну Михаилу, своему двоюродному брату.

Сынъ Васильевъ, Нѣмый, равенъ Михаилову сыну Ивану.

Сынъ Нѣмаго, Дмитрій, равенъ дядѣ, Андрею.

Другой сынъ, Иванъ, равенъ Ивану Андреевичу.

Андрей Ивановичь — Василію Ивановичу.

Петръ Ивановичь — Дмитрію Ивановичу.

Иванъ Петровичь — Андрею Ивановичу, какъ истецъ въ челобитной своей и утверждалъ.

Слѣдовательно правило наше считать старшинство вѣрно. Приводя этотъ счетъ въ яснѣйшую и кратчайшую формулу, можно сказать: Иванъ Петровичь (защитникъ Пскова) былъ девятый отъ своего родоначальника, а Андрей Ивановичь (братъ Царя Шуйскаго) десятый, но въ старшей линіи, и потому равенъ съ нимъ. (Замѣтимъ еще мимоходомъ, что потомство нѣкоторыхъ членовъ, напр. Василія Васильевича,

(*) Равные означены одними знаками: точками, крестиками, и пр.

Ивана Михайловича, Дмитрія Васильевича, не берется въ разсчетъ: потому что указанныя лица отъ нихъ никоимъ образомъ не происходятъ, — это отдѣльныя отрасли).

Получивъ такія положительныя свѣдѣнія о счетѣ родовъ между собою, обратимся опять къ лѣтописямъ: можетъ быть, при такомъ указаніи и намекѣ, тамъ найдутся какія-нибудь пояснительныя для насъ происшествія и свидѣтельства, которыя до-сихъ-поръ пропускали мы безъ вниманія, и не могли употребить въ дѣло.

Не потому ли Ростиславъ, вступивъ на Кіевскій престолъ, послѣ смерти Изяслава Мстиславича, назначалъ послѣ себя Кіевъ старшему племяннику, сыну Изяславову—Мстиславу Волынскому (коего и призвали послѣ Кіевляне), мимо всѣхъ дядей, сыновей Долгорукаго, мимо даже роднаго дяди Владиміра Мстиславича?

Не потому ли претендовали на Кіевъ, хотя и незаконно, одни только Ольговичи (старшіе сыновья: Всеволодъ, Святославъ, Чермный), а не потомство другихъ сыновей Святославовыхъ (Изяславъ Давидовичь былъ призванъ Кіевлянами)?

Не потому ли Всеволодъ Ольговичь, сдѣлавшись Великимъ Княземъ, отдалъ Черниговъ двоюродному брату Владиміру, сыну Давидову, а не братьямъ-Игорю и Святославу? [1]

---

(1) Кар. II, с. 191.

Не потому ли послѣ Всеволода Ольговича мало было Игорю надежды получить Кіевъ по общему мнѣнію, и Владимірко говорилъ ему: «оже мене съ братомъ умиришь, то по его смерти помогу ти къ Кіеву?[1]» Изяславъ Мстиславичь говорилъ именно: «но Игорь и Святославъ должны ли повелѣвать нами?»

Не потому ли Изяславъ Мстиславичь такъ настоятельно искалъ себѣ Кіева и не думалъ ни о Вячеславѣ, ни о Георгіѣ, своихъ дядяхъ («сяду на престолъ отца и дѣда»), и призналъ уже Вячеслава послѣ, кажется, только для того, чтобы спокойнѣе владѣть подъ его именемъ, безъ всякаго предлога сторонѣ противной.

Не потому ли отчасти, по смерти Андрея Боголюбскаго, Владимиръ, Ростовъ, и проч. звали Ростиславичей[2], сыновей старшаго сына Георгіева, мимо его младшихъ дядей и Андреева сына?

Не въ томъ ли смыслѣ говорилъ чрезъ посла Вячеславъ Владимировичь брату своему Георгію Долгорукому: «у тебя семь сыновъ, я не отгоняю ихъ отъ тебя, а у меня два сына, Изяславъ и Ростиславъ, а молодшій есь же,» т. е. Святополкъ Мстиславичь, говоритъ Арцыбышевъ[3]. Почему же Вячеславъ не назвалъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ тремя сыновьями? Видно третій, меньшой, имѣлъ не одинаковыя права.

Если все это происходило по правилу, а не случайно; если родовой счетъ между Князьями

(1) Лѣтопись по Кен. сп. с. 198.—(2) Кар. III, с. 36.
(3) Тим. I, № 856.

въ Удѣльный періодъ сходствовалъ со счетомъ въ Мѣстничествѣ: то Мстиславъ, первый сынъ Мономаха, имѣлъ право на Великокняжескій престолъ предъ двумя младшими (четвертымъ и третьимъ) сынами Святополка.

Я думаю, впрочемъ, что всѣ сіи случаи, притязанія, принадлежатъ уже къ развитію права, а сначала право не простиралось такъ далеко, т. е. чрезъ четыре поколѣнія отъ Ярослава, и опредѣлено было только на два или на три, т. е. на сыновей (Изяслава, Святослава, Всеволода, и проч.) и внуковъ (Святополка, Олега, Мономаха); правнуки уже начинали новый порядокъ, соотвѣтственно обстоятельствамъ, не считаясь между собою: потому что «разошлись отъ прародителей далече», потому что «причитаться лѣствицею имъ было далече» ([1]).

Обратимъ вниманіе вотъ еще на какое обстоятельство, которое, можетъ быть, рѣшило наслѣдство Мстислава прямѣе всѣхъ нашихъ разсчетовъ и соображеній: не были ли третій и четвертый сыновья Святополковы незаконные? Мы знаемъ, что у него именно были незаконныя дѣти, которыхъ, къ соблазну народа, равнялъ онъ съ законными; о второмъ даже его сынѣ, Ярославцѣ, именно это утверждаетъ Татищевъ.

---

(1) Значеніе сихъ выраженій въ Мѣстничествѣ смотри въ первой статьѣ.

Владиміръ Мономахъ такимъ образомъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, имѣя въ своихъ рукахъ почти всю Ярославову власть, началъ новое Кіевское престолонаслѣдованіе.

Разсмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находился Владиміръ Мономахъ.

Самъ онъ былъ старшій безспорно изъ всѣхъ потомковъ Ярославовыхъ, оставшихся въ живыхъ. Онъ превосходилъ доблестями всѣхъ своихъ современниковъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, а въ это послѣднее время, когда не было ни Олега, ни Святополка, ни Ростиславичей, ни Всеслава, никто не смѣлъ и думать равняться съ нимъ. У кого было столько опытности? Онъ былъ въ особенности любимъ Русскимъ народомъ, который сохранилъ преданность къ его памяти даже до третьяго и четвертаго колѣна. Наконецъ Владиміръ былъ очень силенъ, и въ этомъ отношеніи еще менѣе могъ кто-нибудь спорить съ нимъ: онъ владѣлъ Великимъ Княжествомъ Кіевскимъ, которое досталось ему по старшинству, по избранію, по любви народа. Волынское Княжество зависѣло отъ него. Переяславское Княжество принадлежало ему, какъ отчина отца его Всеволода, а Бѣлозерскъ, Ростовъ, Суздаль, Поволожье, Смоленское Княжество, принадлежало ему, бывъ отдано отцемъ его, Всеволодомъ, какъ выморочное послѣ Вячеслава и Бориса. Къ Кіеву принадлежалъ, хотя слегка, Новгородъ, по крайней мѣрѣ Мономахъ имѣлъ на него сильное вліяніе, присылалъ Князей и Посадниковъ, судилъ Бояръ

Вотъ въ какомъ блестящемъ положеніи находился Мономахъ! Онъ владѣлъ почти всею Русью. Только область Черниговская, Галицкая, отдѣленная его отцемъ, и Полоцкая, которую онъ сбирался покорить, были отъ него независимы. Естественно ли ему было, съ такою силою, въ такой славѣ, даже безъ полнаго права, уступить, по своей смерти, мимо своихъ дѣтей, и такихъ доблестныхъ, какъ Мстиславъ, уже пятидесятилѣтній, представившій столько опытовъ мужества и разума, — естественно ли ему было уступить наслѣдство какому-нибудь Князьку изъ другаго рода, неизвѣстному беземельному (у Брячислава и Изяслава не было даже никакого удѣла), и оставить любезную ему Русскую землю на произволъ судьбы? Еще болѣе—не могла ли его соблазнить мысль оставить всю Русскую землю своему роду?—Искушеніе было велико!

Какъ бы то ни было, по старому праву, или новому правилу, знаменовавшему развитіе права, или въ слѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, или благодаря своей силѣ, Владиміръ сдѣлался какъ бы новымъ родоначальникомъ, со властію почти равною Ярославовой (1), и предоставилъ наслѣдство своему сыну.

---

(1) Мысль эта была глубоко укоренена между его потомками. и мы видимъ уже Мстислава, идущаго покорить Полоцкъ, въ исполненіе его притязаній на Новгородъ.

Когда Всеволодъ Ольговичъ, по смерти Ярополка, захватилъ

Этого мало: онъ не только назначилъ себѣ преемника, но распорядился своими владѣніями даже для внуковъ, вообще гораздо точнѣе и подробнѣе, нежели Ярославъ. Лѣтописецъ говоритъ только, что онъ предоставилъ Кіевъ старшему сыну Мстиславу; но изъ послѣдующихъ происшествій мы узнаемъ это ясно. «Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между имъ и старшимъ братомъ, Ярополкъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, уступилъ Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава.[1]» И такъ завѣщаніе Мономахово простиралось даже до внуковъ.

Со времени Владиміра Мономаха, при преемствѣ, кромѣ права, входитъ уже воля умирающаго Великаго Князя (разумѣется, при благопріятныхъ обстоятельствахъ), и вообще право теряетъ значеніе и подвергается очень часто нару-

---

Кіевъ, то Мономаховичи тотчасъ возстали, чтобъ свергнуть его. Кар. II, 191. Уступивъ наконецъ ему, Изяславъ, послѣ его смерти, предъявилъ свои требованія, и наконецъ успѣлъ (см. выше). «Родъ Ольговичей долженъ искать себѣ удѣловъ на другомъ берегу Днѣпра», говоритъ Ярославъ Кіевскій (1174 г.) Святославу Всеволодовичу Черниговскому. III. 25.

Великій Князь Всеволодъ Георгіевичь, какъ старшій въ Мономаховомъ племени, и Ростиславичи, прямо назвали Кіевъ своею отчиною, и требовали торжественно присяги отъ Ольговичей за все ихъ потомство не искать онаго, на что сіи послѣдніе, послѣ нѣкотораго спора, и принуждены были согласиться.

(1) Кар. II, с. 178.

шеніямъ со стороны Князей, размножившихся и привыкшихъ болѣе и болѣе къ войнамъ и злоупотребленіямъ. Рѣшала сила. Мономахъ *назначилъ* Мстислава, какъ мы видѣли; Мстиславъ *назначилъ* Ярополка. Всеволодъ Ольговичь, захвативъ по смерти его Кіевъ, сказалъ при одномъ случаѣ, что хочетъ назначить наслѣдника *подобно Мономаху* и *Мстиславу*, и *требовалъ присяги* съ Князей, которые нарочно для того были созваны въ Кіевъ (также новое явленіе).

«Но ты хочешь сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ», говорилъ прежде Игорь брату своему Всеволоду [1].

Всеволодъ и въ отчинѣ своей прежде распорядился также по своей волѣ, отдавъ Черниговъ племяннику, а не братьямъ.

Ростиславъ Мстиславичь отдалъ Мстиславу Волынскому въ помѣстьѣ Бѣлгородъ, Триполь, и проч., какъ будущему наслѣднику всей Кіевской области.

Такъ и въ самомъ дѣлѣ Кіевляне, по его смерти, въ 1167 г. звали Мстислава Изяславича [2].

---

(1) Кар. II, с. 200.

(2) Въ другихъ Княжествахъ происходило тоже:

Георгій Долгорукій назначилъ Суздальскую землю въ наслѣдство меньшимъ своимъ братьямъ.

Всеволодъ Георгіевичь, въ слѣдствіе ослушанія Константинова, назначилъ меньшаго сына Георгія своимъ преемникомъ, и заранѣе бралъ въ томъ присягу, также себѣ и дѣтямъ. Кар. III. 134.

Потомъ преемство Кіевское подверглось вліянію Владимирскихъ Князей, зависѣло отъ разныхъ сдѣлокъ, по обстоятельствамъ, и проч.

Въ этотъ періодъ времени, старшіе племянники, пользуясь разными обстоятельствами — отдаленностію, силою, начали искать надъ младшими дядями (см. вышеприведенные случаи и примѣры), и иски ихъ, сначала случайные, входили въ обычай, — чѣмъ и развивалось родовое фамильное право, обнаружившееся преимущественно въ періодъ Мѣстничества.

Обозримъ теперь преемство Князей съ Мономаха. *Мстиславъ* 1113—1125. (Два мнимые претендента, или соперники его, сыновья Святополка, Брячиславъ и Мстиславъ, жили только одинъ годъ при его княженіи: слѣдовательно онъ княжилъ остальное время уже по всѣмъ правамъ). За нимъ братъ его, *Ярополкъ*, согласно со всѣми нашими вышеприведенными правилами; — 1125. Ярополку наслѣдовалъ братъ, третій сынъ Мономаховъ, *Вячеславъ*, у коего отнялъ безъ правъ, но пользуясь его слабостію и своею силою, Ольговичь, *Всеволодъ*. Вячеславъ уступилъ ему, сказавъ примѣчательныя слова, представленныя нами въ первой статьѣ: «если условія нашихъ отцевъ не кажутся тебѣ законами священными, то возьми Кіевъ». Ему хотѣлъ-было наслѣдовать братъ его *Игорь*, но тотчасъ былъ свергнутъ *Изяславомъ* Мстиславичемъ (1146), внукомъ Мономаховымъ (сыномъ старшаго его

сына, Мстислава), у котораго въ живыхъ были еще два дяди, сыновья Мономаха — Вячеславъ и Георгій.

Можетъ быть у него было право (см. выше), какъ у перваго, старшаго племянника — право, котораго только не хотѣлъ признать Георгій; Изяславъ могъ еще смотрѣть на Кіевъ, кромѣ права, какъ на свою добычу, пріобрѣтенную имъ отъ похитившаго чужеродца. Впрочемъ, Изяславъ, послѣ многихъ случайностей, призвалъ къ себѣ старшаго дядю, Вячеслава, и владѣлъ Кіевомъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ однакожь подалъ примѣръ племянникамъ спорить съ дядями.

За Изяславомъ слѣдовалъ братъ его, *Ростиславъ* (1154), также вмѣстѣ съ дядею, но не надолго. Кіевляне, послѣ, отъ неудачной войны, призвали *Изяслава Давидовича*, внука Святославу Черниговскому (1155). Изяслава выгналъ *Георгій* Долгорукій. Послѣ смерти Долгорукаго, Кіевляне призвали опять *Изяслава* Давидовича (1159), но они лишили его въ другой разъ, въ слѣдствіе междоусобной войны, и призванъ былъ вновь *Ростиславъ* Мстиславичь (1159), изгнанный Изяславомъ Давидовичемъ (1161), вскорѣ умершимъ, *Ростиславъ* вступилъ въ третій разъ на Кіевскій престолъ (1162), а послѣ его племянникъ (при жизни дяди), *Мстиславъ* Изяславичь (1167), у котораго Кіевъ отнятъ Андреемъ Боголюбскимъ, и съ сихъ поръ подвергся зависимости отъ Владимирскихъ Князей.

Въ продолженіе 15 лѣтъ со времени кончины

Изяслава Мстиславича, перебывало болѣе десяти Князей, и хотя право нарушалось безпрестанно, но ясно еще было древнее его преданіе. Кіевъ оставался въ родѣ Мономаха. Изъ рода Черниговскихъ Князей только, случайно, Всеволодъ Ольговичь, вслѣдствіе войны, Изяславъ Давидовичь, вслѣдствіе призванія и потомъ войны, овладѣвали Кіевомъ, и тѣмъ пресѣкали линію преемства. Изъ Мономаховичей Изяславъ Мстиславичь владѣлъ одинъ нѣсколько времени, можетъ быть незаконно, безъ Вячеслава, а потомъ и право опять возстановлялось при Георгіѣ, Ростиславѣ и Мстиславѣ.

О МОСКВѢ.

1837.

О МОСКВѢ.

писано для Его Высочества, Государя Наслѣдника, по порученію Г-на Попечителя Московскаго Университета.

Въ несчастное для Россіи время удѣльнаго разновластія, когда Князья кровопролитными междоусобными войнами разоряли и опустошали отечество, лѣтъ чрезъ триста послѣ начала нашей хронологической Исторіи, встрѣчается мимоходомъ въ лѣтописяхъ извѣстіе о существованіи Москвы, бѣднаго городка въ областяхъ Суздальскаго Княженія, въ сторонѣ дикой, безплодной, за лѣсами, вдали отъ мѣста дѣйствія и всѣхъ путей сообщенія, при сліяніи трехъ рѣчекъ, изъ коихъ одна давно покрылась мостовою, другая пересыхаетъ предъ нашими глазами, третья, безсмертная по своему имени, оживляется искусствомъ. Городокъ этотъ былъ незначителенъ до такой степени, что имени его, въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, почти не слыхать въ лѣтописяхъ, развѣ когда случится иному удѣльному Князю, ищущему пристанища, проѣхать чрезъ него нечаянно, или другому замыслить въ немъ какое нибудь тайное предпріятіе, и сговориться украдкою съ союзникомъ.

Онъ переходилъ отъ одного Владимирскаго Князя къ другому, не удостоиваясь даже чести поименованія въ Великокняжескихъ наслѣдствахъ, ни при какомъ случаѣ, вмѣстѣ съ деревнями и селами. Долго не получалъ этотъ городокъ особыхъ Князей, которые искали себѣ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ удѣловъ. Наконецъ уже послѣ покоренія Россіи Монголами, въ періодъ самаго тяжелаго ига, когда число Князей и на Сѣверѣ умножилось, и всѣ лучшіе города были разобраны, когда и Ростовъ и Тверь и Суздаль имѣли уже владѣтелей, и новымъ наслѣдникамъ выбора дѣлать было не-изъ чего, меньшій сынъ Невскаго, Даніилъ, получилъ въ удѣлъ убогую Москву. Вотъ первая степень ея какой нибудь самобытности.

Даніилу предъ концемъ жизни, неознаменованной никакими достопамятными подвигами, въ 1302 году, достался въ наслѣдство, по завѣщанію отъ племянника Іоанна Дмитріевича, *Переяславль*, который былъ гораздо знаменитѣе его собственной Москвы. Можно судить, что же она была тогда въ сравненіи съ Суздалемъ, Ростовомъ, или Рязанью, Владиміромъ! Переяславль такимъ образомъ былъ первымъ пріобрѣтеніемъ Москвы.

Но при самомъ ея нарожденіи ей угрозила опасность, или лучше, неминуемое зло того времени: Даніилъ умеръ (1303), оставивъ пятерыхъ сыновей. Малая область ея должна раздробиться на мѣлкія части, — и тогда не вы-

рваться Москвѣ изъ ряду столькихъ городовъ мѣлкопомѣстныхъ!

Къ счастію ея, старшій сынъ Георгій, жадный, смѣлый, пылкій, неразборчивый въ средствахъ, тотчасъ пустился вмѣстѣ съ братьями на промыселъ, и въ томъ же году увеличилъ общее отцовское наслѣдство *Можайскомъ*, удѣломъ Смоленскимъ, а въ 1304 году, по смерти Великаго Князя Андрея Александровича, вздумалъ искать себѣ Владимира, вопреки правамъ дяди, Михаила Ярославича Тверскаго: мысль дерзская и беззаконная, — но этою мыслію онъ положилъ первый камень въ основаніе будущаго величія Москвы, и поколебалъ самую Тверь.

Твери, по всѣмъ разсчетамъ и соображеніямъ, выпадалъ въ это время жребій пріобрѣсти первенство въ Сѣверной Россіи, — и въ самомъ дѣлѣ этотъ городъ, при двухъ большихъ судоходныхъ рѣкахъ, Тверцѣ и Волгѣ, въ сосѣдствѣ съ Новымъ-городомъ, Смоленскомъ и Псковомъ, вдали отъ Монголовъ, воспользовался своимъ положеніемъ, и въ короткое время пришелъ уже въ цвѣтущее состояніе, какъ вдругъ его Князю, старшему въ родѣ Ярослава II, приходится быть Великимъ Княземъ Владимирскимъ. Какая блистательная будущность! Георгій помѣшалъ Твери; начавъ неравную борьбу съ нею, онъ какъ будто предупредилъ неизбѣжное ея покушеніе, напалъ впередъ, чтобъ не обороняться послѣ, и пустилъ неожиданный вопросъ на рѣшеніе обстоятельствъ: кому быть: Москвѣ или Твери. Воздадимъ честь Георгію! Этого мало.

Онъ своей жизнію и смертію вызвалъ такія происшествія, которыя погубили совершенно Тверь во мнѣніи Ханскомъ, и очистили путь Москвѣ къ возвышенію.

Георгію послѣ многихъ неудачъ удалось наконецъ въ двухъ-лѣтнее пребываніе при дворѣ Ординскомъ снискать благосклонность Узбека, жениться на его сестрѣ, и получить Великое Княжество Владимирское. Мстительный, онъ еще напалъ съ помощію Монголовъ на Тверскія владѣнія. Михаилъ, уступившій безъ прекословія Владимиръ, по повелѣнію Ханскому, не могъ снести равнодушно разоренія своей отчины, сразился, побѣдилъ его, и взялъ въ плѣнъ сестру Ханскую, которая къ его несчастію умерла въ Твери. Обнесенный Георгіемъ, Тверской Князь былъ за то лишенъ жизни въ Ордѣ.

Чрезъ нѣсколько времени однакожъ непостоянный Узбекъ отдалъ Великое Княжество сыну его, Димитрію. Георгій прибылъ снова въ Орду для поправленія своихъ дѣлъ, и нашелъ себѣ смерть: вспыльчивый сынъ Михаиловъ, встрѣтясь съ нимъ въ Ордѣ, не могъ увидѣть хладнокровно убійцу своего отца, и умертвилъ его почти предъ глазами Ханскими. Тверской Князь, дерзнувшій на такое самоуправство, былъ казненъ.

Толпы грабителей подъ благовиднымъ предлогомъ бросились на Тверь, а Князь ея Александръ, опасаясь участи отца и братьевъ, вмѣстѣ съ жителями, между которыми разнесся

слухъ о намѣреніи обращать въ Мугамеданскую вѣру, рѣшился съ отчаянія истребить Монголовъ: всѣ они были перебиты, остальные вмѣстѣ съ предводителемъ, близкимъ родственникомъ Узбековымъ, сожжены. Узбекъ воспылалъ гнѣвомъ на несчастный городъ, который въ третій разъ оказалъ свою строптивость. Поступокъ Тверитянъ показался ему началомъ возстанія всей Россіи, - онъ рѣшился наказать ихъ примѣрно, и вопросъ «кому быть» рѣшился отчасти: Твери не бывать.

Кому же поручить наказаніе Твери? Ханы сами уже отвыкли отъ предводительства войсками; всего надежнѣе, вѣрнѣе — наслѣдственному врагу Твери, брату умерщвленнаго Георгія, знакомому уже въ Ордѣ, Іоанну, жившему тогда въ Москвѣ. Призванный Іоаннъ радъ былъ порученію, которое утоляло его жажду мщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывало виды на Великое Княжество. Онъ пошелъ съ Монгольскимъ войскомъ на беззащитную Тверь, опустошилъ ея города, заставилъ Князя Александра спасаться бѣгствомъ, и успокоенный Ханъ, довольный его ревностною службою, въ знакъ благодарности даетъ Московскому Князю Владимиръ, а всѣ Князья получаютъ приказаніе его слушаться.

Важная минута въ Исторіи Москвы, которой Князь дѣлается Великимъ Княземъ. Но гдѣ будетъ жить онъ?

Ему слѣдуетъ по примѣру своихъ предковъ переѣхать во Владимиръ. И тогда какая польза

останется Москвѣ отъ славы первыхъ ея Князей? Никакой: она снизойдетъ на чреду удѣльныхъ городовъ, Дмитрова, Волокаламскаго, Звѣнигорода, ей теперь равныхъ,—она сдѣлается пригородомъ Владимирскимъ. Рѣшительный выборъ!

Іоаннъ остался жить въ Москвѣ, гдѣ онъ родился и воспитывался, гдѣ лежали его отецъ и братъ, гдѣ онъ недавно похоронилъ Святаго Митрополита Петра, который, по особенной къ нему привязанности, переѣхалъ къ нему жить изъ Владимира, и завѣщалъ построить храмъ Успенія. Еще великій вопросъ рѣшился: сѣменемъ Россіи быть Москвѣ.

Думалъ ли Іоаннъ, что избранное имъ мѣстопребываніе, Москва, находится въ равномъ разстояніи (180—200 верстъ) отъ Твери, Ярославля, Владимира, Суздаля, Рязани, Калуги и Тулы, воротъ къ городамъ Сѣверскимъ и Малой Россіи, и граничитъ съ Смоленскимъ Княжествомъ? Думалъ ли онъ, что Москва находится въ средоточіи всѣхъ важныхъ Княжествъ Русскихъ того времени, и можетъ до нихъ именно рукой доставать? Нѣтъ, онъ не думалъ этого: такія государственныя мысли не принадлежатъ его вѣку, а между тѣмъ самъ Петръ, окинувъ орлинымъ взглядомъ всю Россію того времени, не могъ бы выбрать мѣста выгоднѣе для будущаго единодержавія, для созрѣющаго лѣтъ чрезъ двѣсти Государства.

И такъ Москва пріобрѣла Владимиръ съ вліяніемъ на Новгородъ. Положимъ, что это пріо-

обрѣтеніе могло еще быть утрачено, но въ Исторіи Государствъ важно начало, заведеніе. Посмотримъ, что будетъ далѣе.

Іоаннъ, снискавшій вполнѣ довѣренность Хана своими услугами, изходатайствовалъ себѣ званіе управителя, или обязанность доставлять оброкъ Русскій прямо въ Орду,– важное благодѣяніе Московскаго Князя для всей Сѣверовосточной Россіи, которая отселѣ не была разоряема баскаками. Іоаннъ во всю жизнь свою сохранилъ эту довѣренность, безпрестанно ѣздилъ въ Орду, возя туда сыновей, исполняя всѣ порученія Ханскія противъ Пскова, Смоленска, осыпая дарами Вельможъ, доставляя исправно дань Хану, который радъ былъ такому вѣрному слугѣ, и не помышлялъ, что его Москва, непримѣтно усиливаемая и прославляемая, возвыситъ скоро свою главу и надъ Ордою. Калита, — характеристическое прозваніе, — собирая для Хана, не забывалъ и себя, разбогатѣлъ безъ сравненія съ другими Князьями Русскими, накупилъ себѣ множество селъ во всей Россіи, цѣлые города, Бѣлозерскъ, Галичь, Угличь, и оставилъ сокровища своимъ дѣтямъ. Первенство Москвы упрочено.

Но силенъ, богатъ былъ и Ярославъ, и Боголюбскій, и Всеволодъ! Сіи Князья имѣли еще гораздо больше владѣній нежели Калита, а наслѣдства ихъ раздѣлились, разошлись по рукамъ, ослабли. Почему же Московское уцѣлѣло? Чѣмъ упрочилъ его Іоаннъ? Развѣ онъ возвысился надъ своимъ временемъ, остановилъ

дѣленіе, и назначилъ одного сына единодержавнымъ Государемъ своихъ владѣній? Притомъ развѣ Ханъ не могъ отдать Великаго Княженія другому Князю?

Ни того, ни другаго. Іоаннъ раздѣлилъ все свое наслѣдственное и благопріобрѣтенное имѣніе, даже самую Москву, поровну, между тремя сыновьями, а Ханъ могъ отдать кому угодно, Великое Княжество, о которомъ Іоаннъ не смѣлъ даже упомянуть въ своей духовной, какъ зависящемъ отъ распоряженія Ханскаго.

Такъ чѣмъ же упрочено первенство Москвы? Дѣло состояло въ томъ, кому отдастъ Ханъ Великое Княжество.

Это правда, — и явились искатели, но никто изъ нихъ не могъ предложить Узбеку такихъ даровъ, не могъ такъ осыпать деньгами вельможъ его, какъ богатый наслѣдникъ Іоанновъ, старшій его сынъ Симеонъ, получившій отъ отца полную калиту, а жадность Монголовъ увеличивалась съ ихъ роскошью и слабостію. Къ тому жь Московскій Князь былъ уже знакомъ въ Ордѣ, имѣлъ связи, надежныхъ покровителей, и въ числѣ правъ своихъ могъ предъявить столько заслугъ своего вѣрнаго рода. Кого могъ предпочесть Узбекъ? — Такъ и случилось. Симеонъ Московскій получилъ Великое Княжество, и, имѣвъ прежде равную долю съ братьями, теперь, при полученномъ маіоратѣ, сталъ опять сильнѣе всѣхъ прочихъ Князей. Меньшіе братья разумѣется не смѣли съ нимъ

соперничать. Вотъ почему, смѣло сказать можно, что Іоанномъ и его калитою упрочено первенство Москвы. Знаменитость ея увеличивается, и Симеонъ, покровительствуемый Ордою, продолжаетъ говорить языкомъ гордымъ, такъ что всѣ Князья прозываютъ его по такому качеству, неизвѣстному его предкамъ въ этомъ смыслѣ, а самъ себѣ онъ даетъ титло Князя всея Руси.

Но новая, или лучше сказать, старая опасность угрожаетъ Москвѣ. Въ свою очередь, число собственныхъ Князей ея умножается: у Симеона было семь сыновей, у Іоанна двое, у Андрея трое. Вотъ на сколько частей должна вскорѣ раздробиться ея область, вотъ во сколько кратъ она должна обезсилѣть, и одинъ Владиміръ, даже безъ семейственныхъ ссоръ, при постоянной благосклонности Хановъ, не можетъ тогда сдѣлать значительнаго перевѣса противъ прочихъ Княжествъ, озлобленныхъ на Москву за ея высокомѣріе.

Черная смерть, обошедшая съ губительной своею косою всю Европу, достигаетъ тогда Россіи, и въ короткое время изъ всѣхъ Князей Московскихъ остаются только два отрока: Димитрій, сынъ Іоанна Іоанновича, и Владиміръ, сынъ его брата Андрея.

Теперь-то именно новая опасность Москвѣ. Какъ младенцу Димитрію получить себѣ въ Ордѣ Великое Княжество?

И въ самомъ дѣлѣ Димитрій Константиновичь

Суздальскій, старшій потомокъ Ярослава II, достаетъ ярлыкъ на Великое Княженіе, и пріѣзжаетъ во Владиміръ, обрадованной возвращеніемъ потерянной почести. Упала Москва?

Нѣтъ! Въ Ордѣ начались, какъ будто въ урочный часъ, ужасныя междоусобія, Ханы рѣзались, одинъ ежеминутно смѣнялъ другаго, и подданные не знали, кого называть имъ своимъ властителемъ. Бояре Московскіе рѣшились воспользоватся этими обстоятельствами, рѣшились отстоять за своимъ Княземъ Великое Княжество; собственная ихъ выгода того требовала. Старожилы Московскіе, слуги Калиты и двухъ сыновъ его, они подобно Москвѣ, теряли свою значительность, свои выгоды, съ возшествіемъ на престолъ Великаго Княжества иного Князя, который разумѣется приводилъ съ собою своихъ собственныхъ Бояръ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ: во всякомъ случаѣ теряли они не много, безъ сравненія съ выигрышемъ. Намѣреніе ихъ удалось: они выгнали Димитрія Константиновича изъ Владиміра, и выхлопотали другой ярлыкъ у другаго изъ воевавшихъ между собою Хановъ. Явное доказательство усиленія Москвы, которая дѣйствовала при этомъ случаѣ уже въ лицѣ цѣлаго сословія, ей принадлежащаго, независимо отъ Князя.

Во время малолѣтства Димитрія Бояре управляли Княжествомъ, и, осмѣлившись спорить съ Ордою, поступали еще произвольнѣе съ удѣльными Князьями, звали ихъ судиться къ себѣ, отнимали и раздавали области, приучали, такъ

сказать, повиноваться Москвѣ, — однимъ словомъ, поступали такъ, какъ поступаютъ обыкновенно посредники власти, какъ никогда не помыслилъ бы поступать съ Князьями равный, свой-братъ Князь. — Московская политика была развита, опредѣлена этою достопамятною аристократіею, и Димитрій, возмужавъ, получилъ такъ сказать готовыя правила, которымъ, по своему благоразумію, онъ и началъ слѣдовать неукоснительно ко благу Россіи. Рязань, Тверь, Новгородъ, смирены. Мысль объ могуществѣ Москвы распространяется повсемѣстно. Ни одинъ Князь не можетъ уже спорить съ нею. При Димитріѣ въ Новгородскій походъ находилось множество Князей, болѣе или менѣе подчиненныхъ ему: Серпуховской, Суздальскіе, Ростовскіе, Ярославскій, Моложскій, Бѣлозерскій, Кашинскій, Стародубскій, Брянскій, Смоленскій, Новосильскій, Оболенскій, Торусскій. Сила придаетъ смѣлости, и Димитрій, видя безпрерывные раздоры въ Ордѣ, рѣшился воспользоваться ими, попытаться свергнуть иго, созвалъ всѣхъ союзныхъ и подчиненныхъ себѣ Князей, и нѣсколько разъ оказавъ свое непослушаніе, наконецъ выступилъ съ войсками, благословенный Святымъ Сергіемъ, чтобъ встрѣтить Мамая, и на Куликовѣ полѣ одержалъ первую блистательную побѣду надъ его многочисленнымъ ополченіемъ. — Слава осіяла Москву. Она подала первый примѣръ возстанія, и молва благороднаго подвига распространилась по всей Россіи. Сочувствіе, любовь, возбудились во всемъ народѣ Русскомъ.

Хотя вскорѣ послѣдовало новое нападеніе Монголовъ, но первый опытъ былъ сдѣланъ, возможность доказана, надежда возникла въ сердцахъ: во всѣхъ грамотахъ Князья начали вставлять «а если избавитъ насъ Богъ отъ Орды.»

Димитрій ступилъ еще иной шагъ къ усиленію Москвы, шагъ необыкновенный въ Исторіи Россіи, на который не рѣшался ни одинъ изъ Великихъ Князей. Онъ постановилъ, чтобы сынъ ему наслѣдовалъ; заставилъ при себѣ своего брата признать это право: дядя назвалъ торжественно племянника старшимъ братомъ, и обѣщался не искать Великаго Княженія. Положимъ, что это право было извѣстно, хоть исполнялось не безъ спора, по крайней мѣрѣ оно узаконилось теперь, въ народѣ утвердилась мысль о законномъ преемствѣ Московскихъ Князей, мысль принесшая въ скоромъ времени свои плоды. Димитрій раздѣлилъ владѣнія шести сыновьямъ, съ предпочтеніемъ однако старшаго; великое Княжество, о которомъ не смѣли упоминать его предшественники, предоставляя назначеніе Монголамъ, завѣщалъ онъ прямо своему сыну Василію. Такую силу и власть сознавала въ себѣ Москва.

Василію Димитріевичу не было уже соперниковъ при вступленіи на престолъ Великокняжескій. Меньшіе братья даже по одной молодости (старшему было 15 лѣтъ) не могли оспоривать отеческаго распоряженія.

Старая Аристократія, окружавшая Донскаго, имѣла еще случай оказать Москвѣ много важныхъ услугъ, руководствуя юнымъ Василіемъ. Онъ былъ принятъ въ Ордѣ почти какъ союзникъ, и получилъ отъ Тохтамыша, готовившагося къ войнѣ съ славнымъ Тамерланомъ и желавшимъ имѣть его на своей сторонѣ, Нижній, Городецъ, Мещеру, Торусу, Муромъ. Владѣнія Москвы далеко распространились на Востокъ. Непокорность Торжка наказана неслыханными карами: 70 человѣкъ бояръ и купцовъ привезено въ Москву и казнено. Новгородъ и Псковъ принуждены слушаться. Вологда, Бѣжецкой-верхъ отдѣлены отъ Новагорода, Ростовъ присоединенъ совершенно къ Москвѣ, и Князья его разсылаются Намѣстниками въ другіе города. Монголы были не ужасны: Тамерланъ и Едигей были послѣдними призраками, устрашившими Москву только на время: Василій платилъ дань неисправно, и даже по нѣскольку лѣтъ сряду вовсе не платилъ ея. Туча восточная, Монгольская, начала разсѣяваться; но другая туча, съ Запада, Литовская, приближалась болѣе и болѣе: Гедиминъ овладѣлъ древнею Юго-западною Русью, Олгердъ, сынъ его, довершилъ это завоеваніе, и подбѣгалъ къ Москвѣ при Димитріѣ, а Витовтъ, племянникъ, взявъ Смоленскъ, простирая жадную руку надъ Новымъ-городомъ и Псковомъ, обрывая Тверское Княженіе, угрожалъ самой Москвѣ.

Еще болѣе — Витовтъ, помогая Тохтамышу противъ Тамерлана, выговаривалъ себѣ у него

Москву, — вотъ на какомъ волоскѣ она висѣла, — въ случаѣ побѣды, но Богъ этой побѣды имъ не далъ.

Впрочемъ Василій, тѣснимый имъ болѣе и болѣе, принужденъ былъ согласиться на миръ, по которому Угра, во 100 верстахъ отъ Москвы, была уже границею съ запада.

Однако изъ пограничныхъ городовъ съ этой стороны пришелъ къ Василію цѣлой полкъ Бояръ и Князей, привлеченныхъ славою Москвы.

Василій Димитріевичь имѣлъ къ счастію только одного сына, Василія же, которому и отдалъ сполна все свое владѣніе; тяжело было ему оставить этого младенца, видя надъ его Москвою уже распущенныя когти хищныхъ враговъ; тяжело было, Витовта, отъ котораго только что онъ самъ уберегъ Москву, назначить покровителемъ внука, но дѣлать было больше нечего, какъ предаваться во власть Божію.

При этомъ Василіѣ Москва должна была выдержать послѣднее, самое тяжелое испытаніе. Она была окружена со всѣхъ сторонъ опасностями, и теперь еще страхъ беретъ за нее, когда мы обозрѣваемъ оныя.

Василій былъ только десяти лѣтъ отъ роду.

Тѣхъ достойныхъ думныхъ Бояръ, которые спасли Москву въ малолѣтство Донскаго и Василія, уже не было, а оставшихся лѣтописатели единогласно обвиняютъ въ малодушіи и неразуміи.

Василій имѣлъ родныхъ дядей, которыхъ не было у его предшественниковъ, дядей властолюбивыхъ, дѣятельныхъ, способныхъ, показавшихъ еще отцу его свое нерасположеніе къ новому уставу о наслѣдствѣ.

А что скажутъ враждебныя Тверь и Рязань, которыхъ едва удерживала доблесть Донскаго и его сына? Что скажетъ безпокойный Новгородъ, не пропускавшій ни одного благопріятнаго случая безъ покушенія освободиться отъ власти Московской? А старый, жадный Витовтъ? А Монголы? А Удѣльные Князья, которые опять размножились?

Сколько враговъ природныхъ, закоренѣлыхъ! Не должны ли всѣ они броситься на осиротѣлую безпомощную Москву, одни чтобъ отомстить за старое зло ея, другіе чтобъ обогатиться ея сокровищами, третьи чтобъ распространить свои владѣнія на счетъ ея, четвертые чтобъ свергнуть ея иго? Какого времени ожидать имъ для себя благопріятнѣе! — Что если они еще соединятся! Какъ можетъ выйти Москва изъ такого критическаго положенія? Не должны ли мы теперь еще трепетать за нее? Кто спасетъ ее!

Богъ, тотъ Русскій Богъ, который хранилъ ее до сего времени, и чудесно избавлялъ отъ всѣхъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Опасности могли случиться, но не случились.

Въ Литвѣ вскорѣ умеръ Витовтъ (1430), только что начавшій непріязненныя дѣйствія про-

тивъ Пскова и Новагорода, и съ нимъ померкла слава Литовская. Преемники не имѣли его доблестей, и начали междоусобныя войны, среди которыхъ имъ нѣкогда было думать о Москвѣ. Вниманіе ихъ болѣе устремлено было на Западъ, на Польшу.

Тверскіе Князья по смерти Михаила (1399), врага Донскому, все еще ссорились между собою только о Твери.

Рязань послѣ Олега (1402) не могла предпринимать ничего, подъ управленіемъ Князей слабыхъ.

Въ Новѣгородѣ не было еще Мареы Посадницы.

Монголы послѣ нѣсколькихъ хищническихъ набѣговъ дрались между собою больше и больше, такъ, что опустошенная Орда имѣла вдругъ по нѣскольку Хановъ.

Изъ Удѣльныхъ Князей умерло еще много при возвратившейся моровой язвѣ.

Слѣдовательно всѣмъ врагамъ Московскихъ Князей было много дѣла дома, и Москва была предоставлена самой себѣ; Василію осталась только одна опасность отъ родныхъ дядей. Опасность эта была велика, ибо Юрій Дмитріевичь былъ властолюбивъ, а при дворѣ юнаго Василія не кому было противостать ему. Хотя одинъ членъ старой Аристократіи, Бояринъ Иванъ Дмитріевичь, умѣлъ отстоять въ Ордѣ Великое Княжество за малолѣтнымъ своимъ Княземъ, но дядя Василіевъ не послушался ярлыка Хан-

скаго, устремился на Москву, которую считалъ основою желаемаго могущества. (Владимиръ лишился непримѣтно своей знаменитости, и объ немъ не думали сами искатели. Василій возведенъ былъ на престолъ уже въ Москвѣ, а не Владимирѣ). Отпора достаточнаго имъ не сдѣлано. Городъ взятъ, Василій плѣненъ. Юрій съ своими сыновьями объявляетъ себя Великимъ Княземъ, и изъ милости даетъ Василію Коломну.

Преемство нарушено, старшая линія отстранена, и раздоръ, погубившій всѣ прежнія знаменитыя Княжества, угрожаетъ Московскому Княженію въ будущемъ времени, а теперь что дѣлать юному Василію, не надѣленному отъ природы способностями, по мнѣнію нашихъ Историковъ, и безъ достойныхъ Бояръ, совѣтниковъ и помощниковъ? Гдѣ искать помощи!

Теперь Москва стала сама за себя. Она не хочетъ повиноваться Юрію, и народъ, Бояре, купцы и простолюдины, спѣшатъ въ Коломну, къ своему законному Князю Юрій остается одинъ, какъ будто въ пустынѣ. Побѣдитель, онъ долженъ былъ уступить побѣжденному, слабому юношѣ, и отказаться отъ Великаго Княжества. Вотъ уже какъ укрѣпился новый порядокъ вещей и какая приверженность къ нему возродилась! Вотъ уже какая обнаружилась преданность къ роду Великокняжескому! — Однакожъ Юрій и его сыновья чрезъ нѣсколько времени возобновили свои покушенія, но тщет-

но занимали они нѣсколько разъ Москву, побѣждали нѣсколько разъ Великаго Князя, брали въ плѣнъ его, ослѣпили его, лишали его пристанища, такъ что дѣти его младенцы (будущій Великій Іоаннъ) скитались по селамъ, укрываясь отъ своихъ враговъ, — ни что ни одолѣло Москвы. Она перенесла, препобѣдила все, вышла изъ боя не только цѣлая и невредимая, но еще увеличенная всѣми владѣніями Князей, возстававшихъ на нее, большею частію удѣловъ Московскихъ, такъ, что это междоусобіе было уже послѣднимъ.

Василій объявилъ 10-лѣтняго сына Іоанна соправителемъ. Онъ стѣснилъ Новгородъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Рязань, оставшаяся съ однимъ малолѣтнимъ Княземъ, воспитывавшимся въ Москвѣ, совершенно отъ него зависѣла. Всѣ города Суздальскаго Княженія были очищены отъ остальныхъ Князей. Вятка подчинена. Новгородъ и Псковъ имѣли намѣстниковъ; ни одинъ городъ не могъ состязаться съ Москвою; Монголамъ платилась дань, только изрѣдка.

Въ такомъ видѣ оставилъ Василій Московское Княженіе старшему сыну своему Іоанну, которому предоставлено было судьбою довершить дѣло всѣхъ прежнихъ Московскихъ Князей — увѣнчать труды своихъ предковъ.

Замѣчательно, что всѣ тѣ опасности, которыя могли грозить отцу его при вступленіи на престолъ и прошли тогда мимо, теперь собрались было на Москву, впрочемъ порознь, — но Мо-

сква была уже въ такихъ силахъ, что могла встрѣтить ихъ смѣло и употребить въ свою пользу.

Новгородъ рѣшился отложиться отъ Москвы подъ предводительствомъ Маровы Посадницы, и признать владычество Литвы.—Іоаннъ долженъ былъ покорить его непремѣнно, и покорилъ, вмѣстѣ со всею обширною его областію. Страна Двинская, Вологда, Вятка, Пермь утверждены за Москвою. Тверь между ею и Новымгородомъ не могла сохранить своей независимости. Братья, не получая участія въ завоеваніяхъ, досадовали, переговаривались съ Литвою, и лишены были за то всѣхъ своихъ городовъ, съ которыми впрочемъ ничего и предпринимать не могли. Остальные удѣлы правдою и неправдою взяты. Единовѣрные Князья Юго-западной Россіи, почти вплоть до Кіевскаго Княжества, притѣсняемые Польскими Католиками, поддаются Іоанну. Казань покорена, и намѣчено господство надъ Сѣверозападною Сибирью. Монголы собираются на Москву, подъ предводительствомъ Ахмата, но устрашенные отступаютъ отъ Угры бороться съ единоплеменникомъ своимъ, Крымскимъ Менгли-Гиреемъ, союзникомъ Іоанна, и наше иго прекращается. Іоаннъ вступаетъ въ бракъ съ послѣднею отраслію Греческихъ Императоровъ, Царевною Софіей, которая сообщаетъ Великому Князю идею Царя; образуется дворъ, принимается гербъ и титулъ. Княжество, помѣстье, стало Государствомъ, удѣльной городъ Столицею, Москва Россіей!

Вотъ краткое обозрѣніе происшествій, составляющихъ особенную Исторію Москвы.

Разсматривая ихъ внимательно, не знаешь, чему удивляться болѣе: этому ли естественному ихъ ходу, въ которомъ одно изтекало кажется изъ другаго, или тѣмъ неожиданнымъ постороннимъ событіямъ, которыми заботливо отклонялись всѣ опасности, несчастія, угрожавшія имъ помѣхою, въ которыхъ какъ будто чувствуешь движеніе высшей Десницы, ведшей Москву, а въ ней и всю Россію отъ самаго рожденія къ великой цѣли.

Говорятъ обыкновенно: покровительство Монголовъ возвысило Москву. Это правда, но вникнемъ глубже.

Димитрій пошелъ войною на Монголовъ въ 1380 году, слѣдовательно дружественныхъ отношеній уже тогда не было, а это случилось только чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Калиты. Самое восшествіе на престолъ Димитрія было противъ воли Хана, отдававшаго въ 1359 году Великое Княжество другому Князю, — слѣдовательно покровительство могло продолжаться передъ тѣмъ только лѣтъ тридцать. Еще болѣе — Симеонъ и Іоаннъ получали Великое Княжество какъ бы по откупу, потому что никто не могъ дать больше ихъ, и притомъ никто не былъ надежнѣе для Хановъ по своей вѣрности и преданности, и вотъ мы при 12-лѣтнемъ княженіи Калиты. А Калита пользовался покровительствомъ за свою службу, за успокоеніе Хана, наказаніе Твери, выгодное управленіе. И онъ не могъ поступать

иначе, потому что отъ такого образа дѣйствія зависѣли его личныя, очевидныя выгоды. Что же произвело нужду въ услугахъ Калиты? Бунтъ Твери, къ которому она была вынуждена хищными Монголами; и такимъ образомъ мы дойдемъ до встрѣчи Московскаго Князя съ Тверскимъ въ Ордѣ, до гнѣва Димитрія, до жестокосердія и властолюбія Георгія, до свойствъ, которымъ подобныя встрѣчались на всякой страницѣ нашей древней Исторіи, то есть, мы дойдемъ до тѣхъ тонкихъ жилокъ, до тѣхъ волосяныхъ трубокъ, которыми въ нѣдрахъ высокихъ горъ зачинаются Нилъ, Волга, Дунай, Миссисипи, и скажемъ съ благоговѣніемъ: пути Провидѣнія неисповѣдимы. Такъ должно было.

А съ другой стороны — не чудесно ли стеклись обстоятельства, чтобъ погубить несчастную Тверь, естественную соперницу Москвы? Какъ кстати отличился бережливостію Калита! Пришла же моровая язва, когда размножились Князья въ Московскомъ Княженіи, еще не утвердившемся въ своихъ силахъ! Наступили же междоусобія у Монголовъ, въ малолѣтство Димитрія, и случились твердые, умные Бояре, которые умѣли ими воспользоваться! Современникомъ Витовту родился Василій. Москва возмужала ко времени княженія Темнаго. Въ какое благопріятное время умеръ дядя его Юрій!

И вотъ что достопримѣчательно: всѣ болѣзни насылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія, — какъ будто бы только для ея вра-

зумленія, указанія, воспитанія: сыновья Даніиловы боролись съ Тверью; Донской съ Монголами и Удѣльною системою; отъ Литвы берегъ Василій; на долю Темнаго достались послѣдніе Удѣльные Князья. Іоаннъ воевалъ послѣдовательно съ Новымгородомъ, Тверью, Литвою и Ордою.

Не мѣсто обозрѣвать здѣсь слѣдующую Исторію Москвы, ибо она есть уже Исторія Россіи, которую долго наши лѣтописцы называли Московскимъ Государствомъ, а иностранцы еще долѣе Московіей. Такъ! Всѣ нынѣшнія владѣнія Россіи, коими прикасается она къ Океану восточному и сѣверному, морямъ Балтійскому и Черному, Бѣлому и Каспійскому, суть пріобрѣтенія, или лучше сказать приращенія Москвы. Вступивъ послѣ всѣхъ городовъ на сцену Исторіи, послѣ Новагорода и Кіева, Смоленска и Чернигова, Владиміра и Суздаля, Рязани и Твери, она возвысилась надъ ними, снискала первенство, избавила отъ власти иноплеменниковъ, и потомъ приняла ихъ въ свои предѣлы, какъ мы отчасти видѣли. Москва была зерномъ, изъ коего произрасло великое древо Россійской Имперіи. Это Волга, употреблю другое сравненіе, которая вышедъ изъ темени Алаунскихъ горъ, долго таится неизвѣстнымъ потокомъ, принимаетъ въ себя окружные ручьи и рѣчки, мало по малу восполняется ими въ длинномъ своемъ теченіи, и становится огромною рѣкою, коей

покорно несутъ дани Ока и Кама съ ихъ обширными системами.

Ставъ средоточіемъ Россіи, Москва видѣла въ древнихъ стѣнахъ своихъ всѣ великія произшествія, рѣшавшія судьбу Отечества, или прославлявшія оное: въ Москвѣ утвердилась независимость Государства на двухъ краеугольныхъ камняхъ, единодержавіи и самодержавіи; въ Москвѣ жилъ Грозной; Москва низвергла Самозванца; спасеніемъ Москвы во время Польскихъ смутъ спаслася вся Россія; Москва избрала новаго Царя, долженствовавшаго успокоить Отечество; Москва избавила отъ ига иновѣрцевъ священный Кіевъ и родную Малороссію! Въ Москвѣ дано уложеніе Рускому народу, «чтобъ Московскаго Государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чина, судъ расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равны.» Въ Москвѣ уничтожено мѣстничество, въ Москвѣ родился Пётръ Великій....

И его временемъ оканчивается царственный ея періодъ.

Юный Царь, воспитанный иностранцами, воспламененный ихъ разсказами объ Европѣ, положилъ преобразовать Отечество могучей своею волею — его нововведенія не могли однако же приняться на Московской почвѣ, которая произрастила свои собственныя древа, глубоко пустившія корень, недопускавшія цвѣсти инозем-

нымъ растеніямъ подъ своею густою сѣнію. Онъ долженъ былъ искать нови, какъ всѣ преобразователи, — желанія его стремились къ Западу, и орлиный взоръ остановился на одномъ углу, въ глубинѣ Финскаго залива. Тамъ, по выраженію безсмертнаго поэта,

. . . . . юный градъ
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво. —
. . . .
И передъ младшею Столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною Царицей
Порфироносная вдова.

Петръ думалъ о будущемъ, а Москва представляла ему только свое монументальное прошедшее; притомъ она соединялась въ его воспоминаніи съ Стрѣльцами, Раскольниками, Софіей: Онъ оставилъ Москву, и все вниманіе, всю любовь, обратилъ на свое созданіе, на юный Петербургъ, на милаго своего Веніамина, — но покинутому Іосифу Провидѣніе часто представляло еще случай утѣшать и спасать всего Израиля.

Такъ въ великую годину войны народной, когда Геній-побѣдитель всей Европы замыслилъ увѣнчать въ Москвѣ свои двадцатилѣтніе подвиги, предписать законы Россіи, и утвердить владычество надъ всѣмъ свѣтомъ, старая Москва возстала, потрясла своими вѣковыми столпами, и двадесять языкъ, приведенныхъ испо-

линомъ отъ всѣхъ концовъ земли именно для ея покоренія, пали подъ ея священными развалинами, и огненное зарево ея пожара освѣтило спасеніе царствъ и народовъ, Европейскую свободу, новый порядокъ вещей, новую эру въ исторіи человѣчества. Вотъ славнѣйшее изъ воспоминаній Кремлевскихъ, какъ сказалъ незабвенный Карамзинъ.

Впрочемъ Москва, переставъ быть средоточіемъ исторіи со временъ Петра Великаго, осталась средоточіемъ Русскаго могущества, просвѣщенія, языка, литературы, промышленности, торговли, вообще Русской національности. Петербургъ, согласно съ мыслію своего основателя, своимъ положеніемъ, согласно даже съ своимъ именемъ, есть городъ Европейскій: въ наружности, образѣ жизни, образѣ мыслей, характерѣ, онъ носитъ явственный отпечатокъ чужихъ краевъ. Москва сохраняетъ еще свою національность, со всѣми ея добродѣтелями, и, если угодно, недостатками. Вотъ почему она можетъ назваться представительницей Святой Руси. Вотъ почему всякой Русскій питаетъ сыновнее благоговѣніе къ этому первопрестольному граду своихъ предковъ. Здѣсь святыня Отечества, здѣсь почиваютъ Великіе Угодники и Чудотворцы, теплыми своими молитвами заступники родины предъ престоломъ Вышняго. Здѣсь покоятся тлѣнные останки великихъ основателей и благодѣтелей Россіи. Здѣсь памятники всѣхъ важныхъ событій. Здѣсь Цари принимаютъ вѣнецъ свой и клянутся блюсти Уставы

отечества. Здѣсь вѣрный народъ ихъ въ эту великую минуту молится за Ихъ благополучное царствованіе. Словомъ, здѣсь земля историческая, здѣсь Русскій духъ въ очью совершается. Вотъ почему, въ важныя и рѣшительныя эпохи, Русская преданность Вѣрѣ, Отечеству, Государю, являются въ Москвѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Если Петербургъ называется главою Россіи, то Москва безъ сомнѣнія есть ея сердце,—сердце горячее, пылающее любовью къ Отечеству, которое живо бьется при всякой его радости, которое тяжко ноетъ при всякомъ бѣдствіи, которое готово на всякія пожертвованія, на труды и болѣзни, на раны и смерть, для его счастія, которое свято дорожитъ его славою, и которое пламенно, искренно любитъ добрыхъ, великихъ Царей, посылаемыхъ ей Богомъ.

Но за чѣмъ я началъ это нравственное изображеніе Москвы? Великому Князю, для котораго я имѣю счастіе писать эту записку, откроется она сама. Когда императорскій флагъ на Кремлевскомъ Дворцѣ возвѣститъ Его прибытіе, когда большой Успенской колоколъ начнетъ свой торжественный благовѣстъ, и Царская площадь покроется тьмочисленнымъ православнымъ народомъ, и единодушное *ура!* грянетъ громомъ при видѣ вожделѣннаго державнаго первенца Москвы, пусть Онъ всмотрится въ эти лица, пусть Онъ вслушается въ эти звуки: Онъ услышитъ въ нихъ, Онъ прочтетъ въ нихъ, яснѣе всѣхъ лѣтописей, нашу Исторію;

Онъ постигнетъ по нимъ вѣрнѣе всѣхъ статистическихъ выкладокъ тайну Русскаго могущества, Онъ узнаетъ въ эту великую минуту откровенія, что̀ такое Москва, что̀ такое Русскій человѣкъ, что̀ такое Святая Русь; предъ нимъ разоблачится ея безконечное будущее, Его высокое предназначеніе, и юное, чистое, добродѣтельное сердце Его насладится такими чувствованіями, какихъ выше, священнѣе нѣтъ для Царей на этомъ свѣтѣ.

Іюня 19.

ПРИРАЩЕНІЯ МОСКВЫ.

Москва есть такой городъ, на который можно и должно смотрѣть со многихъ разныхъ сторонъ. Чѣмъ больше знакомитесь вы съ нею, чѣмъ больше вникаете въ ея свойства, особенности, достоинства, происшествія, коихъ она была сценою и даже началомъ, тѣмъ болѣе удостовѣряетесь въ ея значеніи, важности, великой судьбѣ, прошедшей, настоящей и будущей. Исторія ея не кончилась. Кончился одинъ періодъ, но она займетъ, можетъ быть, еще много великихъ страницъ въ книгѣ судебъ Русскихъ, Европейскихъ и человѣческихъ.

Объ удивительномъ, чудесномъ стеченіи обстоятельствъ, кои содѣйствовали къ ея усиленію, возвеличенію, мимо всѣхъ человѣческихъ соображеній, противъ всѣхъ вѣроятностей, вопреки всѣмъ препятствіямъ, какъ будто подъ особымъ покровительствомъ Промысла, я изложилъ свое мнѣніе въ запискѣ, которую имѣлъ счастіе писать для Государя Цесаревича, предъ прибытіемъ его въ Москву, среди путешествія по Россіи.

*

Предметомъ этой статьи избираю слѣдующую тему:

Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго Государства.

Очистимъ прежде понятія, отстранимъ недоразумѣнія, предупредимъ возраженія.

Ни Новугороду, ни Кіеву, ни Владимиру, нельзя приписать этой чести.

Новгородъ и Кіевъ древнѣе Москвы; они начинаютъ Русскую исторію, но не начинаютъ нынѣшняго Русскаго Государства.

Они присоединились къ Москвѣ, а не Москва присоединилась къ нимъ.

Это Ока, Кама, кои впадаютъ въ Волгу; это Ангара, которая впадаетъ въ Енисей. Началу Москвы соотвѣтствуетъ въ этомъ смыслѣ начало Волги, начало Енисея, а не начало Оки или Камы.

Когда вы хотите говорить о Волгѣ, то вы не можете, не должны начинать своихъ изслѣдованій съ истоковъ Оки въ Орловской губерніи, а тотчасъ идти въ Осташковъ, къ озеру Селигеру и далѣе, поймать тамъ первую каплю, преслѣдовать струю, идти за ручьемъ, рѣчкой, рѣкою, которая на всякомъ шагу полнѣетъ и полнѣетъ, расширяется и богатѣетъ, и становится наконецъ Волгою, которой, уже въ Нижнемъ, приноситъ свою дань длинная, многоводная Ока, а далѣе въ Казанской губерніи не менѣе важная Кама.

Точно такое начало нынѣшняго Русскаго Государства, продолжимъ для ясности это сравне-

ніе, соотвѣтствующее началу Волги въ Осташковскомъ уѣздѣ, есть Москва.

Кіевъ, Новгородъ, древнѣе Москвы, были долго знаменитѣе ея, могущественнѣе, пространнѣе; но и впадающія рѣки берутъ часто свое начало гораздо выше, текутъ дальше своихъ воспріемницъ, и бываютъ иногда столь велики и важны, что производятъ споръ между географами, которую изъ нихъ считать главною и которую побочною.

Впрочемъ дѣло Москвы такъ ясно, что объ ней и спорить нечего.

Всѣ части, составляющія нынѣшнюю Россійскую Имперію, суть пріобрѣтенія Москвы, такъ что всю Россію можно въ этомъ смыслѣ назвать разпространившеюся Москвою.

Новгородъ, Кіевъ, всю Малороссію, Казань, Сибирь, притянуло къ Москвѣ, какъ Тверца, Сура, Шексна, Ока, Кама, упали въ Волгу.

Гдѣ же это начало Москвы? Въ какихъ горахъ нашъ священный Гангесъ беретъ свое державное начало?

Первоначальная область Москвы, во владѣніи у перваго удѣльнаго ея Князя, Даніила Александровича, находилась между Лопасней, Можайскомъ, Клиномъ, Дмитровымъ, Радонежомъ, Коломною, которые принадлежали уже къ чужимъ Княжествамъ: Можайскъ къ Смоленскому, Клинъ къ Тверскому, Дмитровъ къ Владимирскому, Радонежъ къ Ростовскому, Коломна къ Рязанскому, Лопасня къ Сѣверскимъ Княжествамъ. Вотъ

въ какихъ тѣсныхъ удоліяхъ заключалась Московская область; вотъ какой точкѣ судьба назначала быть центромъ новаго, могущественнаго Европейскаго....всемірнаго государства; вотъ какая капля должна сдѣлаться моремъ-Океяномъ.

Представимъ же теперь постепенное распространеніе предѣловъ Московскихъ, прослѣдимъ ея увеличеніе, розрожденіе Москвы въ Россію.

Даніилъ Александровичъ получилъ въ наслѣдство по завѣщанію отъ своего племянника *Переяславль* 1302 г.

Сынъ его Георгій отнялъ у Рязанскаго Князя *Коломну*, которая осталась за нимъ по договору 1308 г., и въ 1303 году *Можайскъ* у Смоленска.

Іоаннъ Даниловичъ получилъ отъ Хана Узбека въ 1328 *Владиміръ*, съ принадлежащими къ нему городами, напр. *Костромою*, который съ тѣхъ поръ не отдѣлялся отъ Московскихъ Князей. (А столъ Володимиръ и иные многія Княженіи Царь Азбекъ даде ему къ *Москвѣ*).

Онъ купилъ у разныхъ удѣльныхъ Князей *Галичь*, *Бѣлоозеро*, *Угличь*.

По духовному завѣщанію его видимъ, что на западѣ область его распространилась до Оки, ибо *Серпуховъ* принадлежалъ ему.

Въ семъ первомъ документѣ упоминаются города, кромѣ означенныхъ: *Руза*, *Звенигородъ*, *Перемышль*.

Донской присоединилъ къ Москвѣ купленную *Мещеру*.

Въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго (1380) появляются *Верея*, *Калуга*, *Дмитровъ*, (древній городъ Владимирскаго Княжества).

Василій Дмитріевичь получилъ отъ Тохтамыша въ 1392 *Нижній Новгородъ* и *Суздаль*.

Въ его духовной *Муромъ* называется также его примысломъ.

Отъ Новагорода пріобрѣлъ онъ *Бѣжецкій верхъ* и *Вологду*.

Волокъ и *Ржевъ*, *Городецъ на Волгѣ*, упоминаются при мѣнахъ Василія Дмитріевича съ дядею Владимиромъ Храбрымъ (1410). Также какъ на западѣ: *Козельскъ*, не задолго предъ тѣмъ захваченный, и не совсѣмъ еще надежный, какъ видно изъ договорной грамоты, *Алексинъ*, *Таруса*, *Новосиль*. Между Владимировыми городами (въ грамотѣ 1410 г.) упоминаются еще: *Любутскъ*, *Боровскъ*, *Малой Ярославецъ*, *Радонежъ*.

Темный возвратилъ Москвѣ всѣ ея частные удѣлы, на кои раздробилась-было она въ слѣдствіе размноженія ея Князей: *Галицкій*, *Можайскій*, *Боровскій*, *Дмитровскій*, *Суздальскіе*.

Іоаннъ III, первый единодержавный Государь Русскій, присоединилъ къ Москвѣ въ 1477 г. *Новгородъ*, съ его обширною областію, на сѣверовостокъ до Ледовитаго моря. А въ 1482 г. покорена была *Пермь*—до Уральскихъ горъ.

Въ 1482 г. покорено *Тверское* княжество; въ 1485 г. взятъ *Ярославъ* и окончательно *Ростовъ*.

Въ 1489 утверждено владычество надъ *Вяткою*, начатое (1448) при Темномъ. Братніе удѣлы присоединены опять къ Москвѣ.

Въ 1494 г. Москва распространила свои предѣлы на западъ; Іоаннъ возвратилъ отъ Литвы: *Вязьму*, *Алексинъ*, *Тѣшиловъ*, *Рославль*, *Веневъ*, *Мстиславль*, *Тарусу*, *Оболенскъ*, *Козельскъ*, *Серенскъ*, *Новосиль*, *Одоевъ*, *Воротынскъ*, *Перемышль*, *Бѣлевъ*, *Мещерскъ*.

Съ 1500 года слѣдующіе за ними далѣе: *Дорогобужъ*, *Брянскъ*, *Трубчевскъ*, *Серпейскъ*, *Мценскъ*, *Путивль*, *Рыльскъ*, *Стародубъ*, *Новгородъ Сѣверскій*, *Черниговъ*.

Василій въ 1509 г. покорилъ *Псковъ* съ его городами, и въ 1517 присоединилъ *Рязанское* Княжество.

Грозный въ 1553 г. овладѣлъ *Казанью*. Въ 1555 г. взята *Астрахань*. Въ 1580 г. покорена западная *Сибирь*.

При Өедорѣ заняты берега *Урала*, поддалась отчасти *Грузія*, *Орда Киргизская*.

При Михаилѣ Өедоровичѣ Романовѣ (который уступилъ на время Польшѣ часть Іоанновыхъ пріобрѣтеній) распространены владѣнія въ *Сибири* до Камчатскаго Моря (*Енисейскъ*, *Туринскъ*, *Якутскъ*),

При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ присоединилась *Малороссія съ Кіевомъ*, и довершено владычество надъ всею *Сибирью* (*Албазинъ*, *Нерчинскъ*, *Иркутскъ*). Уступленое возвращено.

Вотъ непосредственныя пріобрѣтенія Москвы, вотъ Московское Государство, какъ называлъ его Царь Алексѣй Михайловичь.

Императоръ Петръ Великій, съ силами Московскаго Государства, распространилъ свои владѣнія до Балтійскаго моря, построилъ Петербургъ, сдѣлавшійся мѣстопребываніемъ Русскихъ Государей, и получилъ по Ништадскому миру, 1721 года: *Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и Карелію, часть Финляндіи.*

Московское Государство стало Русскою Имперіей, которая пріобрѣла при Императрицѣ Елизаветѣ (1744 г.) отъ Швеціи *часть Финляндіи* по рѣку Кюмень.

Императрица Екатерина (1772—1793) возвратила отъ Польши всѣ страны, отторгнутыя Литвою, *Бѣлоруссію* и остальную часть *Малороссіи*, кромѣ Галицкаго княжества, то есть губерніи: *Минскую, Могилевскую, Витебскую, Волынскую, Подольскую, часть Кіевской, Виленскую, Гродненскую.*

Въ 1774, 1784, 1793, г. пріобрѣла она отъ Турціи *Крымъ*, всѣ земли *между Днѣпромъ* и *Днѣстромъ*, владычество надъ малою Кабардою.

Въ 1800 г. досталась *Грузія*, и потомъ (1803—1806) *Мингрелія, Имеретія, Карабахская, Ширванская области, Дагестанъ.*

Въ 1806 г. при Императорѣ Александрѣ пріобрѣтена *Бѣлостокская* область.

Въ 1809 г. *Финляндія.*

Въ 1812 г. *Бессарабія.* Въ 1813 г. земли на Кавказѣ *до Аракса.*

Въ 1814 г. соединено съ Россіей *Царство Польское.*

Въ 1827 г. въ царствованіе Императора Николая присоединены области *Нахеччванская* и *Эриванская* съ горою *Араратомъ*, второю колыбелью человѣческаго рода....

Дошла ли святая Русь-Москва до своихъ столповъ Геркулесовыхъ, на которыхъ преданіе читало: Nec plus ultra? Исторія отвѣчать не смѣетъ. Сердце Царево въ руцѣ Божіей.

О МѢСТНИЧЕСТВѢ.

Статья первая.

1838.

О МѢСТНИЧЕСТВѢ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Читана въ Московскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ Октября 18, 1838.

Къ числу любопытныхъ явленій и вмѣстѣ мудреныхъ задачъ въ нашей средней Исторіи принадлежитъ *Мѣстничество*, такъ называемое право старшинства на службѣ, учрежденіе, которое вполнѣ заслуживаетъ вниманіе: ничего подобнаго не представляетъ намъ Исторія Европейская. Въ Мѣстничествѣ выразился характеръ Русскій подъ печатію Востока, и оно такъ глубоко укоренено было въ образѣ мыслей, что всякій заслуженный Бояринъ, на старости лѣтъ, былъ готовѣе идти подъ кнутъ, чѣмъ подъ начальство своего товарища, котораго отецъ или дѣдъ былъ ниже его отца или дѣда; лучше хотѣлъ подвергнуться опалѣ, ссылкѣ, чѣмъ сѣсть рядомъ съ хужероднымъ по его счету товарищемъ. Вотъ въ чемъ полагаема была честь, по какому-то общему священному вѣрованію.

Припомнимъ, что и въ прочей Европѣ былъ вѣкъ, въ которомъ чувство и понятіе чести преобладало надъ прочими. Нельзя не замѣтить соотвѣтствія ему въ нашемъ Мѣстничествѣ, которое впрочемъ казалось только до службы, до общественныхъ званій, и рѣшалось не дуелями, а Царскими приговорами. (Какъ любопытно, скажемъ мимоходомъ, слѣдить эту параллельность, аналогію явленій Европейскихъ, съ Русскими, при всемъ различіи ихъ формъ)!

Общество наше, лишась возможности издавать лѣтописи и другіе древніе памятники, собранные въ Археографическую коммиссію, оказываетъ важную услугу Исторіи изданіемъ подлинныхъ дѣлъ мѣстническихъ, собранныхъ Г. Ивановымъ, — и я намѣренъ по этому поводу предложить здѣсь нѣсколько замѣчаній проблематическихъ объ этомъ учрежденіи, оставляя подробнѣйшее разсужденіе до другаго времени, то есть, до того, какъ я дойду къ нему въ порядкѣ моихъ изслѣдованій.

Всѣ наши Историки относятъ единогласно происхожденіе Мѣстничества ко времени Великаго Князя Іоанна III Васильевича. Карамзинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ первой случай:[1] «Между тѣмъ Іоаннъ прислалъ въ Дорогобужъ Князя Даніила Щеню съ Тверскою силою, велѣвъ ему предводительствовать *Большимъ* или главнымъ полкомъ, а Юрію За-

(1) Кар. VI. с. 229.

харьевичу *Сторожевымъ* или оберегательнымъ, къ досадѣ сего честолюбиваго Боярина, не хотѣвшаго зависѣть отъ Князя Данiила; но Государь далъ знать Юрiю, чтобы онъ не смѣлъ противиться волѣ Самодержца; что всякое мѣсто хорошо, гдѣ служить отечеству и Монарху; что предводитель Сторожеваго полку есть товарищъ главнаго Воеводы, и не долженъ обижаться саномъ.»

Въ разрядной книгѣ этотъ случай записанъ вотъ какъ: «Бояринъ Юрью Захар. писалъ къ Вел. Князю, что ему въ сторожевомъ полку быти не можно: *то мнѣ стеречи Князя Данила.* И Кн. Вел. къ нему приказалъ со К. Константиномъ Ушатымъ: *Гораздо ли такъ чинишь? Говоришь, тебѣ не пригоже стеречи Князя Данила: меня и моего дѣла? Каковы Воеводы въ Большомъ полку, тако чинятъ и въ Сторожевомъ: ино не соромъ тебѣ,*» и проч. Вел. К. приказалъ напомнить Юрiю, что знаменитый Бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ въ свое время не стыдился предводительствовать сторожевымъ полкомъ.

«Здѣсь видимъ», говоритъ Карамзинъ, «древнѣйшiй примѣръ такъ называемаго Мѣстничества.[1]»

Но неужели этотъ споръ, спросимъ мы, произошелъ случайно, отъ личной страсти, отъ столкновенiя обстоятельствъ?

Неужели Бояринъ Юрiй Захарьевичъ оскор-

---

(1) Кар. VI, пр. 489. Архивная Разрядая книга, л. 21.

бился своимъ мѣстомъ, въ отношеніи къ Князю Даніилу Щенѣ, безъ причины опредѣленной, по крайней мѣрѣ безъ законнаго, благовиднаго предлога? Неужели онъ началъ споръ такого рода, который былъ неизвѣстенъ прежде, выдумалъ новый, необыкновенный предметъ, подалъ примѣръ для потомства, которое стало только что подражать ему? Съ чего возродиться такому всеобщему подражанію!

Не можетъ быть. Этому спору, вѣрно, случилось только быть записану впервые, а прежніе пропали безъ вѣсти.[1]

Такъ должно было догадываться прежде, — и въ дѣлахъ, изданныхъ нынѣ, мы находимъ множество тому подтвержденій.

Вотъ случай гораздо древнѣе, сложнѣе и значительнѣе:

«А быти, Государь, меньше вмѣстно меня холопа твоего Юшка Пильемова дѣду Княжъ Ѳедорову, Князю Ивану Васильевичу Лыкову, потому что лѣта 6986 (1477).... Князь Великій Иванъ Васильевичь всея Руси.... разрядилъ полки, и велѣлъ быти Воеводамъ по полкамъ:

Въ лѣвой рукѣ первой Бояринъ и Воевода прапрадѣдъ мой Юшковъ, Семенъ Пешекъ Ѳедоровичъ Сабуровъ; въ передовомъ полку Бояре

(1) Карамзинъ, впрочемъ, выразился по обыкновенію, очень осторожно: вотъ *древнѣйшій примѣръ* сказалъ онъ, слѣд. неотвергалъ Мѣстничества прежде.

и Воеводы Князь Данило Дмитріевичъ Холмской, да Өедоръ Даниловичь Хромово, да Князь Иванъ Стрига Васильевичь Оболенской.

А тотъ, Государь, розрядъ поданъ для того что прапрадѣдъ мой родной Бояринъ Иванъ Өедоровичъ Сабуровъ больши брата своего родново Боярина Данила Өедоровича, а Данило Өедоровичъ больши брата своево родново Боярина Василья Өедоровича Сабурова, а Василей Өедоровичъ больши брата своево родново Боярина Семена Пѣшка Өедоровича Сабурова; а Семенъ Пѣшокъ Өедоровичъ Сабуровъ больши былъ семью мѣсты Боярина Князя Ивана Стриги Васильевича Оболенсково, а Князь Иванъ Стрига больши брата своево родново Боярина Князя Олександра Васильевича, а Князь Олександръ Васильевичъ больши брата своево родново Боярина Князя Ерослава Васильевича, а Князь Ерославъ больши брата своево родново Боярина Князя Петра Нагова Васильевича Оболенсково, а Князь Петръ Нагой ровенъ брату своему двоюродному, глазъ вглазъ, Князю Ивану Лыку Володимеровичу Оболенскому, родному прапрадѣду Княжъ Өедорову Лыкову.

По той статьѣ прапрадѣдъ мой родной Бояринъ Иванъ Өедоровичъ Сабуровъ больши былъ тринадцатьма мѣсты родново прапрадѣда Княжъ Өедорова, Князя Ивана Лыка Вододимеровича Оболенсково.

Да и потому, Государь, меньши быти вмѣстно меня холопа твоево Юшка Пильемова дѣду

Княжъ Өедорову Князю Ивану Васильевичу Лыкову, что лѣта 6987 (1478) Сентября на Вяткѣ стояли Бояре и Воеводы, прапрадѣдъ мой Бояринъ Василей Өедоровичъ Сабуровъ, да Василей Образецъ Өедоровичъ Симской

А лѣта 6986 (1478) во взятье Ноугородцкое Воеводы были по полкомъ: въ большомъ полку Бояринъ и Воевода Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, да Бояринъ и Воевода Василей Образецъ Өедоровичъ Симской; въ передовомъ полку Бояринъ и Воевода Князь Данило Дмитріевичь Холмской, да Бояринъ и Воевода Өедоръ Давидовичъ Хромово-Свибловъ, да Бояринъ и Воевода Князь Иванъ Стрига Васильевичъ Оболенской.

А тотъ, Государь, розрядъ поданъ для тово, што прапрадѣдъ мой родной Бояринъ Иванъ Өедоровичъ Сабуровъ больши брата своего родново Боярина Данила Өедоровича, а Данило Өедоровичъ больши брата своево родново Боярина Василья Өедоровича Сабурова, а Василей Өедоровичъ больши былъ Боярина Василья Образца Өедоровича Симсково, а Василей Образецъ больши былъ двемя мѣсты Боярина Өедора Давидовича Хромово-Свиблова, а Өедоръ Давидовичъ больши былъ четырмя мѣсты Боярина Князя Ивана Стриги Васильевича Оболенсково, а Князь Иванъ Стрига больши брата своево родново Боярина Князя Олександра Васильевича, а Князь Олександро Васильевичъ больши брата своево родново Боярина Князя Ерослава Василеевича, а Князь Ерославъ боль-

ши брата своего родново Боярина Князя Петра Нагово Васильевича Оболенсково, а Князь Петръ Нагой ровенъ брату своему двоюродному глазъ вглазъ, Князю Ивану Лыку Володимеровичю Оболенскому, родному прапрадѣду Княжъ Ѳедорову Лыкову.

А по той, Государь, статьѣ прапрадѣдъ мой родной Юшковъ Бояринъ Иванъ Ѳедоровичъ Сабуровъ больши былъ двенадцатьма мѣсты прапрадѣда родново, Князя Ивана Лыка Володимеровича Оболенсково. [1]

Эти случаи, какъ видятъ читатели, относятся къ 1477 и 1478 годамъ, то есть къ началу, первому пятнадцатилѣтію княженія Іоаннова, слѣдовательно они старѣе древнѣйшаго извѣстнаго доселѣ примѣра почти двадцатью пятью годами.

Кромѣ относительной древности эти случаи особенно важны потому, что показываютъ намъ старшинство, счетъ, между сорока почти лицами, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ 1500 года мы видѣли только двухъ.

На прежніе свои вопросы, по поводу спора Боярина Юрья Захарьевича съ Княземъ Даніиломъ Щенею, я могу сказать теперь гораздо рѣшительнѣе: споры о мѣстахъ при Іоаннѣ III и его преемникахъ произошли не случайно, а имѣютъ отношеніе къ какому нибудь коренному обычаю, шедшему изъ рода въ родъ, принадлежавшему къ общему образу мыслей, глубоко

(1) Рус. Ист. Сборникъ, т. II, с. 215.

напечатлѣнному въ общемъ сознаніи, — праву, котораго источникъ, основаніе, какъ нибудь отъ насъ теперь скрывается. Сорокъ человѣкъ не могли соблюдать старшинства между собою, быть больше и меньше другъ друга, ровны другъ съ другомъ, иначе, какъ вслѣдствіе обще-извѣстнаго, обще-принятаго права.

Кромѣ этого случая укажу здѣсь еще на другіе, кои также древнѣе 1500 года, а именно на случай 1493 г. [1] 1495, [2] 1496, [3] 1502, [4] 1503 [5].

И такъ гдѣ же было начало Мѣстничеству? А начаться изъ ничего оно не могло.

Мѣстничество было Московскимъ продолженіемъ Удѣльной системы, точно какъ во всей Европѣ изъ феодализма образовалась преимущественно придворная аристократія.

Удѣльные Князья, потерявъ, уступивъ свои Княжества, вступивъ во дворъ Московскаго Князя, принесли свои взаимныя отношенія и свои понятія о старшинствѣ, согласныя впрочемъ или одинакія, что касается до родства, съ понятіями знатнѣйшихъ родовъ какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи.

Въ чемъ же могли обнаружиться, выразиться сіи понятія и отношенія?

Разумѣется не въ томъ, въ чемъ выражались онѣ прежде, не въ землѣ, не въ владѣніи тѣмъ или другимъ бо́льшимъ или ме́ньшимъ городомъ, (потому что обстоятельства измѣнились, и зем-

---

(1) С. 287, 288. — (2) с. 274.—(3) с. 289.—(4) с. 290, 291.— 5) с. 287.

ли, городовъ, они уже не имѣли), — а въ значеніи при Дворѣ, у новаго своего Государя, участіи въ управленіи, то есть въ мѣстахъ правительственныхъ, военачальственныхъ, придворныхъ.

Эти мѣста, съ сопряженною службою, сдѣлались въ нѣкоторомъ смыслѣ родовыми наслѣдствами, какъ будто прежнія Княжества.

Не принеслиль они даже своихъ городовъ именно съ правомъ занимать при Дворѣ такое-то мѣсто, и обязанностію отправлять такую-то службу, удерживая свои доходы съ тѣхъ то городовъ. (Сравни Служилые Князья). Первые Князья вымирали; и ихъ города, а по этому примѣру и другіе, были отдаваемы послѣ домашнимъ Боярамъ съ подобными правами и обязанностями, (ср. кормовыя грамоты), и стали узломъ соединенія между Удѣльною Системою и Мѣстничествомъ. (Срав. послѣ имена городовъ въ почетныхъ титлахъ Бояръ: Намѣстникъ Псковскій, Калужскій, и проч.)

Мѣстничество слѣдовательно есть Удѣльная Система, приложенная, вмѣсто городовъ, къ мѣстамъ служебнымъ, къ службѣ, — Удѣльная Система, принявшая по необходимости эту новую впрочемъ, готовую форму, службу, когда изъ удѣльныхъ Княжествъ составилось единое Государство. Споры о мѣстахъ—тѣже удѣльныя войны, только безъ кровопролитія.

Сравните языкъ Мѣстничества и языкъ Удѣльной Системы — какъ они похожи между собою,

какъ объясняютъ, кажется, другъ друга! какъ легко переводить по аналогіи съ одного языка на другой?

«Азъ есьмь меньши тебе,» говоритъ Мстиславъ Владиміровичь дядѣ Олегу Святославичу. [1]

Иванъ Васильевичь Грозный говоритъ въ письмѣ къ Курбскому о своемъ двоюродномъ братѣ К. Владимирѣ Андреевичѣ: «можно ли ему быть на престолѣ; онъ отъ четвертаго удѣльнаго родился. [2]»

Князь Лыковъ поссорился съ Княземъ Пожарскимъ. Пожарскій доказывалъ свое преимущество надъ Лыковымъ разрядами (службою, чинами,) Князей Стародубскихъ и Ряполовскихъ, отъ которыхъ онъ происходитъ, и которые были выше Князей Оболенскихъ, отъ которыхъ происходитъ Лыковъ. Лыковъ возразилъ: нечего Пожарскому опираться на Стародубскихъ и Ряполовскихъ, — ему должно говорить о своихъ ближнихъ родителяхъ, Пожарскихъ Князьяхъ: «въ многихъ родѣхъ то есть, что объ большова брата колѣно пойдетъ, а въ разрядѣхъ малы и худы будутъ, а отъ меньшова брата колѣно пойдетъ, а въ разрядѣ велики живутъ, и тѣ худые съ добрыми по родословцу лѣсвицею не тяжутся, а тяжутца по случаѣмъ розряды.»

Или: «Пожарскіе Князья съ Палецкими въ

---

(1) Несторъ по Кенигс. сп. с. 148. — (2) Кар. IX, пр. 472.

родствѣ лѣсвицею не считывались, потому что разошлись отъ прапрородителей далече [1].

N. N. послѣ тово много истерялъ [2], и проч.

Приложимъ эти выраженія къ удѣламъ.

Полоцкимъ, Пинскимъ, Галицкимъ Князьямъ недоставалось никогда Кіевскаго Княжества по такой же причинѣ: они не могли указывать на Владимира Святаго, или Владимира Ярославича, или Святополка Изяславича, потому что послѣ нихъ *разошлися далече*, *растеряли много*, *худы стали*, (потеряли право по какой нибудь давности, и тому под.). Они могли тягаться только ближайщими предками, а ближніе предки ихъ княжили въ Полоцкѣ, Пинскѣ, Галичѣ.

Я увѣренъ, что Мѣстничество объяснитъ намъ много самую Удѣльную Систему, (о которой осталось менѣе прямыхъ свидѣтельствъ этого рода), ибо настоящая Исторія также должна объяснять прошедшую, какъ и прошедшая настоящую.

Чѣмъ ближе къ Удѣламъ, тѣмъ воспоминаніе было живѣе, узы родства тѣснѣе, право яснѣе. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ бо́льшимъ продолженіемъ родовъ, они начали запутываться, осложняться болѣе и болѣе, и затруднять Правительство. Цари произносили иногда свое повелительное *быти безъ мѣстъ*, (умная, удачная мѣра, доказывающая изобрѣтательность древняго Пра-

(1) Рус. Ист. Сборникъ, с. 297.— (2) с. 22.

вительства, и вмѣстѣ толковитость народа, который не сѣтовалъ на нее!) но такая мѣра бывала всегда временною, споры возобновлялись, и трудовъ, заботъ, Правительству было много.

Наконецъ Мѣстничество, доведенное до крайности, хотя и естественнымъ путемъ, показало, подобно рыцарству, свою смѣшную сторону, нелѣпость, предметъ для Сервантесова романа, когда предъ выступленіемъ въ походъ надо было считаться двухсотлѣтними службами тысячелѣтнихъ родовъ.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичь, (нельзя сказать на вѣрное по чьему совѣту, ибо самъ онъ по кротости, и слабости своего характера, едва ли могъ придумать, и рѣшиться на такую великую, отважную, государственную мѣру), нарядилъ комиссію объ уничтоженіи Мѣстничества, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго Князя Василья Васильевича Голицына.

Комиссія единогласно положила сжечь всѣ Разрядныя книги, и представила подробное весьма любопытное соборное уложеніе о Мѣстничествѣ, которое Ѳедоръ утвердилъ подписавъ: «Божіею милостію, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, во утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе, моею рукою подписалъ.» (Удивительная подпись, коею имѣетъ полное право гордиться Русская Исторія семнадцатаго вѣка.)

Впрочемъ книги сгорѣли; но мысли, чувства, понятія не горятъ. Такія вѣковыя, историчеекія учрежденія, хранимыя въ духѣ народа, не могутъ никогда пропадать, уничтожаться, какъ и при самомъ началѣ не сочиняются, — а развѣ только измѣняться, исправляться, совершенствоваться, развиваться съ теченіемъ времени, успѣхомъ гражданскихъ обществъ и ходомъ образованія,

Корень Мѣстничества все еще держался въ сердцахъ заслуженныхъ родовъ.

Мѣстничество уничтожено de jure, но продолжалось de facto, хотя и весьма ограниченное.

Петръ Первый, начавъ служить барабанщикомъ и простымъ солдатомъ, подъ начальствомъ безродныхъ иностранныхъ офицеровъ, показалъ примѣръ иной службы, а съ другой стороны, заставляя знатныхъ Бояръ, въ богатыхъ одеждахъ, составлять торжественные поѣзды, на свадьбахъ у своихъ шутовъ, нанесъ Мѣстничеству рѣшительной ударъ, по крайней мѣрѣ со внѣшней стороны.

Чѣмъ же замѣнилъ онъ Мѣстничество?

Табелью о рангахъ. Табель о рангахъ — вотъ было его новое постановленіе о службѣ, (удивительная судьба!), учрежденіе, болѣе развитое, болѣе опредѣленное, усовершенствованное, примѣненное къ положенію дѣлъ своего времени, съ новою пользою и безъ стараго вреда, слѣдовательно имѣющее сходство, но еще болѣе различій:

Табель о рангахъ допускаетъ или лучше приглашаетъ къ службѣ, самой высшей, всѣ сословія, между тѣмъ какъ Мѣстничество относилось только къ высшимъ родамъ.

Въ Мѣстничествѣ чины были подвижные. Табелью о рангахъ они установились.

Мѣстничество было правомъ наслѣдственной родовой службы. Табель о рангахъ опредѣляетъ право личной службы, которая впрочемъ, сообщая дворянство роду, дѣлается источникомъ и наслѣдственныхъ особливыхъ правъ, болѣе для жизни гражданской, чѣмъ для службы.

Табель о рангахъ такъ относится къ Мѣстничеству, если можно употребить здѣсь геометрическую пропорцію, какъ Мѣстничество относилось къ Удѣльной системѣ, а Удѣльная система къ древнему семейственному праву.

Табелью о рангахъ личное старшинство, собственная служба, заняли мѣсто прежняго отечества и мѣстничества, службы отцовской и родовой.

Дѣла по старшинству несравненно виднѣе и яснѣе дѣлъ по Мѣстничеству, какъ тѣ, производимыя въ одномъ мѣстѣ, въ Москвѣ, были яснѣе, легче дѣлъ удѣльныхъ разсѣянныхъ по всей Россіи, и рѣшавшихся на полѣ битвы, въ періодъ междоусобныхъ войнъ. Капитанъ не можетъ быть подъ командою Поручика, какъ прежде сынъ Воеводы большаго полка не хотѣлъ начальствовать сторожевымъ полкомъ, или сынъ Кіевскаго Князя требовалъ себѣ поочереди Кіе-

ва, а не довольствовался Черниговымъ. Полковникъ выходитъ въ отставку, когда ему пришлется на голову Подполковникъ. Быть обойдену значитъ быть унижену.

Здѣсь вездѣ одно и тоже понятіе въ основаніи, разныя измѣненія только въ формахъ, измѣненія впрочемъ столь важныя и великія, что внутреннее тожество теряется почти совсѣмъ изъ виду.

Скажутъ: Табель о рангахъ заимствована у такаго-то народа. Правда—но введена у насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ была у того народа. Въ этомъ-то измѣненіи, передѣлкѣ, и заключается Русское начало, которое можно назвать развитіемъ, исправленіемъ Мѣстничества.

Табель о рангахъ жила слишкомъ сто лѣтъ, и разумѣется устарѣла, обвѣтшала, и вотъ новое постановленіе о классахъ, которое не уничтожаетъ ея, но освѣжаетъ,—дальнѣйшая степень развитія.

Различіе de jure et de facto имѣетъ вездѣ мѣсто.

Въ дополненіе къ этому замѣчанію о Мѣстничествѣ, его предкахъ и потомкахъ, можно сказать, что оно разпространено по всему народу, и выражается во многихъ обычаяхъ средняго состоянія, купечества и крестьянства.

Вотъ, Милостивые Государи, краткія мои замѣчанія о Мѣстничествѣ, кои я предлагаю здѣсь предварительно, только по поводу дѣлъ, изданныхъ Обществомъ, предвидя при ихъ чтеніи

восклицанія изъ общихъ мѣстъ противъ Мѣстничества. Я желалъ болѣе всего утвердить, что это учрежденіе не есть случай, экспромтъ, что оно никогда не сочинялось, не выдумывалось, и не уничтожалось, а что оно течетъ въ крови Русскаго народа, естественное произведеніе его первоначальной Исторіи, которое, по порядку времени, проходитъ разныя степени, развивается и усовершенствуется; однимъ словомъ живетъ, какъ всѣ подобныя историческія учрежденія въ Россіи, въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ,—слѣдовательно отнюдь не должно быть осуждаемо ни на какой степени своего необходимаго развитія.

Чтобъ объяснить со временемъ Мѣстничество вполнѣ, нужно издать:

Сводную Разрядную книгу,

Родословныя таблицы древнихъ родовъ,

Гіерархію должностей и порученій, или адресъ календарь за древнее время, сперва—безъ именъ, статистическій,

А потомъ и съ именами, историческій.

Все это возможно и не мудрено. Въ изданной нами книгѣ есть уже довольно матеріаловъ, какъ я постараюсь въ слѣдующее наше собраніе показать для молодыхъ работниковъ на поприщѣ Исторіи.

О МѢСТНИЧЕСТВѢ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Дѣла по Мѣстничеству, изданныя Обществомъ, однообразны, скучны, бѣдны своимъ содержаніемъ, заключая въ себѣ однѣ адресъ-календарныя, или, говоря языкомъ того времени, разрядныя назначенія, но иногда челобитчики и истцы заранивають нечаянно дорогія слова, кои подаютъ понятіе о бытѣ нашихъ предковъ, объясняютъ ихъ отношенія, семейныя и гражданскія, дополняютъ Исторію. Надо только имѣть терпѣніе, чтобъ отъискивать сіи рѣдкія слова, сводить ихъ, повѣрять другими документами и произшествіями. На первой случай я предлагаю здѣсь почтеннѣйшимъ Членамъ нѣкоторыя заключенія, выведенныя мною изъ нашего изданія, въ дополненіе къ первой статьѣ.

Государственныя должности, впродолженіи средней нашей Исторіи, были одна другой выше, больше, по извѣстному порядку, который составлялъ табель о рангахъ того времени. Большинство это

имѣло разныя степени. (Первый элементъ мѣстничества.)

Степень, мѣра, единица, этого большинства, называлась мѣстомъ (*), *слѣдовательно слово* мѣсто *имѣло тогда значеніе, котораго не имѣетъ теперь.*

Предлагаемъ изъ дѣлъ слова, доказывающія это положеніе:

Въ сторожевомъ полку первый Воевода больше въ большемъ полку другаго Воеводы мѣстомъ, а передоваго полку и сторожеваго пол. другихъ Воеводъ больше двумя мѣсты.

Въ лѣвой рукѣ первой Воевода въ большомъ полку другаго Воеводы больше мѣстомъ, а правой руки другаго Воеводы б. двумя мѣсты, а передоваго и сторожеваго полка другихъ Воеводъ больше тремя мѣсты, а лѣвой руки другова Воеводы больше 4 мѣсты [1].

Передовой и сторожевой полки живутъ безъ мѣстъ [2], т. е. одинъ въ отношеніи къ другому?

И такъ 1, первой Воевода въ большемъ полку.
2, 2, — — — — сторож. и передов. п.
3, въ лѣвой рукѣ.
4, въ правой.
5, другой Воевода въ б. полку.

---

(1) Рус. Ист. Сборн. ч. II, с. 340.—(2) с. 299.—(3) с. 51.

(4) См. ниже. Это значеніе осталось въ нашемъ языкѣ только въ производныхъ словахъ *совмѣстничество, совмѣстникъ, совмѣстничать=сопери.*

6, другой Воевода въ с. и п. полку,
7, другой В. въ правой р.
8, другой В. въ лѣвой р.

Иванъ Чеботовъ больши Дмитрія Плещеева, потому что И. Ч. въ первомъ отпуску первый Окольничій, а Д. П. въ другомъ отпуску другой Окольничій (с. 346).

Въ Государевыхъ разрядахъ Городничій не живетъ мѣстникъ въ отечествѣ пятому и шестому Воеводѣ меньшему, не токмо что другому или третьему Воеводѣ, потому что Городничіе всегда бываютъ предъ Воеводами обычные (меньшіе?) люди отечествомъ, а въ отечествѣ съ Воеводами не мѣстничаются (331).

Отецъ мой, говорилъ Юрій Пильемовъ, посланъ въ Смоленскъ въ Городничіе въ Государевѣ опалѣ.

А въ Полоцкѣ были Городничіе, и на нихъ и Воеводы подъ руку глядѣли.

А иные большіе роды были и въ городовыхъ Прикащикахъ, а нынѣ тѣже роды и въ Бояpахъ.

У другаго саадака быть ниже чѣмъ у копья (35).

1 у большаго саадака.
2 у другаго саадака.
3 у меньшаго саадака.
4 у рогатины.

Впрочемъ отвѣтчикъ сказалъ, что «въ томъ разрядѣ меньшинства не бываетъ. Въ томъ воленъ Богъ да Государь, во что ни поставитъ» (159).

Между 2 и 3 саадакомъ сулица (357).
Головамъ мало и мѣста живутъ (239).

Объѣзжіе Головы меньше всѣхъ меньшихъ Головъ (288).

Ямскіе стройщики.

Князь Михайла Гвоздевъ больше Князь Ивана Дѣева пятью мѣсты, потому что которой ѣздитъ беречь отъ Неглинной до Чертольскихъ воротъ, больше того, кто ѣздитъ за городомъ, а тотъ того меньше, кто ѣздитъ отъ Яузкихъ воротъ по Неглинную, а тотъ меньше того, кой ѣздитъ въ Китаѣ городѣ; а кто ѣздитъ въ Китаѣ, тотъ меньше того, кой ѣздитъ въ большемъ городѣ (354). За Явузою со 107 году хто ни ѣздитъ, тотъ всѣхъ меньши Объѣзжихъ Головъ (354).

ПротивъТатаръслужба считаласьнизкою(118).

Служба съ Москвы выше службы съ городовъ (391).

Писалъ Семенъ Олѳерьевъ, что велено ему быть въ Монастырскомъ, а въ Черниговѣ воеводы К. Туренинъ и Измаиловъ, и ему въ Черниговъ къ Измайлову писать не вмѣстно, что Монастыревской Черниговскій пригородъ (209). (Рѣшено писать къ одному Туренину).

Князю Ѳедору Лыкову велѣно быть въ Переславлѣ Рязанскомъ, а Юрью Пильемову въ Шацкѣ, и потомъ идти на сходъ къ Л. Лыкову. Пильемовъ подалъ просьбу, считая для себя оскорбительнымъ идти на сходъ въ К. Лыкову.

А Ондрей Волынскій билъ челомъ Государю на Михайла Бутурлина, что Михайлу Б. велѣно быти въ Переславлѣ Залѣсскомъ, а ему Андрею на Михайловѣ: и ему меньши Михаила Б. быти не мочно (396).

Имена въ надписяхъ грамотъ ставились по старшинству.

Мѣста за Царскимъ столомъ были по старшинству, (378).

***Окольничій* К. Данило Долгорукій билъ челомъ на *Боярина* Ѳ. И. Шереметева (378).**

Всякое назначеніе, на которомъ основывалось впослѣдствіи право, называлось *случаемъ.*

Какъ въ Государственной службѣ, такъ и во всякомъ родѣ, между его членами, отъ родоначальника, считалось большинство по лѣствицѣ (305), т. е. по низходящей линіи. (Вторый элементъ Мѣстничества).

Мѣра этого большинства, единица, таже=мѣсто.

Приведемъ свидѣтельства:

А Бояринъ Князь Андрей Сицкой меньше отца своего семью мѣсты, потому что онъ у отца своего пятый (384).

К. Василій Голицынъ меньше отца своего (второй сынъ) четырмя мѣсты.

Бояринъ Ѳедоръ Ив. Шереметевъ меньши отца своего Бояр. Ив. Вас. тремя мѣсты (384).

Князь Иванъ Гвоздевъ Князю Михаилу, что отецъ, больше четырьмя мѣсты (374).

И всякой сынъ отъ отца своего четвертое мѣсто (365)

К. Михаило Шугрея больше мѣстомъ К. Тимоѳея Долгорукаго, большаго Княжь Григорьева брата, а К. Григорья четырьмя мѣсты (145).

Игнатій Колычовъ *не малъ* въ своемъ родствѣ Ивану Кол. (113).

Князь Вас. Гвоздевъ дядѣ своему Кн. Мих. *ровенъ* (130).

Кн. Дмитрій Елецкой, мнѣ, Ивану Елецкому меньшой братъ, меньши меня тремя мѣсты (120).

А больши Иванъ Игнатья Кобякова тремя мѣсты (201).

Иванъ Сабуровъ больши брата своего Данила, а Д. больше брата своего роднаго В, а В. больши б. с. р. Семена , а С. больши былъ семью мѣсты Князя Ивана Оболенскаго, а И. больши брата св. р. К. Александра, а А. Ярослава, а Я. Петра , а К. Петръ ровенъ К. Ивану Лыку. — Слѣд. Иванъ Саб. былъ больши 13 мѣстами К. Ивана Лыка (215).

Слѣд. братъ брата (ближайшіе) былъ выше мѣстомъ по старшинству.

К. Петръ Нагой ровенъ брату своему двоюродному (251)

Ѳедоръ Сабуровъ больши брата своего двоюроднаго Замятни 11 мѣсты (218). Онъ же боль-

ши 7 мѣсты брата своего двоюроднаго Андрея (219).

А тотъ дядя мой Семенъ Сабуровъ въ родствѣ у насъ малъ, къ чужему роду, (?) мнѣ (Юрью Пильемову) въ версту (252).

А дядя мой К. Семенъ Палецкой въ родѣ нашемъ меньше меня (Князя Д. Пожарскаго) тремя мѣсты (275).

А дядя мой К. Андрей Стригинъ въ роду нашемъ таковъ, что я, (Князь Д. Пожарскій). (277).

О К. Татевѣ также (278).

Сколь далеко Александръ.... по мѣстомъ въ родствѣ Ивану? (57)

Дѣдъ мой К. Дмит. Палецкой въ роду нашемъ меньше отца моего К. Михаила Пожарскаго 3 мѣсты (284).

А братъ мой К. Вас. Кривоборовскій меньше меня, (К. Дмитрій П.), пятью мѣсты (285).

К. Давидъ Палецкой въ родствѣ своемъ въ лѣствицѣ меньше племянника своего двоюроднаго К. Андрея Палецкаго двѣма мѣста (293).

А дѣдъ его Княжъ Дмитріевъ, К. Давидъ Палецкой, въ роду своемъ меньше его К. Дмитрія осьмью мѣсты (293).

И по тѣмъ случаямъ Князю Д. Пожарскому мочно ли больше быть дѣда своего роднаго? (301).

К. Иванъ Лыковъ въ родствѣ дѣду моему К. Юрью Лыкову дядя, а въ лѣствицѣ дѣду моему ровенъ (305)

Князю Борисову дѣду недостало до К. Ивана Стригина, не только что отцу (316).

К. Иванъ Лыковъ въ нашемъ роду отцу моему К. Михаилу Юрьеву братъ, а въ лѣствицѣ ровенъ (315).

Не токмо что К. Иванъ Кашинъ больше Кн. Дмитрія Палецкаго, но и сынъ его больше многими мѣстами (297).

Коли дѣдъ его Княжъ Дмитревъ, Князь Ѳедоръ, меньше меня Бориса Лыкова 3 мѣсты, а ему Князю Дмитрію мочно ли быти больше дѣда своего Князя Ѳедора хотя однимъ мѣстомъ (334).

Мнѣ не вмѣстно меньше быти не токмо К. Ѳедора, ниже Княжъ Ѳедорова дѣда (214).

Князь Ѳ. Кривоборскій въ роду у насъ малъ (341). Дѣду не достало, не только что отцу (307).

По родству въ лѣстницѣ Князь Иванъ К. Михаилу Темкину племянникъ, а больше дяди своего К. Михаила по лѣствицѣ 6 мѣсты (361).

Былъ К. Михайло Гвоздевъ великъ по родству Князю Михаилу Темкину, что отецъ, а по разряду меньше сталъ, что сынъ (362).

Племянникъ больше дяди 6 мѣстами по лѣствицѣ (361).

Два лица въ одномъ родѣ могли быть ровны (60).

К. Дмитріемъ Пріимковымъ язъ не хочу быть ни малъ ни великъ, говоритъ К. Даніилъ Пріим-

ковъ: мнѣ малъ Княжъ Дмитріевъ отецъ, К. Михаило Пріимковъ, отцу моему четвертой братъ (83), т. е. дядя четвертый ниже племянника.

Невмѣстно ему меньше быть К. Василья Тюфякина, потому ровенъ онъ въ отечествѣ Княжъ Васильеву Тюфякина отцу (102).

К. Иванъ Щербатой въ своемъ роду больше К. Меркура двумя мѣсты, а К. Меркурій въ своемъ роду больше К. Василья 3 мѣсты (90).

Причитаться лѣствицею далече (297).

Такіе то прежде не считывались, потому что разошлись отъ прародителей далече.

Явъ Гришка (Долгорукій) племянника своего К. Өедора больше въ своемъ родствѣ, а К. Вас. Гвоздевъ дядѣ своему К. Михайлу ровенъ.

Искали кто къ кому близокъ по родству К. Иванъ въ Шуйскихъ, и К. Василій въ Булгаковыхъ (59).

Въ своемъ роду въ лѣствицѣ = по генеалогическому древу (233, 305).

Родословныя хранились въ Разрядномъ Приказѣ (213).

Любопытно знать, что значитъ выраженіе — къ чужему роду? (252) какіе потомки считались малыми, непринадлежащими къ роду? (см. выше, с. 375).

Роды считали свою службу: то есть, обиженный приводилъ въ доказательство своего права службу своихъ предковъ, сравнительно съ службою предковъ своего соперника.

Эта родовая, отцовская, служба называлась отечествомъ, — *(отеческое наслѣдіе!)*

Избѣгая дяди своего худобы въ отечествѣ (325).

Не по своему отечеству (268).

Пособляя своей худобѣ и отечеству (295).

N. по родству мнѣ племянникъ, а по отечеству ровенъ (91), т. е. по отношеніямъ своимъ къ нашимъ общимъ предкамъ, ихъ службѣ, по праву своему на родовую службу, и проч.

Городничій не живетъ мѣстникъ въ отечествѣ 5 и 6 Воеводѣ меньшому (331).

Вотъ мѣста, объясняющія родовую службу, и показывающія, въ какомъ отношеніи роды могли быть между собою:

К. Дмитрій Пожарскій передъ Бояры, Княземъ М. П. Катыревымъ и проч. на судѣ говорилъ, и розряды подавалъ Стародубскихъ и Ряполовскихъ Князей, будто они больше бывали моихъ родителей Оболенскихъ Князей, (такъ говорилъ К. Борисъ Лыковъ), а самъ онъ Князь Дмитрій къ тѣмъ Стародубскимъ и Ряполовскимъ ко многимъ Князьямъ причиталъ отца своего Князя Михаила и себя по родословцу лѣсвицею, и ставилъ отца своего въ лѣсвицѣ больше многихъ Стародубскихъ и Ряполовскихъ Князей, а своихъ ближнихъ родителей Пожарскихъ Князей, дѣда своего роднаго Князя Ѳедора Третьякова-Пожар-

скаго, и прадѣда своего роднаго Князя Ивана Третьяка, и иныхъ Пожарскихъ Князей всѣхъ, которые бывали въ Городовыхъ Прикащикахъ и у иныхъ дѣлъ, за ихъ худобою ни въ какихъ случаяхъ не подавалъ, и потому, Государь, своему умыслу и по тѣмъ своимъ затѣйнымъ доводамъ, хочетъ больше быть всѣхъ Стародубскихъ и Ряполовскихъ Князей лѣсвицею, а по нихъ хочетъ больше быть и меня Бориска Лыкова, мимо всѣхъ ближнихъ родителей Пожарскихъ Князей, и не по розрядомъ. А то, Государь, во Княженецкихъ родѣхъ есть—въ Одуевскихъ и въ Воротынскихъ: отъ большаго брата отъ Князя Мстислава пошли Князи Звѣнигородскіе, а отъ меньшаго, Государь, брата отъ Князя Семена, пошли Воротынскіе да Одоевскіе, да во Ростовскихъ, Государь, Князѣхъ отъ большаго брата отъ Князя Ѳедора пошли Пріимковы Князи, да Бахтеяровы, а отъ меньшаго, Государь, брата, отъ Князя Константина, пошли Хохолковы, да Катыревы, да Буйносовы, и тѣ Государь, Звѣнигородскіе Князи, (произходящіе отъ старшаго брата Мстислава), въ своемъ роду по родословцу велики, (что значитъ это особое величіе?), а лѣствицею Воротынскихъ и Одоевскихъ Князей, (произходящихъ отъ меньшаго брата Семена), не безчестятъ, и въ судахъ ими нетяжутся [1], а тяжутся отече-

---

(1) Долго не понималъ я этого мѣста: въ *судахъ ими не тяжутся*. Звѣнигородскіе выше Воротынскихъ и Одоевскихъ, но не безчестятъ ихъ лѣствицею, т. е. не унижаютъ свои младшія линіи,—это понятно; но къ чему же говорить еще, что они не тягаются

ствомъ своимъ, ближними своими, Звенигородскими Князи, да разряды, и Воротынскими и Одуевскими не считаются (289).

Отъ большаго брата колѣно пойдетъ, а въ разрядахъ малы и худы будутъ, а отъ меншаго брата колѣно пойдетъ, а въ разрядѣ велики живутъ, и тѣ худые съ добрыми по родословцу лѣствицею не тяжутся, а тяжутся по случаемъ разряды (269).

И коли бъ то въ дѣло ставили, что кто отъ большаго брата пойдетъ, а въ разрядахъ потеряетъ, а отъ меньшаго брата въ разрядахъ найдутъ, и велики въ разрядахъ будутъ, и они бъ съ иными роды тѣмъ въ отечествѣ считались, а въ худобу бъ имъ того не ставили, а съ добрыми бы ихъ въ отечествѣ считали (361)....

Былъ Князь Мих. Гвоздевъ великъ по родству Князю М. Темкину, что отецъ, а по разряду сталъ.... что сынъ, а лѣствицею межъ себя въ

сими младшими линіями? Это само по себѣ разумѣется, думалъ я: что за выгода тягаться младшими! Наконецъ я догадался, что Звенигородскіе, старшіе родомъ, по службѣ пошли ниже; а Одоевскіе и Воротынскіе возвысились. Слѣд. это мѣсто должно растолковать вотъ какъ: Звенигородскіе Князья велики по своему произхожденію, но они не считаютъ себя выше Воротынскихъ и Одоевскихъ, возвысившихся службою; съ другой стороны не приписываютъ себѣ ихъ службы, при спорѣ съ другими родами, *въ судахъ ими не тяжутся*, а тягаются *только* своимъ отечествомъ, Звенигородскими Князьями, какъ они, великіе по происхожденію, ни малы своею службою. Это подтверждается и слѣдующимъ правиломъ.

отечествѣ не считаются, а считаются разряды въ отечествѣ, кому съ кѣмъ сошлось, да и чужими роды Гвоздевы Князи, К. Иванъ, и К. Михаило, лѣствицею тою ни какъ ни съ коими чужими роды въ отечествѣ не считаются, и родителей своихъ Ростовскихъ Князей тѣмъ не хулятъ (362), что они въ родствѣ своемъ больше Катыревыхъ и Темкиныхъ.

И по лѣствицѣ Князь Данилову отцу Пріимкова, да Князь Михаилову отцу Гвоздева, не достало до К. Буйносова, а не токмо что до Катырева или до Темкина, потому что исперва какъ отъ своихъ прародителей пошли, Катыревы да Темкины, больше Пріимковыхъ да Гвоздевыхъ (310).

А хотя бъ и правда была, что Пріимковы и Гвоздевы больше по лѣствицѣ Темкиныхъ и Буйносовыхъ, и я того не вѣдаю: нивисть они отечество свое въ вашихъ Государевыхъ разрядахъ Темкинымъ и Буйносовымъ продавали, и ни вись такъ проступались, потому что бывали меньши тѣхъ, кои съ Т. и съ Б. бывали меньши многими мѣстами (310).

А Ромодановскіе, Іосифовскіе, Палецкіе съ Пожарскими разошлися (294),

А К. Михаило Одоевскій и его братья меньшіе родные, господа наши (360).

Такіе то были мѣстники, т. е. ровны, а дѣти ихъ дѣтямъ мѣстники (219)

А родство наше съ ихъ родствомъ нигдѣ не бывало меньши ихъ, а ихъ.... родство съ на-

шимъ во многихъ мѣстѣхъ бывали въ меньшихъ (74).

Подалъ язъ ту память для того, гдѣ Ростовскіе бывали больше Оболенскихъ (80).

А Князь Долгорукій отвѣчалъ: язъ за Об. не отвѣчаю, а тѣ Ростовскіе и Оболенскіе обоимъ намъ велики.

Каковы Оболенскіе съ Полевыми (107).

Съ Татевыми съ меньшими Щербатые большіе бывали въ меньшихъ вездѣ (107).

И не въ нашу версту (не намъ чета) живутъ съ Татары: *Воротынскіе* (вотъ кто) были съ Татары.

А Денисьевымъ больши Измайловыхъ быть не доведется: Денисьевы меньше ихъ родства Измайловыхъ (171).

Да только они Измайловы по своему отечеству больши разрядомъ (?) Ивана Полева (176).

Ихъ же родства Измайловыхъ. Ихъ, да разошлися далече.

Только намъ Лыковымъ въ нашемъ роду Князь Василій Туренинъ не великъ; намъ даже Ростовскіе не страшны (260).

И по тѣмъ случаемъ, что достало до насъ Хворостинину (262).

Ему Государю наше отечество съ Гвоздевыми извѣстно (374).

Въ тѣхъ случаяхъ до нашего рода не достало (266).

Хотя кто и постарѣе К. Василья въ Щербатыхъ, и на немъ и тотъ безчестья не найдетъ, (106).

При всякомъ назначенiи Государемъ на службѣ, (случаѣ, разрядѣ), *строго соблюдалось, чтобъ назначенныя лица находились въ такихъ отношенiяхъ между собою, по чиноначалiю, въ какомъ бывали ихъ предки, по крайней мѣрѣ не ниже.*

Въ этомъ состояло ихъ право, которое при нарушенiи они могли предъявлять и просить суда, счета, *отъ чего и происходящiя отсюда дѣла назывались* счетными.

Доказательство тому, что они имѣли право *искать суда, мы видимъ уже въ томъ, что судъ не давался въ наказанiе, за вину.*

Мѣстничество относилось въ особенности къ высшимъ должностямъ, слѣдовательно происхожденiе такъ сказать предполагалось, а все дѣло было въ службѣ.

Происхожденiе всегда уступало службѣ: потомство большаго брата должно было уступать потомству меньшаго брата, если сiе послѣднее занимало высшiя должности: худые съ добрыми по родословцу лѣствицею не тяжутся, а тяжутся случаями и разрядами.

Право рода могло уменьшаться, равно какъ и право лица. Пильмовъ гордился, что ему и въ опалѣ невелѣно было быть меньше такого-то

(260). *Впрочемъ низкая служба была оскорбительна, наиболѣе по сравненію съ другими лицами.*

N. N. послѣ того много истерялъ, т. е. лишился многихъ правъ своихъ, занимая мѣста меньшіе въ сравненіи съ другими (22, 58).

Андрей Измайловъ въ разрядахъ перемѣнился; былъ и меньше К. Петра Волконскаго (159).

И по вашему Государеву Царскому уложенью, кто отъ васъ Государей уѣзжалъ въ удѣлъ, ино имъ и въ своемъ роду счету вы не давывали, кому они въ версту (286).

Степени большинства: Иванъ больше Петра мѣстомъ (27), пятью (287), шестью (279, 281, 311, 313, 320), семью (285), десятью (277, 282, 283, 320), двадцатью (218), т. е. Иванъ больше Петра въ двое, въ трое, въ четверо, въ двадцать разъ. По этой статьѣ отецъ мой былъ больше одинадцатью мѣстами дѣда Ѳедорова двоюроднаго и Борисова роднаго.

Равенство выражалось словами: вверсту, глазъ въ глазъ (252).

Право это не было что либо собственное, личное, неотъемлемое, а случайное, относительное, которое обнаруживалось только на службѣ, въ коллизіи (стычкѣ) *одного лица съ другими, и даже родовъ между собою.*

Большинство измѣнялось при всякомъ случаѣ, смотря по числу лицъ и качеству должностей. Въ этомъ случаѣ Иванъ былъ больше Петра впятеро, а въ томъ вдесятеро, и тому под. И по тѣмъ слу-

чаемъ мочно мнѣ... Митькѣ быти больше Княжъ Борисова отца одиннадцатью мѣсты (274). И по тѣмъ случаемъ можно мнѣ и проч. двѣнадцатью мѣсты (275). И по тѣмъ случаемъ мочно и пр. пятью мѣсты (276).

Нарушеніе права называлось безчестіемъ. Слѣд. это слово кромѣ отвлеченнаго смысла имѣло тогда опредѣленный смыслъ, какъ бы пониженіе по службѣ, или лишеніе чина.

Служба была непостоянная, какъ напримѣръ теперь въ западныхъ Государствахъ.

Службою считались преимущественно военною. О службѣ въ Приказахъ не упоминается ни слова.

Повышенія въ службѣ мудрено себѣ и представить теперь: такъ оно зависѣло отъ отношеній къ прочимъ родамъ, хотя и есть выраженіе: великъ и малъ живетъ Государевымъ жалованьемъ (244).

Службы, что касается до ея сущности, — хорошоли, дурноли была она исполнена,—не касались счетчики. Правительству предоставлялось судить о томъ. Это было только исполненіе обязанности, на кого какая случайно была возложена. На мнѣніе не обращалось вниманія: Пильемовъ, подъ опалою, въ цѣпяхъ и желѣзахъ, былъ посланъ въ Смоленскъ въ Городничіе (241).

Ходъ дѣлъ былъ таковъ:

Обиженный, то есть, получившій низкое по его мнѣнію назначеніе, не по достоинству, въ сравненіи съ другими лицами, тутъ же соприкосновенными,

стказывался отъ этого назначенія, отъ службы; N неберетъ списковъ (8,50), т. е. бумагъ, въ которой значилось его и прочихъ назначеніе.

К. Шуйскій списковъ не взялъ *для* К. Щенятева, т. е. потому что считалъ себя выше его, (50), получившаго высшее назначеніе.

Проситъ Государя дать счетъ ему (10) *въ отечествѣ съ тѣмъ лицемъ, которое получило предпочтеніе, и такимъ образомъ заводитъ дѣло, которое называлось счетнымъ* (271):

Мнѣ быть не вмѣстно съ такимъ-то. Мнѣ быть немочно (204). Ему со мною не сошлося 146). Недостало (155). Мнѣ это обидно (8,102). Вели дать обороны (162). Не вели у насъ нашего отечества отняти (214).

Чтобъ я въ холопахъ у такого-то не былъ (110).

Чтобъ я въ безчестьѣ не былъ (146).

Чтобъ я опозоренъ не былъ (162).

Чтобъ я въ конецъ не загибъ (269).

Чтобъ тѣмъ его судомъ и пр. позорну не быть (270).

Чтобъ я безчестенъ не былъ (269).

И впредь бы отъ иныхъ родовъ отечеству моему тѣмъ судомъ порухи не было.

Иногда подавалъ просьбу на оборотъ тотъ, съ которымъ кто нибудь не хотѣлъ служить, жалуясь на него за это, равно какъ и за челобитье: какъ де, онъ могъ сказать, что ему быть со мною не вмѣстно, и проч. (382).

Неправое челобитье есть *безчестье* (378).

Тѣмъ меня *безчестилъ*, что и на меня билъ челомъ; ему отвѣчаю, и на немъ ищу (223). Ему быть со мною мочно.

Просьба подавалась иногда со службы только для протеста, лишь бы челобитье записано (130), *т. е. чтобы противникъ, настоящій или будущій, не могъ сослаться на такой случай, яко протестованный, и употребить въ свою пользу*: Н. былъ, де безсловно (63), безъ возраженія, слѣдовательно считалъ себя ниже, не въ правѣ.

К. Ѳедоръ Татевъ билъ челомъ, и указывалъ на чужее челобитье, остерегаясь отъ тѣхъ прежнихъ челобитчиковъ (390).

Борисъ Шереметевъ говоритъ: не только К. Данилу, но и отцу его, мочно быти меньше его Бориса, потому что отецъ его бывалъ меньше тѣхъ, которые бывали безсловно съ его Борисовомъ дѣдомъ, и проч. (378).

Готовъ у Государева дѣла побыти, а послѣ дайте счетъ (37).

А то учинилось по грѣху нашему, повиненъ предъ Государемъ (44).

Просьба иногда удовлетворялась не вдругъ: послѣ дяди мы бьемъ челомъ другой годъ безпрестанно (174).

Да и напредъ сего тебѣ о томъ отказывано, и ты Государскаго указу не послушалъ, и нынѣ билъ челомъ не дѣломъ и проч. (381).

Государь приказывалъ иногда дать счетъ послѣ

службы; а какъ служба минется, и Государь велитъ имъ дать счетъ (76).

Иногда приказывалъ безъ суда отставить (374).

Такому давалась грамота разводная (8).

Она кажется и *невмѣстная* (9), по которой та или другая служба, какъ будто случайная, не *должна* была впредь причитаться къ безчестью.

У N. есть *правая* грамота.

N. разведенъ (90,169).

N. отставленъ, т. е. уволенъ отъ службы (204).

Обыкновенно Государь приказывалъ назначеннымъ Боярамъ выслушать счетчиковъ, т. е. лица, которыя хотѣли считаться между собою, сыскати разряды (382). *Какой нибудь царедворецъ объявлялъ эту волю въ Разрядномъ приказѣ назначеннымъ Боярамъ, а сіи жалобщику, спрашивая документовъ:* естьли иные разряды (136); дай челобитную и ищи (2); дай письмо (123); готовъ искати (2); есть чѣмъ тягаться; Государь вмѣсто смертныя казни велѣлъ мнѣ въ неволю отвѣчать ему 269.

По родословцу лѣствицею считаютъ кто къ кому по родству каковъ близокъ, а по разрядамъ кто кого больше или меньше и вверсту (27).

Искали, кто къ кому каковъ близокъ по родству К. Иванъ въ Шуйскихъ, а К. Василій въ Булгаковыхъ (59).

Счетчики, на суду стоячи (308), *начинаютъ съ очи на очи* (66) тягаться въ отечествѣ (2),

иногда ищутъ словомъ (4), *а обыкновенно по памятямъ.*

Разрядныя памяти (2), Счетныя (37), Счетныя въ отечествѣ (37), въ которыхъ выставлялась сравнительно служба родственниковъ.

Положить памяти, принести.

Подать память (5, 80), дать письмо (111).

Подавать случаи на кого (318). По своимъ случаямъ (159). По разрядамъ и случаямъ (179).

N. далъ разрядамъ случай. А по той статьѣ (250). А тотъ разрядъ поданъ для того, что дядя мой былъ больше и проч. (251). ***Шлютца*** **на родословецъ (5), на лѣтописцы (107). Своими родителями тягивались, да и правы бывали (308). Прежде по лѣствицѣ не тягивались.**

Предлагаютъ примѣры—статьи, противъ которыхъ даются отвѣты (8).

Дядя мой утягалъ такого-то, а онъ выше еще моего противника (249). Такой-то великъ, а не бывалъ больше моихъ, мой прадѣдъ больше его прапрадѣда 13-ю мѣстами (216). Дѣдъ дѣда 20-ю (218). Я тѣмъ наказомъ хочу быть правъ и виноватъ. Такою-то грамотою ни велику, ни малу быть нельзя (20). Та грамота не въ грамоту. Юрій пишетъ случаи, до которыхъ случаевъ мнѣ дѣла нѣтъ, и язъ тѣми случаями не ищу, не отвѣчаю (254)

Язъ Княземъ Дмитріемъ не хочу быть ни великъ, ни малъ: К. Дмитрій мнѣ братъ по родству, да мнѣ малъ Княжъ Дмитріевъ отецъ.

N. былъ многихъ нашего рода меньше (21).

Такому-то не достало до меня (19).

Отецъ Княжъ Васильева бѣгалъ отъ Морозова (17), т. е. не хотѣлъ входить съ нимъ въ коллизію, не надѣясь поддержать себя предъ нимъ, и опасаясь съ другой стороны подать на себя сильный примѣръ.

N. не смѣлъ на нихъ и глядѣть.

Да ему сошлось ли съ Сабуровыми, т. е. онъ не можетъ указывать на нихъ: они больше его (22).

Для чего мнѣ мимо большаго, на меньшихъ бить челомъ. Я билъ челомъ на большаго, кто и ихъ больше (232). Билъ челомъ на дѣда (233) не по своей мѣрѣ (390). Мочно ли смотрѣть, не только что больше быть (239). Можетъ ли онъ меня въ ровенство ставить (270).

Такой-то, меньшій мнѣ (280), больше его, то кольми паче. . . .

Какъ ему больше быть Князь Дмитріевыхъ дѣтей, не токмо что Князя Дмитрія (288). Утягивать опалою (247).

Можно ли Пожарскому, котораго родители бывали въ прикащикахъ, быть больше К. Ивана Хилкова, знатока въ своей верстѣ, т. е. знавшаго превосходно свои права (288).

Слался на разряды (42). Обыкновенное заключеніе всякой дѣловой бумаги, т. е. я говорю правду, справьтесь сами въ разрядѣ.

Опровергаютъ взаимно доказательства, повторяя оныя, прописывая вновь въ своихъ опроверженіяхъ (напр. 287 и 273), даютъ отводъ (5), принесу отводъ (221), принесу отводъ Стародубскимъ Князьямъ (370), то есть опровергну доказательство, относящееся къ Старод. Князьямъ. Отводная память (162, 236), ссылочная память (22, 58).

К. Пожарскій напрасно считается такимъ-то: а считался бы разрядами, а не лѣствицею (287). Ему ближе подавать величества Пожарскихъ Князей (314).

Какъ ему перемѣниться изъ Пожарскихъ К. въ Хилковы или Палецкіе (314).

И противъ тѣхъ статей N сказалъ (253).

Спорятъ между собою: кладутъ разряды одинъ на другаго (116); считай разрядами, а не лѣствицею (295). Тѣмъ не утягать. Эта статья не ко мнѣ (4); ту статью пишетъ въ третее (56).

Иногда очень не учтиво: N. писалъ бездѣлье, чѣмъ бы отбить, и проч. (313). Чему тому вѣрить, что Юрьи писалъ (227), утягивать бездѣльемъ (245), пишетъ не зная, а говоритъ не вѣдая (313), не вѣдаючи (366).

А хотя бъ по его вракомъ и правда была (310), глупаетъ (377), плутаетъ (310), по затѣямъ (326), и то онъ хочетъ волочить (36), и то К. Андрей что хочетъ, то пишетъ (43).

Родные могли принимать участіе въ спорѣ: я молодъ, сказалъ N., считаться безъ дяди не умѣю (36).

Судьи наводили справку: доискаться суднаго дѣла (57), выписать изъ дѣла на перечень (141).

Не всѣ документы однакожъ хранились въ Разрядномъ Приказѣ, не всѣ случаи записывались. Измайловымъ сказали противники: нечего бить вамъ челомъ, ибо и родства вашего (т. е. фамиліи) въ Государевыхъ родословцахъ и не сыскали (213). И Арт. Измайловъ сказалъ: того онъ не вѣдаетъ, родство ихъ въ Государевыхъ родословцахъ есть ли или нѣтъ, да только они Измайловы, по своему отечеству и по разрядамъ, больше Ивана Полева.

И такова случая въ разрядѣ не сыскано. И тово въ разрядѣ не сыскано жъ. А челобитья въ томъ разрядѣ ни на ково не написано (65).

Иногда оказывались плутни (129).

Подскребено. Неправда (44) А Князя N. не бывало (?) (279, 281) И К. Василій Щерб. сказалъ: таковыхъ онъ случаевъ не помнитъ. N. пособляетъ своей худобѣ и отечеству (295).

Избывая дяди своего худобы въ отечествѣ (325).

Случалось ошибиться челобитчику, и онъ, въ новой просьбѣ, просилъ прощенія въ ошибкѣ, и исправлялъ оную: и по грѣхомъ, Государь, я описал-

ся : написалъ Князь Ивана Княжь Юрьева сына Князь Ивановымъ сыномъ (318).

Судьи отвергаютъ нѣкоторые доводы : того въ дѣло не поставили (308). Приклеить къ счетному дѣлу (271).

По разсмотрѣніи дѣла и выслушаніи счетчиковъ судьи приговорили—оправити, обинити (29).

Учинялся приговоръ (57). *Выдавалась сказка* (191).

N. оправленъ (7), т. е. выигралъ дѣло. Право его признано на судѣ за много мѣстъ. Онъ утягалъ (249), т. е. предложилъ доказательства неоспоримыя.

N. учиненъ ровенъ (115, 27, 41.).

Вверсту [1] (115, 27, 111,).

N. съ М. ровенъ, глазъ въ глазъ (215), мѣстникъ (17, 22, 248), т. е. въ ровныхъ правахъ.

N. обвиненъ однимъ мѣстомъ (365) N. билъ челомъ не по дѣлу, ему и впередь меньше быть, а до S. не достало.

Обвиненъ Князь Василій Князю Ивану (44).

Учиненъ многими меньше (19).

А К. Θедору Куракину приговорили сказати, что ему на К. Θедора Татева обороны дати не довелось, для того что К. Θедоръ Т. точма на нево въ отечествѣ не билъ челомъ (390).

А что Иванъ бьетъ челомъ на Степана Хрущова, *и онъ дуруетъ*, потому что, и проч.

---

(1) Оттуда у насъ: верстать, поверстать, сверстникъ.

А Ивану Благово приговорили Бояре сказать, что ему Ивану по Государя милости и находка, что ему велѣно быть въ Украинскомъ Разрядѣ и проч. съ К. Иваномъ Шаховскимъ. К. Петръ Шуйскій меньши Князя Юрья Булгакова... а иные случаи, что тягались чужими роды, отъ счету отставили (59).

Если Государь учинитъ его ровна, такъ его воля (115).

А безчестью, что ты укажешь (62).

Великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ (244).

Выдáть головою (247, 254). *Выданная голова* бываетъ за многія мѣста (340). И по той выданной головѣ (340). Посадить въ тюрьму (39, 381, 390).

Иное дѣло бывало не совершено (8), *т. е. положено подъ красное сукно.*

Иногда Государь приказывалъ рѣшить дѣло по какому-нибудь одному случаю, вѣроятно при сбивчивыхъ и сложныхъ спорахъ: и Государь велѣлъ дѣло вершити по тѣмъ случаемъ, какъ былъ во Псковѣ, и проч.

А сѣсти было (34) такимъ-то, а N. N. M. M. M., тяжущимся, у нихъ.

И по тому счету сидѣти (59) такъ то:

Сидѣть употреблялось еще въ другомъ смыслѣ: и Государь велѣлъ о томъ сидѣти Бояремъ.

и тѣхъ Воеводъ, которые бьютъ челомъ о мѣстѣхъ, поставити предъ собою и распросити порознь (368).

Приказалъ о томъ сидѣти Боярамъ (390), т. е. разсудить дѣло.

Счетникамъ случалось указывать на другія лица. Тѣ въ свою очередь приносили жалобу на безчестье, заводили новыя дѣла, если были упомянуты всуе (61). *Родственники вступались.*

N. безчеститъ меня, говоря, что онъ учиненъ въ версту мнѣ (267), и что судъ его со мною не вершенъ для равенства.

Пожарскій, тягаяся съ Пушкинымъ, сказалъ вотъ что (такъ жалуется Лыковъ), а это не правда, слѣд., и проч.

Жаловались не только за себя, но и за родственниковъ. N. дѣда моего безчеститъ (223).

Разсуди, чтобъ и впредь отъ иныхъ родовъ отечеству моему тѣмъ судомъ порухи не было (270).

Князь Александръ Рѣпнинъ не билъ челомъ на К. Ивана Сицкаго (по свойству), такъ за это весь родъ Рѣпниныхъ били челомъ на него самого (277).

Билъ челомъ Борисъ Шереметевъ на К. Долгорукаго, что К. Долгорукій на дядю ево, на Боярина Ѳедора Шерем. бьетъ челомъ не дѣломъ, и тѣмъ дядю его безчеститъ (378).

Да билъ челомъ Бояринъ К. Дмитрій М. Пожарскій, что бьетъ челомъ К. Данила Долгору-

кій о мѣстѣхъ на Боярина, на Ѳ. И. Шереметева, не дѣломъ, а онъ К. Дмитр. и иные ево братья Бояре, по Государеву указу, бываютъ съ Бояр. Ѳ. И. Шереметевымъ всегда безсловно, которые ему Князя Данилу въ версту, а иные и больши, и въ томъ бы Княжъ Даниловѣ челобитьѣ имъ безчестья и отечеству ихъ впередъ порухи не было (380).

А на брата на его и бить челомъ, сказалъ, ему не на ково, тѣмъ брата его обезчестилъ (65).

Я молодъ, сказалъ N., считаться безъ дяди не умѣю (36).

Замѣтимъ особливыя слова и значенія, кромѣ юридическихъ, объясненныхъ выше: *на подворьѣ*, дома (2); *батько*, а не отецъ (22, 41); *поруху учинить*, причинить вредъ (108); *чтобъ небыло порухи* (ne quid detrimenti) твоему дѣлу; *безъ сыску*, безъ слѣдствія (110); *воровали*, хитрили, ослушались; *знатка*, признакъ (255); *стычка*, коллизія; *родство*, фамилія, родъ; *эта грамота не въ грамоту*, ничего не значитъ, какъ будто ея и не было; *и ты, Государь, въ своей свѣтлости* (69); *годать*, годовать (62, 64); по *твоему разряду*, по твоему назначенію; *безсемейство* (375); *я не бывалъ въ одномъ ряду съ* N., въ одной службѣ, въ одномъ назначеніи (11); *токма* (314); *вселды* (17); *толды* (76); *топерва* (215, 241); *что достало до*, достало ли; *въ другорядь*, въ другой разъ (374).

Онъ считаетъ себя, и пр. — не происходитъ ли это выраженіе также отъ Мѣстничества?

Замѣтимъ слѣды произношенія: *хто* (27,154), *ево* (380), *ненаково* (65), *Пожарскова*, *свово* (215), *роднова* (314), *больши*, *меньши*, *ближа* (114), *послѧ* (316), *имаетца* (377), *доведетца* (392), *Одуевскій*, *Ондрей* (195).

Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на любопытныя подробности о родѣ Князей Пожарскихъ, объ отношеніяхъ К. Дмитрія Михайловича и его матери къ Царю Борису Годунову, а вмѣстѣ и на свѣдѣнія о придворныхъ интригахъ того времени (268, 269, 270 и проч.), свидѣтельство о силѣ Алексѣя Адашева при Иванѣ Васильевичѣ (65); указаніе о Никифорѣ Чепчуговѣ (403), и проч.

О МѢСТНИЧЕСТВѢ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

1842.

Новое открытіе! Въ одной лѣтописи изъ разряда Новогородскихъ, пріобрѣтенной мною посредствомъ К. И. Аверина, встрѣтилось слѣдующее важное извѣстіе между родословными [1], коимъ доказывается, что мѣстничество, или родовое и служебное старшинство, соблюдалось въ Москвѣ при Великомъ Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ и отцѣ его Димитріѣ Донскомъ.

Память Геннадія Бутурлина [2]. *до Михайла Борисовича.* Какъ Князь Юрьи Патрикѣевичь [3]

---

(1) Послѣ попалось оно мнѣ еще въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ, старшій, принадлежалъ къ XVI столѣтію.

(2) Бутурлины происходятъ отъ Радши, пришедшаго изъ Пруссіи, къ Александру Невскому, въ 13 столѣтіи. Вотъ предки Геннадія по Новиковскимъ Родословнымъ, I. 338. Радша, Якунъ, Алека, Гаврило, Акинѳъ, Иванъ, Андрей. . . »У 4 Андреева сына Ивановича, у Акинѳова правнука, у Ивана Бутурли, дѣти: Иванъ, да Григорей, бездѣтенъ, былъ у Троицы въ черицахъ, а звали его Генадьемъ.« Онъ жилъ вѣроятно при Іоаннѣ III.

(3) Сынъ Патрикія, внукъ Нариманта, правнукъ Гедимина, родоначальникъ Князей Булгаковыхъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, женатый на дочери Великаго Князя Дмитрія Ивановича.

пріѣхалъ, а заѣхалъ бояръ Констентина Шею [1], да Ивана Дмитріевича [2], Володимера Даниловича, Дмитрія Васильевича, Өеодора Кошкина Голтяя [3], мѣнилъ [4] дѣдъ мой Князь Великій Василей Дмитріевичь своимъ отцемъ, съ Кипріяномъ Митрополитомъ, своими бояры: Дмитріемъ Александровичемъ, Семеномъ Васильевичемъ, Иваномъ Өедоровичемъ, Өедоромъ другимъ Андреевичемъ, Даниломъ Өеофановичемъ, Кипріянъ Митрополитъ мѣнилъ своимъ (*вѣроятно надо*: съ моимъ) дѣдомъ съ Великимъ Княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ, своими бояры: чернцомъ Андреемъ Ослобятемъ, Дмитріемъ Евѳимьевичемъ, Степаномъ Өеофановичемъ, Демьяномъ Романовичемъ, Михайломъ Раемъ: *сѣдѣлъ* Борисъ Даниловичь, а *подъ* Борисомъ сидѣлъ Өедоръ Сабуръ, а подъ Өедоромъ сидѣлъ подъ Сабуромъ Никита Ивановичь Воронцовъ, а подъ Никитою сидѣлъ Василей Дмитріевичь Мининъ, а подъ Васильемъ сидѣлъ братъ его Степанъ Мининъ, а подъ Степаномъ сидѣлъ Борисъ Ми-

(1) Заѣхалъ: по нынѣшнему, сѣлъ на голову.

(2) Дѣйствительно, Юрій Патрикѣевичь стоитъ выше этого Ивана Дмитріевича въ числѣ свидѣтелей третьяго Васильева (Дмитріевича) завѣщанія, 1424 г. Кар. V пр. 227, Румянцовскаго собранія I. 83. При второмъ также с. 82. При первомъ же, 1406 г. Князь Юрья еще не было, а первымъ свидѣтелемъ былъ Бояринъ Князь Юрій Ивановичь, потомъ *Константинъ* Дмитріевичь, Дмитрій Аѳанасьевичь, *Иванъ Дмитріевичь, Владиміръ* . . . Иванъ *Өедоровичь*, Өедоръ Өедоровичь.

(3) У 5 Андреева сына Кобылы у Өедора Кошки 4 сына . . . Өедоръ Голтяй.

(4) Чтò *именно* значитъ здѣсь это важное слово—никакъ не могу опредѣлить.

хайловичь Круковъ, а подъ Борисомъ сидѣлъ братъ его Иванъ Круковъ, а подъ Иваномъ сидѣлъ Семенъ Ивановичь Трава, а подъ Семеномъ сидѣлъ Василей Ивановичь Собакинъ, а подъ Васильемъ сидѣлъ Андрей Сахарникъ Константиновичь Добрынскій, а подъ Андреемъ подъ Сахарникомъ сидѣлъ Борисъ Константиновичь Лыковъ, а подъ Борисомъ сидѣлъ Данило Ивановичь Сабуровъ, а подъ Даниломъ сидѣлъ Романъ Александровичь Безногій, а подъ Романомъ сидѣлъ братъ его Тимоѳей Александровичь.

Господину Ѳедору Давыдовичу Генадей, господине, Бутурлинъ челомъ бьетъ, что, господине, жалуешь, печалуешься о своемъ братѣ, о молодшемъ Андреѣ. А что еси, господине, писалъ о дѣлѣ, о Григорьи о Заболоцкомъ, и мы, господине, одно вѣдаемъ то, что Ѳедоръ Ѳедоровичь Голтяй *не далъ мѣста* Ивану, Львову отцу, Андреева дѣда Иванова Бутурлина, мѣсто *выше* Ивана Дмитріевича, Дмитрея Васильевича, Игнатья Семенова сына Жеребцова, Ѳедора Колыча (*), Григорья Вантѣева—тѣхъ всѣхъ *былъ* дѣдъ Андреевъ *выше*. А Григорья дядя Иванъ, да братъ его Василей Губастой, да Юрьи Мень, да Глюбъ, Шухабалской Семенъ, да Василей Заболоцкіе, да Григорьевъ отецъ: то память Петрова Константинова, да и наша. А Василей Заболоцкой служилъ у Князя Димитрія Меншого, и Василей Морозовъ, не далъ ему мѣста и выше его сидѣлъ. Спросилъ

(*) А у 2 Андреева сына Кобылина, у Александра у Елки, дѣти: Ѳедоръ Колычь. II, 103.

нас Князь Великій себѣ, и ему мы скажем. А въ чернцахъ такое послушество: Ѳедоръ Ивановичь Сабуръ [1] сидѣлъ выше Микиты Воронцова [2] и Семена Травы [3] и Василья Собакина и Романа Ивановича и Ѳедора Воньяминовича [4] — и тѣхъ всѣхъ сидѣлъ выше Ѳедоръ Ивановичь.

Кстати прибавимъ, что во вновь доставленныхъ Московскому Обществу Г. Ивановымъ дѣлахъ оказывается, что мѣстничество было не только въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ, но и въ другихъ.

»Государю Князю Ивану Васильевичу Московскому бьетъ челомъ холопъ твой Васюкъ Зюзинъ: сказали, Государь, быти у твоего Государева дѣла передъ тобою, Государемъ, въ Окольничихъ Ѳедору Нагому, да мнѣ холопу твоему. Милостивый Государь! покажи милость, пощади холопа своего: *ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой въ Твери меньши дѣда и прадѣда Ѳедорова николи не бывалъ;* сыщи, Государь, милосердіемъ своимъ, какъ тебя, Государь, Богъ извѣститъ, а во всемъ воленъ Богъ, да ты, Государь, какъ ве-

---

(1) Ѳедоръ Ивановичь Сабуръ, сынъ Ивана Дмитріевича, внукъ Дмитрія Зерна, участвовалъ въ Куликовской битвѣ, 1380.

(2) Никита Воронцовъ, сынъ Ивана, Ѳедора, Василья, Протасья, бывшаго Бояриномъ у Ивана Калиты. II, 14.

(3) У Князя Ѳедора (Краснаго Ѳоминскаго), женатаго на первой женѣ Сімеона Гордаго, 4 сына: . . Иванъ Собака . . . а у Ивана Собаки дѣти: *Семенъ Трава,* да *Василій.* II, с. 208.

(4) У 5 Дмитріева сына Зернова, у Дмитрія жъ сынъ одинъ Андрей Глагъ, а у Андрея сынъ Вельяминъ, а у В. Ѳедоръ. I, 249.

лишь холопу своему; надежда вся на Бога, да на тебя Государя. Милостивый Государь! покажи милость, смилуйся!«

. . . . .

»Да тутожъ Василей подалъ родства своего списокъ, и въ родствѣ его пишетъ:

»Приѣхавъ исъ Чернигова во Тверь Борисъ Ѳедоровичь, прозвищо ему было Половой; а былъ во Твери Бояринъ, у Бориса сынъ Ѳедоръ и тотъ во Твери Бояринъ же былъ, у Ѳедора сынъ Михайло Шетневъ, а во Твери былъ Тысяцкой, у Михайла сынъ Константинъ Шетневъ, а во Твери былъ Тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Щетневъ, тотъ былъ во Твери Тысяцкой же, а другой сынъ Константина Михайло Гнездовской. У Ивана у Шетнева дѣтей: Ондрей Зуза, прадѣдъ мой, да Ѳеонасей Шетневъ. У Андрея у Зузы дѣтей: дѣдъ мой Василей, да Григорей Страднинъ, да Олексѣй, да Карпъ, Василей меньшой, Андрей въ чернцахъ былъ, Антоній у Чуда, у дѣда большой, мой отецъ Григорей да Иванъ.«

Ясно, что мѣстничество, основанное на службѣ и родовомъ старшинствѣ, велось между знатнѣйшими родами впродолженіи удѣльнаго періода, точно какъ и между Княжескими; между послѣдними оно было источникомъ удѣльныхъ войнъ, какъ между первыми *искони* источникомъ споровъ.

Замѣчательно, что знатные роды наши носили съ собою это право и на чужбину:

»Да Василей же подалъ память, и въ памяти пишетъ: Дѣдъ, Господине, мой Василей Ондреевичъ Зюзинъ з'братьею поѣхалъ съ своимъ Государемъ, съ Великимъ Княземъ Михайломъ Борисовичемъ Тверскимъ въ Литву, а во Твери, Господине, да и въ Литвѣ былъ дѣдъ мой у своего Государя Бояринъ, а дядя, Господине, мой Ѳедоръ Зюзинъ, меньшой братъ батьку, въ Литвѣ былъ на Щитово мѣсто справца Гетманства Дворнаго, а съ нимъ былъ въ меньшихъ товарыщехъ Князь Ондрей Озерецкой, а язъ, Господине, былъ въ Литвѣ, да Остаѳей Воловичъ у одного дѣла со мною, и меня Остаѳьемъ учали отводити, и язъ, нехотя Остаѳья меньши быть, того для и къ Государю отъѣхалъ, въ томъ вѣдаетъ Богъ да Государь.«

О ХАРАКТЕРѢ

ІОАННА ГРОЗНАГО.

Читано въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1828 года, Мая 22.

О ХАРАКТЕРѢ

IОАННА ГРОЗНАГО.

Статья первая.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ освобождаться отъ предразсудковъ, какихъ бы то ни было, историческихъ, политическихъ, житейскихъ: мнѣніе, однажды принятое, получаетъ какую-то особенную силу надъ нами, и дѣлается частію насъ самихъ. Усомниться въ немъ — есть уже необыкновенное явленіе, важный шагъ, а какъ еще далеко отсюда до другаго пути! Съ большимъ насиліемъ, какъ будто посягая на самихъ себя, мы перестаемъ думать такъ, начинаемъ думать иначе.

«Сей Монархъ, озаренный славою, до восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣрені-

«яхъ, мудрый правитель, законодатель, имѣлъ «только двадцать два года отъ рожденія: явле-«ніе рѣдкое въ Исторіи государствъ! Казалось, «что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и «человѣчество примѣромъ какого-то совершен-«ства, великости и счастія на тронѣ.[1]...»

Очаровательные звуки! И если случится ихъ услышать въ первый разъ лѣтъ пятнадцати, семнадцати, когда душа ищетъ вездѣ идеаловъ, когда сердце пылаетъ въ полномъ значеніи этого слова любовью къ отечеству! Легко ли разставаться послѣ съ такою любимою мечтою? О какъ досадно бываетъ иногда на разсудокъ, на критику!

Да, Іоаннъ никогда не былъ великъ. Это ясно изъ документовъ историческихъ: стоитъ только взглянуть на нихъ безъ предубѣжденія.

Я не стану распространяться въ разсужденіяхъ, и буду приводить подлинныя свидѣтельства, съ необходимыми только поясненіями и замѣчаніями; дѣла здѣсь говорятъ сами.

Іоаннъ былъ сынъ Елены, племянницы Князя Глинскаго, и Василія, который, послѣ развода съ первою своею супругою, на 49 году отъ роду, женился на этой молодой Полькѣ, и получилъ его чрезъ четыре года послѣ брака. Онъ остался двухъ лѣтъ послѣ отца, и восьми послѣ матери!

---

(1) Кар. VIII, с. 197.

О воспитаніи его никто не заботился, то есть, никто не внушалъ въ него страха Божія, не истреблялъ дурныхъ наклонностей, не училъ добру. Въ Думѣ одна партія смѣняла другую: Шуйскіе Оболенскихъ, Бѣльскіе Шуйскихъ, Шуйскіе Бѣльскихъ, Глинскіе Шуйскихъ. Всѣ они, напротивъ, потакали дитяти, чтобъ получить милость у будущаго Государя, и злыя сѣмена росли въ немъ безпрепятственно, развиваемыя честолюбцами.

«Потомъ питаша его,» говоритъ Курбскій, «велицые гордые Паны, по ихъ языку Боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, и впредь что творилъ, умолчу иныя и иныя; обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ (а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ), тако жъ и иныя многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердое произволеніе въ себѣ;... а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту, и вяще; тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ Сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити, и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣ-

гающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «О храбръ, глаголюще, будетъ сей Царь и мужественъ!» Егда же пріиде къ седьмомунадесять лѣту, тогда тѣжъ прегордые Сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго.[1]»

Можно себѣ представить, какое вліяніе на нравъ его имѣли подобныя козни Бояръ, старавшихся губить другъ друга, къ какимъ привычкамъ подавали поводъ!

Сіи извѣстія Курбскаго подтверждаются сходными сказаніями прочихъ нашихъ Лѣтописей, напримѣръ: «И тогожъ лѣта на Коломнѣ, по діаволю дѣйству дѣяся сице: Государю Великому Князю выѣхавшу на прохладъ поѣздити потѣшитися, и какъ бысть Государь за посадомъ, и начаша Государю бити челомъ пищальники Новгородскіе; а ихъ было человѣкъ съ пятьдесятъ; и Государь велѣлъ ихъ отослати, Они же начаша посланникомъ Государскимъ сопротивитися, бити колпаки и грязью шибать; и Государь велѣлъ Дворяномъ своимъ, которые за нимъ ѣхали, ихъ отослати; они же начаша больно сопротивитися, и Дворяне на нихъ напустили. И какъ примчали ихъ къ посаду, и пищальники всѣ стали на бой, и почали бити-

(1) Сочиненія Курбскаго, ч. 1, с. 5.

ся ослопы и изъ пищалей стрѣлять, а Дворяне изъ луковъ и саблями; и бысть бой великъ, и мертвыхъ по пяти, по шести на обѣ стороны; и Государя не пропустили тѣмъ же мѣстомъ къ своему стану проѣхати, но объѣха Государь инымъ мѣстомъ. И Государь о семъ бысть въ сумнѣніи, и повелѣ о семъ провѣдати, по чьему науку бысть сіе сопротивство, а безъ науку сему быти не мощно; и повелѣ о семъ провѣдати Дьяку своему Василью Захарову, понеже онъ у Государя бысть въ приближеніи. Онъ же, невѣдомо какимъ обычаемъ извѣсти Государю сіе дѣло на Бояръ его, на Князя Ивана Кубенскаго, и на Өедора и на Василья Воронцовыхъ; а преже того Государь Өедора пожаловалъ послѣ Шуйскаго Князя Андрея, и опять въ приближеніе у себя учинилъ; и кого Государь пожалуетъ безъ Өедорова вѣдома, и Өедору досадно. И Князь Великій, повѣря Дьяку своему, учалъ о томъ досадовати, и съ великія ярости положилъ на нихъ гнѣвъ свой и опалу по его словесемъ. [1]»

Подобныхъ казней опредѣлено было Іоанномъ очень много. Въ Архивской Псковской Лѣтописи, при описаніи частыхъ его путешествій по монастырямъ и на охоту, въ разныхъ мѣстахъ сказано; «а Князь Великій все гонялъ на мскахъ, а Христіаномъ многи протори учинилъ. [2]»

---

(1) Царств. Книга, с. 123—124.

(ɛ) Псков. лѣтопись, изд. М. Погодинымъ, с. 189.

Семнадцати лѣтъ Іоаннъ женился на Анастасіи, и продолжалъ прежнюю праздную буйную жизнь; напримѣръ въ Псковской Лѣтописи есть извѣстіе: «Въ лѣто 7055 (1547) Псковичи послаша 70 человѣкъ на Москву жаловатися на Намѣстника на Турунтая, и оны жалобщики били челомъ Государю на сельцѣ на Островкѣ, и Государь опалился на Псковичь сихъ, безчествовалъ обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды, и волосы за свѣчю зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли; и въ ту пору на Москвѣ колоколъ благовѣстникъ напрасно отпаде, и Государь поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря. [1]»

Тогда-то случились въ Москвѣ страшные пожары: городъ почти весь выгорѣлъ, и народъ началъ бунтовать. Іоаннъ удалился въ село Воробьево. Туда явился къ нему священникъ Сильвестръ, лице удивительное въ нашей Исторіи и по своимъ качествамъ, и по образу дѣйствія. «Тогда убо,» говоритъ Курбскій: «тогда, глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, Пресвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ. [2]»

То есть: Сильвестръ раскрылъ предъ Іоанномъ Священное Писаніе, напугалъ его муками на томъ свѣтѣ за безумное управленіе, а въ под-

(1) с. 190. — (2) Соч. К. Курбскаго, ч. I, с. 8.

твержденіе вѣроятно указалъ на несчастія, которыя въ то время дѣйствительно случились, на смуты Боярскія ; съ другой стороны, представилъ ему награды, какія ожидаютъ Царей, исполняющихъ Божіи заповѣди, вызвался быть его руководителемъ, принималъ на свою душу его грѣхи.

Вотъ какъ самъ Іоаннъ описываетъ послѣ свое положеніе, въ разныхъ мѣстахъ писемъ къ Курбскому: «И Божій судъ восхищающе и прежь Божія суда своимъ злолукавымъ самохотнымъ изложеніемъ, якоже съ своими начальники Попомъ и Алексѣемъ изложили есте.»[1]

«Посемъ же совѣта ради духовнаго и спасенія ради души своея, пріяхъ попа Селивестра.[2]»

«Сперва убо, яко благо нача, послѣдоваше Божественному писанію; мнѣ видѣвшу въ Божественномъ писаніи, како подобаетъ *наставникомъ благимъ покорятися* безъ всякаго разсужденія, и ему, совѣта ради духовнаго, повинухся въ колебаніи, въ невѣдѣніи.»[3]

«Насъ же предходя лукавымъ обычаемъ, духовнаго ради совѣта, будто *души ради*, то творитъ, а не лукавствомъ.»[4]

«И тако убо симъ бывающимъ: мняще убо, яко дивныя *ради пользы* сицевая убо утѣсненія творятъ намъ, а не лукавства ради.[5]»

---

(1) Ч II, с. 24.—(2) с. 55.—(3) с. 56.—(4) с. 57.—(5) с. 59.

Курбскій, въ письмѣ своемъ къ самому Іоанну, точно такъ же описываетъ обстоятельства, по которымъ Сильвестръ приблизился къ Царю: «и (Сильвестръ) душу твою Царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выѣ носилъ, и взявши тя отъ преявственнѣйшихъ скверлъ, яко чиста, предъ наичистѣйшимъ Царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ, поставилъ.» [1]

«И свѣтлую побѣду изобрѣли тебѣ,» говоритъ онъ же.... «казнящъ тя, *наказующе* о непреподобныхъ твоихъ дѣлѣхъ и прелукавыхъ нравѣхъ.» [2].

Для большей силы Сильвестръ къ наставленіямъ своимъ присоединилъ какія-то видѣнія, которыми вѣроятно подѣйствовалъ еще болѣе на воображеніе слабаго, устрашеннаго, неопытнаго юноши.

«Еще къ тому,» говоритъ Курбскій, «и *чудеса* и аки бы явленіе отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхи, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сице и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлити умыслилъ. Яко и врачеве дѣлаютъ, по

(1) С. 121. — (2) с. 143.

неволѣ, согнившія гагрины стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живаго мяса; сему негли подобно, а онъ блаженный, лечецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и онымъ наставляюще на стезю правую. [1]»

«Не мни мя,» говоритъ также самъ Іоаннъ объ сихъ благокозненіяхъ въ письмѣ къ Курбскому: «неразумна суща или разумомъ младенчествующа, якожъ начальницы ваши попъ Селивестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; ниже мните мя *дѣтскими страшилы* устрашити, якожъ прежде сего съ Попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстите; или мните нынѣ таковая сотворити?» [2]

А Курбскій въ отвѣтѣ такъ оправдываетъ сіе дѣйствіе Сильвестра: «Аще бы нѣчто и случилося, *человѣческія ради немощи*, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго Пресвитера, иже бы тя устрашалъ не истинными, но льстивыми видѣніи!... То же воистинну и врачеве премудрые творятъ: дикія мяса и неудобь цѣлимыя гагрины бритвами рѣжутъ, ажъ до живаго тѣла, и потомъ наводятъ по малу и исцѣляютъ недужныхъ: такожъ и онъ творилъ Пресвитеръ, блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшіеся

(1) Ч. I, с. 9. — (2) Ч. II, с. 94

и неудобные ко исцѣленію.... прилагалъ пластыри, ово кусательными словесы нападающе на тя и порицающе, яко бритвою непреподобные нравы наказаніемъ жестокимъ рѣжуще.... ово, яко уздою крѣпкою со браздами, невоздержаніе и преизлишную похоть и ярость твою востязающе.[1]»

Употребивъ сіи средства, благодѣтельныя и благокозненныя, по выраженію Курбскаго, Сильвестръ овладѣлъ душею Іоанна, какъ магнетизеръ намагнетизированнымъ лицемъ, и Іоаннъ предался ему совершенно, не смѣлъ выступать ни на шагъ изъ его воли. Онъ пилъ, ѣлъ, одѣвался, жилъ по его урокамъ: «Кто же убо можетъ подробну исчести,» говоритъ онъ самъ: «еже убо въ житейскихъ пребываніяхъ, и хожденіяхъ, и въ покоѣ, и та же въ церковномъ предстояніи и во всякомъ своемъ житіи и гоненіи и утѣсненіи?» [2]

«Аще бо и порфиру ношу, но обаче вѣмъ сіе, яко по всему, подобно всѣмъ человѣкомъ, обложенъ есть по естеству, а не яко жъ вы мудрствуете, еже выше естества велите быти ми.» [3]

«Кольми же паче наша кровь на васъ вопіетъ къ Богу, отъ васъ самѣхъ пролитая: не ранами, ниже кровными капли, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпотно; яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многаго вашего озло-

---

(1) Ч. II, с. 122. — (2) с. 58. — (3) с. 84.

бленія и утѣсненія, нмѣсто кровей, много изліяся слезъ нашихъ, пачежъ и воздыханія и стенанія сердечная; и отъ сего убо пречресліе пріяхъ: понеже убо конечному любленію не сподобисте мя.» [1]

«Во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до обуща и спанія, вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ.» [2]

«Понеже мя исторгосте отъ духовнаго и покойнаго житія, и бремя, фарисейскимъ обычаемъ, бѣднѣ носимо на мя наложисте.» [3]

«Молитвы же убо и прехожденія по святымъ мѣстамъ, и еже убо приношенія и обѣты ко святынѣ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, и о своемъ благомъ пребываніи нашемъ и о Царицѣ нашей, и чадъ нашихъ, и сія вся лукавымъ умышленіемъ вашимъ отъ насъ отнюдь взяшася; въ врачевствѣ же и хитрости, своего ради здравія, ниже помянути тогда бяше.» [4]

«... И еже убо, согрѣшеній нашихъ ради, приключающихся болѣзней на насъ и на Царицѣ нашей и на чадѣхъ нашихъ, и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху.» [5]

---

(1) Ч. с. 91. — (2) с. 58. — (3) с. 22. — (4) с. 61. — (5) с. 61.

«Аще припустишь ихъ къ себѣ на очи,» (Сильвестра и Адашева, такъ говорили Іоанну, по свидѣтельству Курбскаго, новые его совѣтники послѣ отдаленія первыхъ) «очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; а къ тому, любяще ихъ все твое воинство и народъ, нежели тебя самого, побіютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ: обвяжутъ тя паки и покорятъ тя аки въ неволю себѣ. Такъ худые люди и ничему годные чаровницы тебя, Государя, такъ великаго и славнаго и мудраго, Боговѣнчаннаго Царя, держали передъ тѣмъ, аки въ оковахъ, повелѣвающе тебѣ въ мѣру ясти и пити и со Царицею жити, не дающе тебѣ ни въ чесомъ же своей воли, а ни въ малѣ, а ни въ великомъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царствомъ твоимъ владѣти! И аще бы не они были при тебѣ, такъ при Государѣ мужественномъ и храбромъ и пресильномъ, и тебя не держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладалъ: и то творили они своими чаровствы, аки очи твои закрывающе, не дали ни что зрѣти, хотяще сами царствовати, и нами всѣми владѣти. И аще на очи припустишь ихъ, паки тя очаровавши, ослѣпятъ Нынѣ же, егда отогналъ еси ихъ, воистинну образумился еси, сирѣчь во свой разумъ пришелъ, и отворилъ еси себѣ очи, зряще уже свободно на все свое Царство, аки помазанецъ Божій, и никто же инъ, точію самъ единъ тое управляюще и имъ владѣюще» [1]

---

(1) Ч. I, с. 101.

И такъ Сильвестръ дѣлалъ, что хотѣлъ съ Іоанномъ и вмѣстѣ съ его Царствомъ! Это свидѣтельствуетъ также во многихъ мѣстахъ самъ Іоаннъ, который, возмужавъ, образумившись, подвергшись другимъ вліяніямъ, свергнулъ съ себя противное иго. Вотъ сіи убѣдительныя мѣста:

«Не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все Государство сняли: словомъ, *азъ быхъ Государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ.*» [1]

«И вся властію во всей своей волѣ имый, ни что же отъ насъ пытая, *аки нѣсть насъ*, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ, хотѣнію творяше. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся непотребно имъ учинихомся; они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху!» [2]

«Вы убо, яко діаволъ, съ Селивестромъ Попомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ рекосте, яко же онъ во Іовѣ хваляся: обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ; и рече ему Господь: внялъ ли на моего Іова? Тако убо и вы мнѣ хотѣсте *подъ ногами у васъ* быти и всю Русскую землю: но вся матерь ваша ни во что жъ бысть, Божіимъ изволеніемъ.» [3]

---

(1) Ч. II. с. 111. — (2) с. 57. — (3) с. 113.

«Понеже бо есть вина всѣмъ дѣломъ вашимъ злобѣснаго умышленія, понеже съ Попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ Государь, *а вы бъ съ Попомъ владѣли.*»[1]

«Или убо сіе свѣтло, Попу и прегордымъ лукавымъ рабомъ владѣти, *Царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтену быти,* властію же ни чимъ же лучше быти раба?»[2]

«И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицая благочестіе, еже *подъ властію нарицаемаго Попа* и вашего злочестія повелѣнія Самодержству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной власти самимъ владѣти, и не восхотѣхомъ подъ властію Попа быти съ вашего злодѣянія.»[3]

«Или мнити сіе быти свѣтлость благочестивая, еже *обладатися Царству отъ Попа невѣжи,* отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ человѣкъ, и *Царю повелѣваему быти*? И сіе ли супротивно разуму и совѣсть прокаженна, еже невѣжу взустити отъ Бога данному Царю воцаритися? Ни гдѣ же бо обрящеши, иже не разоритися Царству, еже отъ Поповъ владому.»[4]

О могуществѣ Сильвестра мы имѣемъ еще и другія свидѣтельства. Въ Царственной книгѣ сказано: «Въ та же времена бысть у Благовѣщенія у церкви, иже на сѣнехъ, у Царскаго двора, нѣкій Священникъ, зовомый Селивестръ, ро-

---

(1) с. 35. — (2) с. 34. — (3) с. 24. — (4) с. 33.

домъ Новгородецъ. Бысть же сей Священникъ Селивестръ у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ въ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко *все мога*, и вся его послушаху, и ни кто жъ смѣяше ни въ чемъ же противитися ему, ради Царскаго жалованья, указываше бо и Митрополиту, и Владыкамъ, и Архимандритамъ, и Игуменомъ, и Чернцемъ, и Попомъ, и Бояромъ, и Дьякомъ, и приказнымъ людемъ, и Воеводамъ, и дѣтемъ Боярскимъ, и всякимъ людемъ; испроста рещи, какія дѣла и власти Спасительскія и Царскія правяше, и ни кто же смѣяше ничто жъ рещи ни сотворити не по его велѣнію; и всѣми владѣяше обѣма властьми, и Святительскими и Царскими,... но поповское имѣяше; но токмо чтимъ добре всѣми, и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтники.» [1]

Сильвестръ для лучшаго успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ заключилъ союзъ съ однимъ изъ людей, близкихъ тогда къ Іоанну, Алексѣемъ Адашевымъ, что̀ видѣли читатели изъ предъидущихъ мѣстъ. Вотъ какъ говоритъ о семъ Курбскій: «Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ благородный тогда юноша, именемъ Алексѣй Адашевъ; . . . . Цареви жъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, Ангеломъ подобенъ.» [2]

Іоаннъ также, кромѣ приведенныхъ мѣстъ объ Адашевѣ, говоритъ объ немъ еще вотъ что: «До

(1) с. 342 — (2) Ч. I, с. 9.

того же времени бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворившуся, . . . чающе отъ него прямыя службы.» [1]

Сильвестръ и Адашевъ наполнили Дворъ такими людьми, которые готовы были дѣйствовать въ духѣ перваго, по его наставленіямъ, и не выпускали изъ новыхъ узъ молодаго, боязливаго Царя.

«Что же сіе мужіе два творятъ полезное землѣ оной, опустошенной уже воистинну и зѣло бѣднѣ сокрушенной? Преклони же ужъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творятъ, сіе дѣлаютъ! Главную доброту начинаютъ—утверждаютъ Царя, и якого Царя? Царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и преизлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздаютъ и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придаютъ? Наказуютъ опаснѣ благочестію; молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ, завѣщаваетъ оный Презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ, надъ нихъ же

(1) Ч. II, с. 55.

ничто же можетъ быть повѣтреннѣйшаго во Царствѣ, и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь Архіерея онаго великаго града, и къ тому всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, Презвитерствомъ почтенныхъ; и возбуждаютъ Царя къ покаянію, и исчистивъ сосудъ его внутренній, яко подобаетъ, къ Богу приводятъ, и Святыхъ, непорочныхъ Христа нашего Таинъ сподобляютъ, и въ сицевую высоту онаго, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитися обращенію его и благочестію.

«И къ тому еще и сіе прилагаютъ: *собираютъ къ нему Совѣтниковъ*, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же, еще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и онѣхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко, безъ ихъ совѣту, ничесоже устроити или мыслити. Воистинну премудрому Соломону глаголющему: Царь, рече, добрыми совѣтники, яко градъ претвердыми столпы утвержденъ; и паки: любяй, рече, совѣтъ, хранитъ свою душу, а не любяй его совсѣмъ исчезнетъ: понеже, яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ, совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицались тогда оные совѣтницы у

него Избранная Рада; воистинну по дѣломъ и нареченіе имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ Царствѣ наилѣпшее; и къ тому Воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и Стратилатскіе чины устрояютъ, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ, и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились. А паразитовъ, или тунеядцевъ, сирѣчь подобѣдовъ или товарищей трапезамъ, яже блазенствомъ или шутками питаются, и кормы хаютъ, не токмо тогда не даровано, но и отгоняемо, вкупѣ съ скомрахи, и со иными прелукавыми и презлыми, таковыми роды; но токмо на мужество человѣковъ подвизаемо и на храбрость, всякими роды даровъ или издовоздаяньми, каждому по достоянію.« [1]

«Онъ же (Сильвестръ) восхитихся властію,» говоритъ самъ Іоаннъ объ этой новой партіи: «яко же Ілія жрецъ, нача *совокуплятися въ дружбу* подобно мірскимъ.» [2]

«Тако же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ, мнѣвше насъ неразсудныхъ суща: и тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако

(1) Ч. I, с. 10, 11, 12. (2) II, с. 56.

по-малу всѣхъ васъ Бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе, и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами равняюще; молодыхъ же дѣтей Боярскихъ съ вами честію подобяще; а тако по-малу сотвердися сія злоба, и васъ почалъ причитати къ вотчинамъ, ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего Великаго Государя Уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали, и которымъ вотчинамъ, еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего Уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ. И потомъ единомысленника своего, Князя Дмитрія Курлятева, къ намъ въ Сигклитію припустилъ . . . . И тако съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ начаша злый свой совѣтъ утверждати, *ни единыя власти не оставиша, идѣ же своя угодники не поставиша*, и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша. По семъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ Бояромъ нашимъ по нашему жалованью честію предсѣданія почтеннымъ быти; сія убо вся во своей власти и въ вашей положиша, яко же вамъ годѣ, и яко же кто како восхощетъ: потому же утвердися дружбами.» [1]

«Тако и вы хотѣсте съ Попомъ Селивестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и *со всѣми своими семьями* подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти» [2]

---

(1) с. 56. (2) с. 111.

«Ино се ли противно разуму, еже не восхотѣхомъ въ совершенномъ возрастѣ младенцемъ быти? Та же по семъ и сіе утвердися: еже намъ сотворити словіе ни единому же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бѣсосоставной грамотѣ написано; отъ его же совѣтниковъ аще кто худѣйшихъ намъ не яко ко владыцѣ или яко къ брату,—яко къ худѣйшему чесому надмѣнная словеса неистовѣ изношаху, и сія вся благочестивѣ вмѣняхуся; кто убо мало послушаніе или покой намъ сотворитъ, тому убо гоненіе и мученіе; аще ли же кто раздражитъ насъ чѣмъ, или кое принесетъ намъ утѣсненіе, тому богатство, слава и честь, и аще не тако, то души пагуба и Царству разореніе! И тако убо намъ въ сицевомъ гоненіи и утѣсненіи прибывающимъ, и таковая злая не токмо отъ дни до дни, но отъ часу растяху, а еже убо намъ послушно и покойно, сія умаляхуся.» [1]

Надѣюсь, сихъ мѣстъ достаточно для убѣжденія, что Іоаннъ съ 1547 года сдѣлался лицемъ совершенно страдательнымъ, и не принималъ ни какого участія въ управленіи.

Въ такомъ положеніи, разумѣется, онъ былъ особенно въ первые два-три года своего удивительнаго подчиненія,—это безъ всякаго сомнѣнія,—и тогда-то вышелъ Судебникъ, Стоглавъ, законъ о Мѣстничествѣ, о Присяжныхъ, и проч.

---

(1) с. 58.

Спрашиваю: можно ли послѣ сихъ торжественныхъ и многократныхъ отреченій, въ разныя времена, приписать одну строку, одну мысль изъ всѣхъ сихъ постановленій собственно Іоанну?

Еще болѣе: если бы даже не было сихъ отреченій, можно ли приписать сіи постановленія Іоанну, которому было тогда менѣе двадцати лѣтъ, который до сихъ поръ только буянилъ, распутничалъ, ничего не дѣлалъ и ни объ чемъ не имѣлъ понятія?

Естественно перемѣнить образъ жизни, вольно или невольно; но узнать вдругъ нужды своихъ подданныхъ, ихъ отношенія между собою, отношенія къ верховной власти, опредѣлить ихъ вновь,—это не въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Очевидно,—это дѣйствія новой партіи при Дворѣ, непохожей на всѣ прежнія, и слава за оныя принадлежитъ ей, Сильвестру, основателю и руководителю ея, а не Іоанну.

Если бы Іоаннъ сдѣлалъ что-нибудь знаменитое въ это время, вѣрно онъ не пропустилъ бы сказать о томъ въ письмахъ своихъ къ Курбскому, гдѣ онъ старался хвалиться предъ нимъ своими подвигами.

То же должно сказать и объ рѣчи семнадцатилѣтняго Іоанна къ народу, сохранившейся въ Степенной Книгѣ Хрущова, немедленно послѣ выступленія Сильвестра на сцену. Она, разумѣется, произнесена была по мысли и внушенію этого удивительнаго человѣка. Самъ Іоаннъ на-

мѣкаетъ на это, какъ ясно видно изъ связи его словъ. [1]

Между тѣмъ Казань бунтуетъ.

Замѣтить надо, что Казань взята была нами при Иванѣ Васильевичѣ III. Цари ея съ тѣхъ поръ были нашими присяжниками, и часто насылались и смѣнялись нами; впрочемъ, происходило нѣсколько бунтовъ, для прекращенія коихъ отправляемы были изъ Москвы войска, приводившія городъ въ прежнее подданство. Такъ, въ малолѣтство Іоанна было нѣсколько подобныхъ походовъ подъ Казань, съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ успѣхомъ. Слѣдовательно взятіе Казани въ 1551 году есть одно изъ маловажныхъ происшествій Россійской Исторіи, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей; оно получило у насъ такой блескъ потому только, что есть современное подробное описаніе, перенесенное въ Исторію въ краснорѣчивомъ переводѣ. Но укрощеніе послѣдняго Кавказскаго бунта, столь краснорѣчиво описанное Г. Марлинскимъ въ Сѣверной Пчелѣ, можетъ ли теперь войти въ Русскую Исторію со всѣми своими любопытными подробностями?

Впрочемъ, важно ли, не важно ли взятіе Казани,—Іоаннъ участвовалъ въ немъ столько же, какъ въ сочиненіи Судебника и Стоглава. Его взяли съ войскомъ, какъ прежде приказывали сказать рѣчь съ Лобнаго мѣста. Іоаннъ, не имѣвъ

(1) Ч. II, с. 56.

понятія о военномъ искуствѣ, могъ ли распоряжать осадою?

Всего лучше свидѣтельствуетъ это онъ самъ. «Тако убо, *аки плѣнника всадивъ въ судно*, везяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю: аще не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ доброхотство къ намъ, за кого ты глаголеши, и какъ за насъ душу полагаютъ, еже нашу душу *во иноплеменныхъ руки* тщатся предати!» [1]

И мы прославляемъ его какъ героя за взятіе Казани!

А какъ онъ дѣйствовалъ подъ Казанью? Вотъ какъ: «Со оныя же предреченныя страны мало что поступиша, яко рекохомъ, великаго ради множества належанія ихъ, и даша о себѣ вѣдати Цареви нашему и всѣмъ совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгуновъ: и зѣло ему *не токмо лице измѣняшесь*, *но и сердце сокрушися*, уповая, иже все войско уже Христіанское Бусурманы изъ града изгнаша. Видѣвше же сицевое, мудрые и искусные Сиглитове его, повелѣша хоругвь великую Христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ Царскихъ, подвинути, *и самого Царя, хотяща и нехотяща, за бразды коня взявъ, близъ хоругови поставиша*: понеже были нѣцыи, между Сигклиты оными, мужіе вѣку еще отцовъ нашихъ, со-

(1) с. 59.

старѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякихъ искусствахъ ратныхъ» [1]

По взятіи Казани, однакожъ, Іоаннъ, какъ молодой львенокъ, начинаетъ уже чувствовать силу свою, начинаетъ понимать, что онъ можетъ дѣйствовать по своей волѣ. Такъ, разсердясь на одного Боярина, онъ сказалъ ему: «нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ.» Противная партія, безъ которой не бываетъ при Дворѣ, партія людей, отстраненныхъ Сильвестромъ, искала, разумѣется, средствъ шептать противъ его уничиженія, утверждать его въ мысляхъ объ его волѣ, силѣ, чтобъ отвратить его отъ первой, и заступить со временемъ ея мѣсто. Доступъ былъ легокъ чрезъ родственниковъ Царицы, которыхъ преимущественно обвиняетъ Курбскій, — и это очень естественно, ибо они по родству должны бъ быть подлѣ Царя, а при Сильвестровой партіи не значили ничего! Совѣты ихъ, пріятные для всякаго самолюбія, разумѣется, были еще пріятнѣе для Іоаннова, столько стѣсненнаго тогда. Не надо опускать изъ виду и темперамента Іоаннова, который держали въ такихъ оковахъ. Какъ это согласно съ здравымъ разсудкомъ, обстоятельствами, свидѣтельствами, событіями!

Іоаннъ тогда же началъ мало-по-малу выходить изъ-подъ опеки. Онъ настаиваетъ на сво-

---

(1) Ч. I, с. 39.

ихъ желаніяхъ, слѣдуетъ уже иногда совѣту другихъ людей.

«Царь же вниде въ совѣтъ о устроенію града новозятаго: и совѣтоваше ему всѣ мудрые и разумные, иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны, со всѣмъ воинствомъ, бо запасовъ было всякихъ множество съ Русскія земли галіями наприважено, яко же и въ той землѣ безчисленное богатство всякихъ достатковъ, и до конца выгубилъ бы воинство Бусурманское и Царство оное себѣ покорилъ и усмирилъ землю на вѣки;... онъ же совѣта мудрыхъ Воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ: они бо шептаху ему во уши, да поспѣшится ко Царицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направили съ попами.» [1]

И такъ что же остается за Іоанномъ въ эту такъ называемую блистательную половину его царствованія? Во взятіи Астрахани, точно какъ послѣ Сибири, въ заведеніи торговли съ Англіею, онъ не принималъ ни какого участія—это уже безспорно. Все это Россіи Богъ далъ.

Напротивъ, онъ не воспользовался благопріятными обстоятельствами для Россіи, когда послѣ началъ мало-по-малу освобождаться отъ противной опеки. Такъ свидѣтельствуетъ Курбскій:

«Тогда время было надъ Бусурманы Христіанскимъ Царемъ мститися за многолѣтную кровь

---

(1) Ч. I, с. 47.

Христіанскую, безпрестаннѣ проливаему отъ нихъ, и успокоити себя и отечество свое вѣчнѣ: ибо ничего ради другаго, но точію того ради и помазаны бываютъ, еже прямо судити, и Царство, врученное имъ отъ Бога, оброняти отъ нахожденія варваровъ. Понеже и нашему тогда Цареви, Совѣтницы нѣкоторые, мужіе храбрые и мужественные, совѣтовали и стужали, да подвигнется самъ, съ своею главою, со великими войски на Перекопскаго Царя.» [1]

«Добро бы, и паки реку, зѣло добро избавити въ Ордѣ плѣненныхъ отъ многолѣтныя работы, и разрѣшити окованныхъ отъ претягчайшія неволи; но нашъ Царь о семъ тогда мало радяше, аще и едва послалъ съ пять тысящей всего воинства съ Вишневецкимъ Дмитромъ, Днѣпромъ рѣкою, на Перекопскую Орду, а на другое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими Стратилаты со осмь тысящей, такоже водою, послалъ; они же выплыша Днѣпромъ на море, и, надъ надежду Татарскую, не малую тщету учиниша въ Ордѣ: яко самихъ побиша, тако жъ женъ и дѣтей ихъ немало плѣниша, и Христіанскихъ людей отъ работы свободили немало, и возвратишась во-свояси здравы. Мы же паки о семъ, и паки Царю стужали и совѣтовали: или бы самъ подщился итти, или бы войско великое послалъ въ то время на Орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе, и помогающе ему ласкателіе, добрые и вѣрные товарищи трапезъ

(1) с. 80.

и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго Епископа, глаголемаго Топорка.« [1]

И такъ, повторяю, гдѣ великія дѣянія Іоанновы?

Мы видимъ изъ послѣднихъ свидѣтельствъ, что Іоаннъ началъ поступать самовольно. Это случилось, или лучше это утвердилось по слѣдующему стеченію обстоятельствъ, кромѣ причинъ и соображеній, уже предложенныхъ нами.

Чрезъ два мѣсяца послѣ возвращенія изъ Казани, Іоаннъ отчаянно занемогъ горячкою. — Сильвестръ и Адашевъ со всею своею партіею должны были ожидать себѣ гибели при новомъ правленіи, подъ начальствомъ шурьевъ Іоанновыхъ, гибель, какую по очереди испытывали всѣ низверженныя партіи, Шуйскіе, Бѣльскіе, Глинскіе. Вѣроятно, они рѣшились избрать на царство двоюроднаго брата Царскаго, Князя Владиміра Андреевича, какъ сталъ обвинять ихъ послѣ Іоаннъ. Можетъ быть, они руководствовались и любовію къ отечеству, по объясненіямъ Карамзина, и не желали отказаться отъ своего, столь успѣшно начатаго дѣла. Отецъ Адашева прямо сказалъ умирающему Іоанну: «Тебѣ, Государь, и сыну твоему, Царевичу Князю Дмитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ

(1) с. 81.

намъ Даніилу съ братіею не служити; сынъ твой, Государь нашъ, еще въ пеленицахъ, а владѣти намъ Захарьинымъ, Даніилу съ братіею, а мы ужь отъ Бояръ до твоего возрасту бѣды видали многія.»[1]

Но Іоаннъ всталъ съ одра смерти. Какое поле открылось для противной партіи! Какой благовидный предлогъ для очерненія въ глазахъ Іоанновыхъ Сильвестра и Адашева, шедшихъ, такъ сказать, прямо противъ его вдовы и сына! Іоаннъ явно свидѣтельствуетъ послѣ, что это такъ дѣйствительно тогда и было.

Въ Царственной Книгѣ сказано, что Сильвестръ выговаривалъ Боярамъ, зачѣмъ они не пускаютъ къ больному Іоанну брата его Владиміра, а тѣ ему противились: «и оттоль бысть вражда межи Бояръ и Сельвестромъ и его совѣтники.»[2]

Однако жъ такая великая сила, какую имѣлъ Сильвестръ надъ Іоанномъ, первое глубокое впечатлѣніе, имъ произведенное, не могли ослабѣть вдругъ. Та трусость, робость, которая сначала подчинила его Сильвестру, которою отличался онъ всегда, приказывая терпѣть побои посламъ нашимъ отъ Баторія, бѣгая отъ Крымскаго Хана, приказывая бить ему челомъ, готовя себѣ убѣжище въ Англіи, была причиною, что онъ не вдругъ оставилъ Сильвестра. Царственная Кни-

(1) Царств. Кн. с. 339. — (2) с. 343.

га говоритъ, что Князь Владиміръ, заключенный въ темницу, въ слѣдствіе представленныхъ обстоятельствъ, и мать его «его бо промысломъ изъ-ятства выпущены.»[1] Самъ Іоаннъ говоритъ то же.

Къ этому времени относится знаменитый совѣтъ Вассіана Топоркова, Коломенскаго Епископа, данный Іоанну во время его путешествія по монастырямъ, послѣ болѣзни, не держать совѣтниковъ умнѣе себя. (Этотъ совѣтъ былъ данъ безъ всякаго сомнѣнія: Курбскій, кромѣ своей Исторіи, говоритъ объ немъ прямо самому Іоанну). Іоаннъ, все еще двадцати только двухъ лѣтъ, поцѣловалъ руку Вассіанову, и сказалъ, что самъ отецъ не могъ бы присовѣтовать ему лучше. Онъ чувствовалъ свои оковы.

Что же сдѣлалъ Іоаннъ, начавъ дѣйствовать по своей волѣ? Ничего. Мы не видимъ ни какихъ происшествій, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ, кои могли бы быть причтены въ честь или безчестье Іоанну. Не зная происшествій придворныхъ, мы не можемъ сказать, въ какомъ положеніи были партіи между собою и предъ Іоанномъ.

Въ 1558 году началась война Ливонская. Сильвестръ тогда уже ничего не значилъ: онъ совѣтовалъ не начинать этой войны, но его не послушали: «Брань, еже на Германы,» говоритъ Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому: «и отъ того времени отъ Попа Селиверста и отъ Алексѣя и

(1) с. 343.

отъ васъ какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну глаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися.«[1] (Іоаннъ, кажется, разумѣетъ здѣсь мнимые послѣдующіе заговоры противъ него. Война съ Ливонскими Нѣмцами — не есть ли хитрая уловка противной партіи?)

Сильвестръ, видя, что онъ лишился своей силы надъ Царемъ, удалился отъ Двора: «А той Селивестръ,» говоритъ Курбскій: «еже прежъ, даже не изгнанъ былъ, видѣвъ его, иже не по Бозѣ всякія вещи начинаетъ, прѣтивъ ему и наказуя много, да во страсѣ Божіи пребываетъ и въ воздержанію жительствуетъ, и иными множайшими словесы Божественными поучая и наказуя много, онъ же отнюдь того не внимаше и ко ласкателемъ умъ свой и уши приклонилъ: разсмотрѣвъ же вся сія Пресвитеръ, иже уже лице свое отъ него отвратилъ, отшелъ бысть въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащъ, и тамо въ мнишествѣ будуще, нарочитое и чистое свое жительство препровождалъ. Клеветницы жъ, слышавше, иже тамо въ чести имѣютъ оные мниси его, сего ради, завистію разсѣдаеми, ово завидяще мужу славы, ово боящеся, да не услышитъ Царь о семъ, и паки да не возвратитъ его къ себѣ, и да не обличатся ихъ неправды и превращеніе судовъ, и много-взимательныя, любимыя издавна обыкновенія ихъ, посулы, и

(1) Ч. II, с. 73.

новоначальныя пiянства и нечистоты паки да не пресѣкутся отъ онаго свѣтлаго: и оттуды похватиша его и заведоша на Соловки, яже прежъ рѣхомъ, идѣ же бы и слухъ его не обрѣлся, похваляющись, аки бы то соборнѣ осудиши его, мужа нарочитаго и готоваго отвѣщати на клеветы.» [1]

Адашевъ былъ отправленъ въ войско.

Другая партiя восторжествовала.

Впрочемъ, въ Ливонской войнѣ Iоаннъ также не принималъ ни какого участiя, оставшись спокойно въ Москвѣ.

Вотъ всѣ происшествiя до 1560 года. Читатели видятъ, что̀ дѣлалъ Iоаннъ.

О дѣйствiяхъ другой партiи сначала, а послѣ о дѣйствiяхъ самого Iоанна, слишкомъ извѣстныхъ и безпутныхъ,—говорить здѣсь не мѣсто.

Мнѣ остается только отвѣчать на нѣкоторыя мнѣнiя противныя.

Курбскiй, на коемъ я основалъ нѣкоторыя свои доказательства, славитъ Iоанна за среднiе годы его царствованiя, коихъ честь я отнимаю у него. [2]

Вотъ объясненiе. Всѣ письма Курбскаго къ Iоанну обращаются около одной мысли, какъ замѣтилъ и Г. Устряловъ: «вотъ каковъ былъ ты, когда слушалъ насъ; вотъ что сдѣлалось

(1) Ч. I, с. 105.— (2) См. I, 11, 14; II, 138, 147, 148, 149, 151.

съ тобою, когда ты насъ оставилъ, и выбралъ себѣ другихъ наперсниковъ.» Слѣдовательно, ему необходимо, такъ сказать, было хвалить Іоанна за первое время. Хваля его при этомъ условіи, онъ какъ будто бы надѣялся еще привлечь его на свою сторону; порицая его безусловно, онъ отказался бы отъ этой надежды, и привелъ бы въ подозрѣніе свое безпристрастіе. (Сказать Іоанну въ глаза, что онъ никогда ничего не дѣлалъ,—это было бы ругательство. Какъ бы онъ могъ объяснить въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ и его друзья служили прежде Іоанну и искали его милостей? Словомъ – Курбскій не могъ писать иначе ни въ письмахъ своихъ, ни въ исторіи, чтобъ не противорѣчить самому себѣ.) Впрочемъ, всмотритесь внимательнѣе: похвалы его суть только общія мѣста; мы не видимъ дѣйствій, къ коимъ бы онѣ прикладывались непосредственно, или видимъ противорѣчащія, которыя заставляютъ насъ сомнѣваться въ оныхъ, напр. при описаніи взятія Казани, отношеній къ Крымскимъ Татарамъ. Сіи слова или извѣстія вырываются у Курбскаго невольно, противъ его намѣренія, и потому убѣждаютъ насъ наиболѣе въ своей истинѣ, по ничтожности Іоанновой во всѣ періоды его жизни.

Нѣкоторые наши лѣтописатели говорятъ, что по смерти Анастасіи, «аки чуждая буря велія къ тишинѣ благосердія Царскаго припаде, и нѣкако превратися многомудростной его умъ на яростный нравъ,» и проч.–Это ни мало не служитъ доказательствомъ, что прежде онъ былъ

великъ. Зло въ сердцѣ Іоанновомъ росло постепенно, и лѣтописатели увидѣли, когда оно уже выросло наружу. Притомъ, какъ обыкновенно, дѣйствія партіи Сильвестровой они приписывали самому Іоанну.

То же должно сказать и о нѣкоторыхъ, очень немногихъ иностранцахъ, которые его хвалятъ, изрѣдка.

Петръ Великій уважалъ его (если уважалъ) тоже за добро, которое получила Россія въ его царствованіе, смотря на него съ одной стороны. Или—ему нравилась, можетъ быть, расправа его съ Боярами . . .

Знаменитый нашъ Исторіографъ повѣрилъ съ перваго взгляда Курбскому и Лѣтописямъ, и увлекся блестящимъ предметомъ. Какъ писатель нашего времени, онъ избѣгнулъ, разумѣется, противорѣчій Курбскаго, пропустилъ нѣкоторыя и объяснилъ другія, сообразно съ своимъ образомъ мыслей. Еще болѣе: онъ отложилъ все дурное объ Іоаннѣ до смерти Анастасіи, то есть, до 9 тома, между тѣмъ, какъ самъ Курбскій послѣ взятія Казани ослабѣваетъ въ своемъ рвеніи; между тѣмъ, какъ очень многое уже случилось, какъ мы видѣли, представляющее Іоанна совсѣмъ съ другой стороны.

Іоаннъ говоритъ самъ, что отъ 1547 до 1553 года, отъ 17 до 23 лѣтъ своей жизни, онъ не принималъ ни какого участія въ правленіи, и это согласно со всѣми прочими свидѣтельства-

ми и соображеніями; а Карамзинъ объясняетъ слова Іоанновы вотъ какъ: «Гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ (Сильвестра и Адашева), клевещетъ на самого себя.» Клеветать на самого себя—это очень мудрено! Но развѣ Іоаннъ не могъ винить ихъ, и вмѣстѣ не отказываться отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, если бъ были какія? «Гораздо вѣрнѣе,» продолжаетъ Карамзинъ, «что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть.» А это очень отвлеченно—какъ, въ чемъ, могъ онъ знать прелесть добра, гдѣ доказательства? Мало можно надѣяться на человѣка, особенно въ то время, когда кто только узнаетъ прелесть добра, а не чувствуетъ ея,—а что Іоаннъ лишенъ былъ способности ее чувствовать – доказательства во всей его жизни. «И наконецъ, увлеченный страстьми, только обузданными, неискорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему мудрыми наставниками: ибо легче перемѣниться, нежели такъ долго принуждать себя, и кому? Государю самовластному, который однимъ словомъ могъ всегда расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи.»[1] Долго! Нѣтъ, не долго. Напуганный, онъ принуждалъ себя только года четыре, пока приходилъ, какъ говорится, въ свой разумъ и силу.

Г. Устряловъ замѣчаетъ нѣкоторыя мѣста въ Исторіи Курбскаго и перепискѣ его съ Іоанномъ, противорѣчащія общимъ понятіямъ объ Іоаннѣ,

(1) Ч. IX, с. 15.

а въ заключеніе, предложивъ мнѣніе Курбскаго и Карамзина, говоритъ: «Кто же правильнѣе судилъ Іоанна: современный ли писатель, видѣвшій дѣла его, но питавшій къ нему злобу непримиримую, или позднѣйшій Историкъ, который не имѣлъ ни какого повода быть пристрастнымъ, и съ помощію многихъ свидѣтелей могъ открыть истину?» [1] Отвѣчаемъ: ни тотъ, ни другой, не судили безпристрастно.

. . . .

Наконецъ, я долженъ поднять руку на самого себя. Въ 1824 году я писалъ о характерѣ Іоанна Грознаго, и видѣлъ въ Іоаннѣ человѣка, «рожденнаго съ душею, способною ко всему великому, страстьми пылкими, волею сильною.» Въ доказательство сего положенія, я указывалъ въ первомъ періодѣ его жизни на рѣчь, въ которой онъ просилъ прощенія у народа, Судебникъ, и Казань; во второмъ, на бракъ съ Собакиною, не смотря на близкую, извѣстную ея смерть, возведеніе Филиппа въ санъ Митрополита, не смотря на его упреки, созваніе Депутатовъ со всего Государства, переписку съ Курбскимъ. Нынѣ, по внимательномъ критическомъ разсмотрѣніи свидѣтельствъ, принужденный, такъ сказать, принять другое мнѣніе, я долженъ объяснить послѣднія обстоятельства иначе, чтобъ не быть въ противорѣчіи съ собою. Бракъ съ Собакиной — Іоаннъ могъ надѣяться на ея выздоровленіе; притомъ для него ничего не стоило жениться въ четвертый, пя-

(1) с. LXII.

тый разъ. Возведеніе Филиппа –Филиппъ былъ вызванъ изъ Соловокъ для этого сана, далъ подписку за порукою Духовенства не вступаться въ дѣла правительственныя, и послѣ выгнанъ метлами изъ Успенскаго Собора. Созваніе Депутатовъ — великая опасность заставила Іоанна прибѣгнуть къ сему средству, не необыкновенному въ то время. Переписка съ Курбскимъ—Іоаннъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь удовлетворить своей злобѣ на него, и не могши казнить, хотѣлъ по крайней мѣрѣ обругать его. Какъ легко, скажетъ иной читатель, объяснять происшествія, по своему произволу! Отвѣчаемъ: Мы почитаемъ такого-то человѣка добродѣтельнымъ, и всѣ его дѣйствія толкуемъ въ хорошую сторону. Но мы получили доказательства, что онъ лицемѣръ, и прежній взглядъ нашъ перемѣняется, и похвальное прежде дѣлается новымъ источникомъ новаго обвиненія. Главное здѣсь - въ основаніяхъ. Я предложилъ свои причины: пусть судитъ читатель, справедливы ли онѣ, или нѣтъ.

О ХАРАКТЕРѢ

ІОАННА ГРОЗНАГО.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ первой статьѣ своей я говорилъ *противъ* Іоанна Грознаго, утверждая, что ему не принадлежитъ ничего великаго въ первой половинѣ его блистательнаго царствованія. Теперь я буду говорить *за* него, и постараюсь доказать, хоть въ бѣдное оправданіе ему, что много удивительныхъ, несчастныхъ обстоятельствъ стеклось къ ожесточенію его характера и произведенію въ немъ тирана, необыкновеннаго въ лѣтописяхъ гражданскихъ обществъ.

Воспитаніе исказило въ немъ дары природы, какъ мы уже отчасти видѣли. Оставшись почти младенцемъ послѣ родителей, онъ не имѣлъ надъ собою никакого надзора. Люди, окружавшіе его, не понимали священной обязанности насаждать въ немъ правила добродѣтели; они вперяли въ него только гибельныя мысли о его силѣ, могу-

ществѣ, потворствовали жестокимъ его склонностямъ, исполняли всѣ прихоти, надѣясь тѣмъ снискать благосклонность будущаго Государя, и будущій Государь былъ тогда, по прекрасному выраженію Карамзина, несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской. Характеръ *получилъ направленіе къ сторонѣ порока*, и зло пустило корень. Такъ, въ отрочествѣ своемъ, Іоаннъ любилъ мучить животныхъ, безчинствовалъ по улицамъ, изрекалъ смертные приговоры. Всего же важнѣе то, что въ немъ поселилась ненависть къ Боярамъ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи главнымъ поводомъ къ тиранству. Бывъ свидѣтелемъ крамолъ ихъ, бывъ долженъ во многихъ случаяхъ покоряться имъ и отказываться отъ своей воли (такъ, въ первые лѣта его сиротства, отняли они у него, не смотря на слезы и моленія, любимаго имъ Телепнева, отдалили надзирательницу его Боярыню Челяднину, въ глазахъ его хотѣли убить Митрополита, и заставили трепетать самого; послѣ въ торжественномъ засѣданіи Думы напали на друга его Воронцова), видѣвъ, говорю, такія ихъ дѣйствія, онъ *возымѣлъ недовѣренность къ ихъ усердію*, утвердившуюся послѣ стеченіемъ другихъ обстоятельствъ, и смотрѣлъ на нихъ уже всегда *очами подозрѣнія*.—На 18 году отъ рожденія Іоаннъ вступилъ въ супружество съ добродѣтельною Анастасіею, но совершенно не перемѣнился ни въ чувствованіяхъ, ни въ дѣйствіяхъ, пребылъ такимъ же, какимъ былъ до брака: не радѣлъ о правленіи, своевольничалъ. Такъ, разгнѣвавшись на несчастныхъ Псковичей, пришедшихъ

къ нему съ жалобами, велѣлъ лить на нихъ горящее вино, палить бороды, и проч.

Въ это время явился Іерей Сильвестръ, мужъ безсмертный въ нашей Исторіи, въ Исторіи человѣчества. Онъ овладѣлъ душею юнаго Государя, пресѣкъ бездною путь, по которому шелъ сей послѣдній, и насильно оборотилъ его на путь противный, на путь добродѣтели. Іоаннъ пошелъ по оному. Сильвестръ велъ его. Адашевъ и Анастасія поддерживали.

Не стану повторять о тѣхъ блистательныхъ подвигахъ, коими ознаменовалось это славное для него время. Замѣчу однакожъ, что *корень зла въ Іоаннѣ, ненависть къ Боярамъ*, не былъ уничтоженъ. Въ письмѣ къ Курбскому Іоаннъ ясно говоритъ, какъ былъ недоволенъ ими во все это время, въ походѣ на Казань, въ войнѣ Ливонской: «излишне,» пишетъ онъ: »мы миловали васъ недостойныхъ. Ужъ я не младенецъ, и проч.»—Въ Казани, по окончаніи войны, сказалъ онъ, разгнѣвавшись на одного Боярина: «нынѣ оборонилъ меня Богъ отъ васъ.»—Слово важное, которое одно доказываетъ, что *искра тлилась, хотя и была заглушена.... какъ вдругъ происшествіе несчастное раздуваетъ ее*, и приготовляетъ ужасный пожаръ.

Іоаннъ впадаетъ въ болѣзнь отчаянную, всѣ лишены надежды въ спасеніи его жизни; онъ при дверяхъ гроба дѣлаетъ духовную и назначаетъ новорожденнаго своего сына наслѣдникомъ престола.—Бояре торжественно отрекаются отъ присяги, говорятъ ему явно, что не хо-

тятъ признать его сына наслѣдникомъ, и своими распрями тревожатъ послѣднія минуты умирающаго. Не должно ли это было произвести сильное впечатлѣніе въ душѣ Іоанна, и безъ того уже недовѣрчиваго къ Боярамъ? Какъ? Ему, завоевателю, законодателю, обожаемому подданными, при жизни назначаютъ преемника, сыну готовятъ участь несчастнаго Дмитрія [1]! Не должно ли это было, повторяю, произвести сильное впечатлѣніе въ душѣ Іоанна?

Прибавимъ къ тому, что Сильвестръ и Адашевъ, вѣроятно руководимые чувствомъ любви къ отечеству, замѣшаны были въ связяхъ съ взбунтовавшимися Боярами, особливо первый, близкій къ двоюродному брату Іоанна, Князю Владиміру Андреевичу, которому Бояре, во избѣжаніе смуты при правленіи малолѣтнаго, законнаго наслѣдника, хотѣли предоставить престолъ. *Могъ ли Іоаннъ вѣрить кому-нибудь, когда первые друзья его, учители добродѣтели, были на сторонѣ его злодѣевъ, въ важную, критическую минуту его жизни?*

Подозрительность и недовѣрчивость въ немъ укоренились. Сама Анастасія естественно отдалилась отъ прежнихъ любимцевъ, которые готовы были своимъ разсчетамъ принести въ жертву ее и сына. Придворные, изъ зависти,

---

(1) Дмитрій, внукъ Іоанна III, сынъ старшаго его сына Іоанна, возведенный дѣдомъ на престолъ, и послѣ умершій въ темницѣ по воцареніи дяди Василія.

старались еще болѣе очернить всѣ ихъ намѣренія, возбудить въ Царѣ соревнованіе къ разумнымъ совѣтникамъ, которые на его счетъ пользовались славою (что ясно изъ письма Іоанна къ Курбскому).

Іоаннъ, съ возмужалыми страстями, остался одинъ на пути, гдѣ поставленъ былъ насильно, удерживался до случая только начавшимся навыкомъ къ добру; но сей навыкъ слабѣлъ и прежнія искры возгарались. Такъ, поцѣловавъ руку отшельника Вассіана, въ благодарность за совѣтъ: «не имѣть совѣтниковъ умнѣе себя, ибо ему должно повелѣвать а не повиноваться,» Іоаннъ сказалъ, что самъ отецъ не могъ бы подать ему лучшаго совѣта.

- Адашевъ и Сильвестръ, лишенные благосклонности, принуждены были впослѣдствіи удалиться отъ Двора. Царь дѣйствуетъ по своему произволу.

Вдругъ умираетъ Анастасія, послѣдняя опора колебавшейся добродѣтели. Опора сія была столь уже слаба, что Іоаннъ, чрезъ 8 дней, позабылъ пировать во дворцѣ своемъ. Адашевъ и Сильвестръ обвиняются въ отравленіи Царицы. Еще важный поводъ къ ожесточенію! Новые совѣтники Іоанна, пользуясь расположеніемъ его души, поднимаютъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, гоненіе на противную сторону, на добродѣтельныхъ друзей Сильвестра и Адашева (кои

уже приговорены были къ смерти), обвиняя ихъ въ неуваженіи къ Царю, властолюбіи, и проч. Начинаются казни.

Многіе устрашенные Бояре предаются бѣгству въ Литву. Въ войнахъ случаются неудачи. Іоаннъ видитъ вездѣ измѣнниковъ, но кровопійство не утоляетъ жажды крови, какъ говоритъ Карамзинъ, и Іоаннъ дѣлается тираномъ постояннымъ, единственно, повторяю, въ отношеніи къ Боярамъ. Нанося смертельный ударъ сыну, онъ сказалъ: мятежникъ! ты вмѣстѣ съ Боярами хочешь свергнуть меня съ престола.[1] Народъ терпѣлъ отъ него только въ періодъ Опричины. Таковъ былъ, кажется, ходъ Іоаннова характера.

Перемѣна въ свойствахъ Іоанновыхъ была готова задолго до смерти Анастасіи, и знаменитый нашъ Исторіографъ слишкомъ рѣзкою уже чертою отдѣлилъ 8 томъ своей Исторіи отъ 9-го, сказавъ, что Анастасія унесла съ собою въ могилу добродѣтель Іоаннову, а потомъ: «приступаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ Царя.... отселѣ начало злу,» и проч.— Зло шло постепенно. Карамзину не хотѣлось бросить темную тѣнь на первую блистательную половину царствованія Іоаннова, и потому все дурное отложилъ онъ ко второй: о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ сего рода упомянулъ онъ слегка, какъ бы мимоходомъ, на другія сдѣлалъ только намекъ; самое удаленіе Сильвестра и

(1) Кар. IX, с. 353.

Адашева, происшествіе важное, разсказано имъ съ искуснымъ отводомъ на прежнее, уже въ 9 томѣ, послѣ смерти Анастасіи, хотя оно случилось прежде. [1]

Впрочемъ, есть еще точка, съ которой можно смотрѣть на Іоанна: неужели по случаю родился онъ и дѣйствовалъ почти въ одно время съ Филиппомъ II въ Испаніи (1558–1598), Генрихомъ VIII въ Англіи (1508–1547), Христіаномъ II въ Даніи и Швеціи (1513–1516), Лудовикомъ XI во Франціи (1461–1483)? (Въ нѣкоторомъ отношеніи можно упомянуть здѣсь и о Фердинандѣ II въ Германіи) (1619–1634). Нѣтъ! Пусть односторонніе писатели XVIII-го столѣтія и ихъ послѣдователи восклицаютъ, что дѣяніями человѣческими управляетъ случай! Мы повѣримъ лучше другимъ мыслителямъ, которые стараются доказать намъ, что міръ нравствен-

---

(1) Анастасія скончалась 7 Августа 1560 года, а Адашевъ былъ въ Ливоніи уже въ Маѣ (Кар. т. IX, пр. 18), увидѣвшій, вмѣстѣ съ Сильвестромъ, по собственнымъ словамъ Исторіографа, необходимость удалиться отъ двора (см. т. IX, с. 11). — О Сильвестрѣ сказано у Курбскаго еще сильнѣе: «Сильвестръ пресвитеръ, прежде неже изгнанъ былъ, видѣ его (Царя) не по Бозѣ ходяща, наказуя много, да во страхѣ Божіи пребываетъ и воздержаніи жительствуетъ.... онъ же не внимаше.» (пр. 9). — Это говорится о времени до смерти Анастасіи! — Въ другомъ мѣстѣ у Курбскаго новые совѣтники Іоанна, желая возбудить гнѣвъ его, говорятъ Царю, что Сильвестръ и Адашевы повелѣвали ему въ мѣру ясти и пити, и сѣ Царицею жити (Ч. I, с. 101). — Слѣдовательно въ немъ примѣтно было расположеніе къ противному?

ный (историческій) подчиненъ такимъ же строгимъ законамъ, какъ и міръ физическій, — повѣримъ имъ, и признаемъ въ сихъ несчастныхъ явленіяхъ души человѣческой необходимыя орудія вѣчныхъ судебъ. Въ XVI столѣтіи, въ Европѣ должно было установиться содержаніе на развалинахъ феодальной системы, господствовавшей со времени основанія новыхъ государствъ, и потрясенной Крестовыми Походами: и вотъ, являются грозные во всѣхъ концахъ ея, на Востокѣ и Западѣ, Югѣ и Сѣверѣ, и утверждаютъ новый порядокъ вещей. Миръ ихъ праху!

ОБЪ УЧАСТІИ ГОДУНОВА

ВЪ УБІЕНІИ

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

ОБЪ УЧАСТІИ ГОДУНОВА

ВЪ УБІЕНІИ

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

(Предупреждаю своихъ читателей, что въ этой статьѣ я не говорю *ничего положительнаго*, хотя иное, по ходу рѣчи, и можетъ казаться таковымъ. Главная цѣль моя—показать, какъ необходимо издать, сличить и оцѣнить критически всѣ наши и чужестранныя свидѣтельства о запутанномъ періодѣ Бориса и Лжедимитрія,—періодѣ, въ которомъ много еще остается темнаго и для принимающихъ главныя положенія Карамзина).

Въ жизни знаменитаго Годунова представляется любопытный вопросъ: *имѣлъ ли онъ участіе въ убіеніи Димитрія*?

До отвѣта на этотъ вопросъ, посмотримъ, — нужна ли была ему смерть Царевича, и видно ли было изъ прежнихъ его дѣяній намѣреніе погубить несчастнаго сироту...

Димитрій родился отъ седьмаго брака Іоаннова, и по тогдашнимъ понятіямъ едва ли имѣлъ право на престолъ, по крайней мѣрѣ неоспоримое.

Верховная дума, коей Грозный, на одрѣ смерти, препоручилъ Ѳеодора и Государство, въ первую ночь своего правленія приставила стражу къ родственникамъ Царицы, Нагимъ [1], — и вскорѣ отправила Димитрія въ Угличь съ ними и матерью [2]. Эту мѣру нельзя приписать одному Борису, ибо Дума дѣйствовала тогда еще по своему произволу: такъ, напримѣръ, вскорѣ, по требованію народа, удалила она Бѣльскаго, пріятеля Годунову [3 4]; Ваусъ, Англійскій посолъ, въ донесеніи къ своему двору именно говоритъ, что Годуновъ тогда не имѣлъ еще власти, бывшей въ рукахъ у Романова и Щелкалова, Дьяка Государственнаго, [5] который, зная, разумѣется, лучше всѣхъ придворныя отношенія, искалъ еще дружбы перваго, дяди Царева. [6]. — Борисъ взялъ въ руки кормило правленія уже послѣ вѣнчанія Ѳеодорова на Царство [7].

Митрополитъ Діонисій, Шуйскій и другіе сановники, спустя нѣсколько времени по воцареніи Ѳеодора, въ заговорѣ противъ Годунова, условились ударить челомъ Царю, чтобъ онъ развелся съ неплодною супругою... и взялъ

---

(1) Кар. X, 8.—(2) Кар. X. 9.—(3) Кар. X, 11.—

(4) Исторіографъ говоритъ (с. 12), что Годуновъ «вѣроятно притворствовалъ въ дружбѣ къ Бѣльскому, внутренно опасаясь въ немъ тайнаго совмѣстника.» Но Бѣльскій вскорѣ опять является въ столицѣ, не говоря уже о томъ, что большая часть возмутителей была немедленно наказана. Да и могъ ли Бѣльскій, безъ связей, быть опасенъ шурину царскому?

(5) Кар. X, 26.—(6) Кар. X, 11.—(7) Кар. X, 13.

другую, дабы имѣть наслѣдниковъ, [1] необходимыхъ для спокойствія Державы. — [2] Слѣдовательно они не почитали Димитрія наслѣдникомъ? По крайней мѣрѣ отсюда видно, что всякая сторона легко могла отстранять его при разсужденіяхъ о престолѣ.

Борисъ возражалъ имъ, что во всякомъ случаѣ тронъ не будетъ безъ наслѣдниковъ, [3] ибо Царевичъ Димитрій живетъ и здравствуетъ. — [4] Слѣдовательно Димитрій былъ еще нуженъ Борису, какъ временной отводъ.

Далѣе—Борисъ не велѣлъ молиться о Димитріѣ и поминать его имени на литургіи, мысля тѣмъ, говоритъ Исторіографъ, [5] объявить злосчастнаго Царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги [6]. — Спрашиваю: зачѣмъ было прибѣгать Борису къ этой лишней мѣрѣ, если онъ задумалъ убійство, — мѣрѣ, которая ясно об-

---

(1) Кар. X, 76.

(2) Жаль, что сіи важныя слова не подтверждены выпискою изъ Лѣтописей. Непремѣнно нужно также знать время (годъ, мѣсяцъ и число) этого происшествія,— по крайней мѣрѣ замѣтить, если его съ точностію опредѣлить нельзя.

(3) Кар. X, 77.

(4) Опять нѣтъ подлинныхъ словъ.

(5) Кар. X, 128.

(6) Когда? — Для читателей, незнакомыхъ съ нашими древностями, замѣтимъ здѣсь, что это можно отыскать, сличая рукописные служебники того времени, если они остались. А сколько есть у насъ остряковъ, которые готовы назвать такіе труды вздоромъ!

*

наруживала непріязнь его къ Димитрію, навлекала на него неудовольствіе въ настоящемъ времени, и оправдывала будущее сильное подозрѣніе въ предполагаемомъ убійствѣ. Напротивъ, задумавъ убійство, онъ вѣрно сталъ бы осыпать благодѣяніями свою жертву , Царицу, и ея родственниковъ,—а теперь невѣроятнѣе ли заключить, что Борисъ хотѣлъ политически убить Димитрія, въ народномъ мнѣніи, тише, безопаснѣе и гораздо дѣйствительнѣе ? — Сюда же относятся и слухи, распущенные въ народѣ друзьями Годунова , о наклонности Димитрія ко злу и жестокости , коими правитель, по мнѣнію Исторіографа , приготовлялъ будто легковѣрныхъ людей услышать безъ жалости о злодѣйствѣ !! [1]

Задумавъ убійство, какъ Борисъ не удалилъ по крайней мѣрѣ изъ Углича Нагихъ, своихъ зложелателей, естественныхъ противниковъ его намѣреніямъ ? Такъ легко могъ онъ сдѣлать это, давъ имъ какія нибудь значительныя мѣста при Дворѣ или въ городахъ ! — Какъ не избавился онъ отъ кормилицы , будто бы преданной Царицѣ. — (Это совсѣмъ не похоже на дѣйствія Бориса [2].)

Не слишкомъ ли рано , въ 1591 году , думать было Борису о престолѣ , когда Θеодору было

(1) Кар. X, 130.

(2) Я предполагаю здѣсь такихъ читателей , которые коротко знакомы съ жизнію Бориса и внимательно изучили 9, 10, 11 и 12 томы Исторіи Карамзина.

еще только 34 года, когда онъ могъ имѣть еще дѣтей, что и дѣйствительно случилось (дочь Ѳеодосія родилась у него чрезъ два года по смерти Димитрія, въ 1593 году [1]), когда онъ могъ вступить въ новый бракъ, послѣ естественной смерти супруги?

Наконецъ — неужели Борисъ, располагавшій Духовенствомъ, съ сильною стороною между Боярами, привлекшій къ себѣ народъ благодѣяніями, умѣвшій устроить дѣла такъ, что вся Россія, по смерти Ѳеодоровой, нѣсколько дней на колѣняхъ, просила его, мимо многихъ знаменитыхъ потомковъ Рюрика, о принятіи вѣнца, и молила со слезами Бога о внушеніи ему сей мысли, — неужели, говорю, Борисъ могъ бояться совмѣстничества съ семилѣтнимъ или четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ, безъ подпоры въ церкви, дворянствѣ, гражданахъ, безъ положительнаго права? Неужели онъ не могъ предвидѣть, что сей несчастный сирота былъ бы непремѣнно отверженъ народомъ, вслѣдъ за приверженцами правителя, если бы слуга Борисовъ, Патріархъ Іовъ, по рѣшенію Собора и Патріарховъ Александрійскаго, Антіохійскаго, Константинопольскаго и Іерусалимскаго, торжественно объявилъ народу съ лобнаго мѣста, что сынъ отъ седьмаго брака не имѣетъ права на престолъ [2]? Вотъ мѣра, которая приготовлялась,

(1) Кар. X, 160.

(2) Съ какою готовностію, замѣтилъ мнѣ одинъ знатокъ Борисовой Исторіи (Пушкинъ), Россіяне предались Лжедимитрію! — Эта

кажется, при самомъ Өеодорѣ. Сюда относятся и слова Бориса въ письмѣ къ Сигизмунду съ Огаревымъ, какъ сказали послы Литовскіе въ отвѣтахъ боярамъ Московскимъ (въ 1608 году), что если бы Разстрига былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены [1].

Принявъ въ разсчетъ сіи соображенія, можно ли сказать утвердительно, что Борису необходимо нужна была смерть Димитрія? Нельзя ли, на оборотъ, предположить, что Борисъ готовилъ ему смерть политическую, а не настоящую?

Мы однакожъ допустимъ это, допустимъ, что новыми какими-либо свидѣтельствами подтвердится мнѣніе, намъ противное; согласимся напримѣръ теперь, что Димитрій удаленъ былъ въ Угличь, или по желанію одного Годунова, или Думою, по правилу обыкновенной осторожности, соблюдавшейся, такъ или иначе, въ подобныхъ случаяхъ;—что Митрополитъ Діонисій и другіе сановники, предлагая Өеодору разводъ,

---

готовность доказываетъ, что Димитрій былъ бы опасенъ Борису.— Нѣтъ—Лжедимитрій явился при другихъ обстоятельствахъ: за него была мнимая невинность, чудесное спасеніе, смерть Бориса. Тогда уже не думали о седмомъ бракѣ, а видѣли только сына Іоаннова, единственнаго наслѣдника; —и кто былъ ему соперникомъ? юный Өеодоръ среди Московскихъ Бояръ, которые не любили Бориса.

(1) Кар. XI. пр 237.

умалчивали съ умыслу о Димитріѣ, и, желая только низринуть Годунова, вовсе не думали, чтобъ Димитрій не имѣлъ права; — согласимся (самая трудная уступка), что Борисъ своими мѣрами хотѣлъ показать народу, будто и живой Димитрій ему не опасенъ, и слѣдовательно смерть его безполезна;—согласимся, что Нагихъ и кормилицу оставилъ онъ въ Угличѣ, для отклоненія отъ себя всякихъ подозрѣній;—что надѣялся на близкую смерть Ѳеодорову (хотя онъ прожилъ еще семь лѣтъ), и удобность отвесть его отъ брака во всякомъ случаѣ; — что онъ не предвидѣлъ себѣ такого блистательнаго успѣха, не зналъ своихъ силъ, и, ослѣпленный властолюбіемъ, или желаніемъ употребить великія свои способности во благо людей съ престола, видѣлъ въ безпомощномъ Димитріѣ преграду необоримую на пути къ цѣли.

Допустимъ—и разберемъ теперь, видна ли рука разумнаго Бориса въ самомъ убіеніи Димитрія. Вотъ какъ описываетъ это происшествіе Карамзинъ, представитель всѣхъ нашихъ извѣстныхъ лѣтописей, сообразивъ всѣ свидѣтельства, бывшія предъ его глазами:[1]

«Борисъ, имѣя нужду въ пособникахъ, открылся ближнимъ, изъ коихъ одинъ, Дворецкій Григорій Васильевичь Годуновъ, залился слезами, изъявляя жалость, человѣчество, страхъ

(1) Кар. X, 130—133.

Божій: его удалили отъ совѣта. Всѣ другіе думали, что смерть Димитріева необходима для безопасности Правителя и для государственнаго блага. Начали съ яда. Мамка Царевичева, Боярыня Василиса Волохова, и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили ему орудіемъ; но зеліе смертоносное не вредило младенцу, по словамъ лѣтописца, ни въ яствахъ, ни въ питіи. Можетъ быть, совѣсть еще дѣйствовала въ исполнителяхъ адской воли; можетъ быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея, къ досадѣ нетерпѣливаго Бориса, который рѣшился употребить иныхъ смѣлѣйшихъ злодѣевъ. Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ, Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова, одолженныхъ милостями Правителя; но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубствомъ; обязались только молчать, и съ сего времени были гонимы. Тогда усерднѣйшій клевретъ Борисовъ, дядька Царскій, Окольничій Андрей Лупъ-Клешнинъ, представилъ человѣка надежнаго, Дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатію звѣрства, такъ что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото; обѣщалъ болѣе и совершенную безопасность; велѣлъ извергу ѣхать въ Угличь, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей Царицы, не спускать глазъ съ обреченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Битяговскій далъ и сдержалъ слово.»

«Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличь сынъ его Данило и племянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. Успѣхъ казался легкимъ; съ утра до вечера они могли быть у Царицы, занимаясь ея домашнимъ обиходомъ, надзирая надъ слугами и надъ столомъ; а мамка Димитріева съ сыномъ помогала имъ совѣтомъ и дѣломъ. Но Димитрія хранила нѣжная мать!... Извѣщенная ли нѣкоторыми тайными доброжелателями или своимъ сердцемъ, она удвоила попеченія о миломъ сынѣ; не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью; выходила изъ комнаты только въ церковь; питала его изъ собственныхъ рукъ, не ввѣряла ни злой мамкѣ Волоховой, ни усердной кормилицѣ, Иринѣ Ждановой. Прошло не мало времени; наконецъ убійцы, не видя возможности совершить злодѣяніе втайнѣ, дерзнули на явное, въ надеждѣ, что хитрый и сильный Годуновъ найдетъ способъ прикрыть оное для своей чести въ глазахъ рабовъ безмолвныхъ: ибо думали только о людяхъ, не о Богѣ! Насталъ день, ужасный происшествіемъ и слѣдствіями долговременными: 15 Мая, въ субботу, въ шестомъ часу дня, Царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви, и готовилась обѣдать; братьевъ ея не было во дворцѣ; слуги носили кушанье. Въ сію минуту Боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ: Царица, думая итти съ ними же, въ какомъ-то несчастномъ разсѣяніи остановилась. Кормилица удерживала Царевича, сама не зная для чего; но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ

нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «Государь! у тебя новое ожерелье.» Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое»... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ; едва коснулся гортани его, и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали, и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда Царица вышла изъ сѣней на крыльцо... Девятилѣтній Святый Мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защищать его своею грудью; онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался, уже не слыхавъ вопля отчаянной матери... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ, и на убійцъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ: не кому было остановить ихъ; но Всевышній мститель присутствовалъ!»

Разберемъ всѣ обстоятельства:

Какъ! Борисъ не былъ убѣжденъ въ необходимости Димитріевой смерти! Онъ почелъ за нужное—*совѣтоваться!* Какой обыкновенный убійца (не говорю уже — правитель, будущій Царь, мнимый лицемѣръ) осмѣливается объявлять многимъ лицамъ о будущемъ своемъ преступленіи, и такимъ образомъ вручать имъ судьбу свою?

Для чего было Борису это хладнокровное *политическое* рѣшеніе Совѣта (котораго никакъ себѣ вообразить не льзя), что смерть Димитрія необходима для безопасности правителя и для государственнаго блага!!

Ядъ, которымъ начали дѣйствовать новые (!) соучастники Бориса, не вредилъ младенцу ни въ яствахъ, ни въ питіи... «Можетъ быть дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея!!» Такой піитической догадки оспоривать не нужно: существуютъ ли такіе злодѣи, которые согласны дать скрупулъ мышьяку, а не драхму? (Замѣтимъ, что этотъ Данило Волоховъ, у котораго здѣсь дрожали руки, первый, далъ, говорятъ, ударъ ножемъ Царевичу, также дрожащею рукою.)

И Борисъ не умѣлъ сыскать *одного* человѣка, съ руками потверже (который, казалось бы, только и нуженъ былъ ему съ самаго начала, вмѣсто всѣхъ совѣщаній и выборовъ), не умѣлъ сыскать одну знающую старуху, кои по нашимъ деревнямъ портятъ людей!

Нѣтъ: — Борисъ только что *досадовалъ*, и за неимѣніемъ способныхъ исполнителей рѣшился *перемѣнить* свое намѣреніе, и вмѣсто тихаго яда дѣйствовать звонкимъ ножемъ!

Что же? Этотъ опытный знатокъ людей открывается опять двумъ человѣкамъ (двадцатымъ?), которые отказываются исполнить его порученіе., и предаются гоненію! (даже и не

смерти?) Могъ ли Борисъ гнать сихъ людей и питать ихъ нерасположеніе къ себѣ, во всякомъ случаѣ для него опасное? Онъ вѣрно или убилъ бы ихъ, или наградилъ безъ мѣры. Наконецъ, отправляются въ Угличь Битяговскій, представленный Клешнинымъ, съ сыномъ и Качаловымъ, удостоенные также совершенной довѣренности Годунова... Не слишкомъ ли уже дешева эта довѣренность Борисова?

И Борисъ (который былъ такъ остороженъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что велѣлъ доносить, напримѣръ, себѣ всякое слово сосланнаго Филарета [1]) не умѣлъ *растолковать* убійцамъ (управлявшимъ домомъ и столомъ Царицы), чтобъ они сдѣлали свое дѣло какъ можно тише, осторожнѣе,—по крайней мѣрѣ не днемъ, не при свидѣтеляхъ, всего менѣе при кормилицѣ, преданной Нагимъ?

Какъ могла подозрительная мамка вывести Димитрія насильно изъ горницы въ сѣни? Какъ допустила она за собою вѣрную кормилицу, предвидя убійство? Какъ могла согласиться при ней на оное? Вѣдь оставаясь съ трупомъ и очевидною свидѣтельницею убійства, она подвергалась явной смерти! и проч. и проч.

Сколько невѣроятностей! Сколько несообразностей! Разсмотрѣвъ ихъ, неужели не льзя сказать рѣшительно, что если Димитрій убитъ по

(1) Кар. XI, 104.

повелѣнію Бориса Годунова, то по крайней мѣрѣ убійство произошло совсѣмъ не такъ, какъ повѣствуетъ Исторіографъ? [1] Лучше бы отказаться отъ нѣкоторыхъ разительныхъ, но басословныхъ подробностей, и разсказать это происшествіе суше, но истиннѣе.

Теперь сдѣлаемъ еще уступку, отстранимъ все невѣроятное, несообразное, замѣченное нами, какъ будтобъ его не было, и пойдемъ далѣе—разсмотримъ убійство съ первой минуты по его совершеніи, какъ оно оказалось въ публичномъ слѣдствіи, произведенномъ немедленно [2].

Здѣсь представляется предварительно любопытный вопросъ: кого прислалъ Ѳеодоръ, или лучше, Борисъ, произвести слѣдствіе?

Клешнина, своего пріятеля, Дьяка Вылузгина и Князя Василія Ивановича Шуйскаго,—Шуйскаго, котораго старшій братъ умерщвленъ, го-

---

(1) Здѣсь можно сдѣлать другое предположеніе: не убили ль Димитрія Битяговскій и другіе, безъ приказаній Годунова, — но желая услужить ему, какъ убили Ѳому Бекета, Кантербурійскаго Архіепископа, при Генрихѣ II, Королѣ Англійскомъ? — Такое предположеніе вѣроподобнѣе.—Но тогда чѣмъ объяснить розыскъ (см. ниже)? Развѣ предположеніемъ, что Борисъ велѣлъ потушить дѣло, въ которомъ, можетъ быть, поминалось его имя всуе?

(2) Димитрій убитъ въ полдень 15-го Мая, а слѣдователи пріѣхали въ Угличь (260 верстъ отъ Москвы) 10-го ввечеру.

ворятъ, Годуновымъ, который принадлежалъ къ фамиліи, дѣлавшей три страшные заговора противъ Правителя, [1] и самъ былъ нѣкогда въ опалѣ.

Если Борисъ былъ виноватъ, то какъ не устрашился онъ имѣть такого свидѣтеля противъ себя на всю жизнь? Положимъ, что Шуйскій увѣрялъ Бориса въ своей преданности,—но кто могъ ручаться за будущее, чтобъ онъ не передался когда-либо на сторону своихъ родственниковъ,- и при случаѣ не отмстилъ ихъ гонителю? Борисъ хорошо зналъ, какъ не прочны придворныя связи.

Съ другой стороны—какъ Шуйскій, подобно баснословнымъ Чепчугову и Загряжскому, не отказался, подъ благовиднымъ предлогомъ, отъ такого порученія, которое, кромѣ адскихъ мукъ, навлекало на него не только презрѣніе всего рода, но и ненависть Россіянъ, если при исполненіи его должно было очевидно, передъ тысячами людей, кривить душею. Вспомнимъ, какъ благородно и смѣло велъ себя Шуйскій при Лжедимитріѣ, на престолѣ, въ Польшѣ.

Теперь посмотримъ, что̀ нашли изслѣдователи?

Вотъ записка, сдѣланная самимъ Исторіографомъ, изъ показаній всѣхъ многочисленныхъ свидѣтелей, духовныхъ и свѣтскихъ, въ розыск-

---

(1) Кар. X, 9, 35, 76, 78.

номъ дѣлѣ, до насъ дошедшемъ, за собственноручною подписью сихъ послѣднихъ. [1]

«Димитрій, въ среду, Мая 12, занемогъ падучею болѣзнію; въ пятницу ему стало лучше: «онъ ходилъ съ Царицею къ обѣднѣ и гулялъ «на дворѣ; въ субботу, также послѣ обѣдни, «вышелъ гулять на дворъ съ мамкою, кормилицею, постельницею и съ молодыми жильцами; началъ играть съ ними ножемъ въ «*тычку*, и въ новомъ припадкѣ чернаго недуга «проткнулъ себѣ горло ножемъ, долго бился о «землю и скончался. Имѣя сію болѣзнь и прежде, Димитрій однажды уязвилъ свою мать, а «въ другой разъ объѣлъ руку дочери Андрея «Нагаго. Узнавъ о несчастіи сына, Царица прибѣжала и начала бить мамку, говоря, что его «зарѣзали Волоховъ, Качаловъ, Данило Битяговскій, изъ коихъ ни одного тутъ не было, «но Царица и *пьяный* братъ ея, Михайло Нагой, велѣли умертвить ихъ и Дьяка Битяговскаго, безвинно, единственно за то, что сей «усердный Дьякъ не удовлетворялъ корыстолюбію Нагихъ и не давалъ имъ денегъ сверхъ «указа Государева [2]. Свѣдавъ, что сановники «Царскіе ѣдутъ въ Угличь, Михайло Нагой велѣлъ принести нѣсколько самопаловъ, ножей, «желѣзную палицу, — вымазать оные кровью и «положить на тѣла убитыхъ, въ обличеніе ихъ

(1) Кар. X, 141.

(2) Эта причина — предположеніе городоваго прикащика Русина Ракова.

«мнимаго злодѣянія.» «Сїю нелѣпость утвер-«дили своею подписью Воскресенскій Архиман-«дритъ Ѳеодоритъ, два Игумена и Духовникъ «Нагихъ, отъ робости и малодушія: а свидѣ-«тельство истины, мірское, единогласное, было «утаено: записали только отвѣты Михаила На-«гаго, какъ бы явнаго клеветника, упрямо сто-«ящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ ру-«ки злодѣевъ.»

Во всѣхъ отвѣтахъ свидѣтелей нѣтъ ни слова о Борисѣ; нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, что убійство совершено по его приказанію.

«Но сіи допросы», говоритъ Исторіографъ,[1] «суть памятники безсовѣстной лживости Шуй-скаго;.. онъ допрашивалъ тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями; призывалъ кого хотѣлъ, писалъ что хотѣлъ.»

«Одни сіи допросы,[2] явно ознаменованные дѣйствіемъ страха, угрозъ, принужденія, совѣ-сти нечистой, свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова».

Всякой читатель, надѣюсь, согласится со мною, что Исторіографъ долженъ былъ подтвердить важныя свои обвиненія противъ Шуйскаго ка-кимъ-нибудь свидѣтельствомъ: иначе—можно ли осуждать человѣка по одному предположенію? Притомъ — почему Исторіографъ не указалъ намъ на явные для него признаки страха, уг-

(1) Кар. X, 138.—(2) Кар. X, пр. 238.

розъ, при допросахъ? Для другихъ вѣдь они могутъ быть непримѣтными.

Изъявивъ свое сожалѣніе о такомъ упущеніи, я предполагаю (довольно ли?), что весь городъ Угличь показалъ Князю Шуйскому на Битяговскаго, Качалова, Волохова, какъ на убійцъ Царевича, дѣйствовавшихъ по приказанію Бориса, — и начинаю разсматривать дѣло въ такомъ видѣ:

Кто былъ свидѣтелемъ убійства?

Только три женщины (съ нѣсколькими дѣтьми): мамка Волохова, преданная Борису, кормилица Тучкова, преданная Царицѣ (хотя сія послѣдняя и не совсѣмъ довѣряла ей), и постельница Колобова. — *Всѣ прочіе* могли только догадываться и судить по слухамъ, происходившимъ отъ двухъ пристрастныхъ лицъ. Но кому изъ нихъ вѣрить? Какъ Волохова могла выдумывать въ пользу Бориса, такъ кормилица могла лгать по повелѣнію Царицы, — и ихъ равносильныя свидѣтельства уничтожаются сами собою. Замѣтимъ еще, что первые слухи въ городѣ разнесены были только сею послѣднею стороною, ибо Борисовы слуги лежали мертвые, а другіе боялись подобной же участи.

Царицѣ должно было снять вину съ себя, если Димитрій погибъ отъ ея небреженія, и на кого естественнѣе могла она взложить ее, какъ не на градскихъ чиновниковъ, шпіоновъ, своихъ личныхъ непріятелей? Она могла бы не повѣрить даже своей кормилицѣ (какъ дѣлала пре-

жде), еслибъ и сія послѣдняя говорила согласно съ мамкою, что Царевичь покололся ножемъ, — и подозрѣвать Бориса и слугъ его.

И въ какомъ расположеніи духа была эта испугавшаяся женщина? Услышавъ о смерти Царевича, выбѣжала она изъ своей комнаты, схватила полѣно, и начала бить имъ мамку при трупѣ своего сына, пробила ей голову во многихъ мѣстахъ до крови, передала полѣно прибѣжавшему Григорью Нагому [1], и проч. (см. выше въ запискѣ изъ допросовъ). — Чрезъ два дня еще она велѣла, говорятъ, убить юродивую женку, которая жила у Битяговскаго, за то, что она портила Царевича. (И такъ онъ дѣйствительно былъ боленъ?)

Скажемъ теперь два слова о народѣ. Народъ, зная о непріязни Борисовой къ Димитрію, легко повѣрилъ правдоподобной выдумкѣ, самъ очень естественно возымѣлъ подозрѣніе на Правителя, — и градскіе чиновники (сбѣжавшіеся на шумъ), указанные Царицею и Нагими, или предугаданные имъ, сдѣлались жертвою его *слѣпаго бѣшенства*, какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ случаяхъ. Такъ умертвилъ онъ прежде убійцъ, мнимыхъ или истинныхъ, Михаилу Битяговскаго и Данилу Третьякова, которыхъ не назвала самая кормилица, и потомъ великодушнаго слугу Данилы Волохова, который бросился было на своего господина, желая защи-

(1) Соб. Гос. Гр. II, 107.

тить его жизнь, и другаго слугу Волоховой, который изъ жалости надѣлъ на нее шапку, потому что она стояла предъ народомъ простоволосая, и нѣсколько гражданъ.

Царица, Нагіе и граждане, совершивъ самовольно казнь, не должны были впредь для своего оправданія доказывать вину казненныхъ? Слѣдовательно — что могли бъ мы заключить противъ Бориса, еслибъ и цѣлый Угличь противъ него свидѣтельствовалъ?

Скажутъ: слѣдствіе можно бъ произвесть лучше и дознаться до истины; но если этого не сдѣлано, то мы не имѣемъ права дополнять его теперь своими произвольными догадками, — не смѣемъ даже сказать утвердительно, что слѣдователи не должны были довольствоваться узнанными обстоятельствами.

Предложимъ теперь нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

Кàкъ очутились на дворѣ дѣти, если Димитрій убитъ у крыльца тотчасъ по выходѣ изъ комнаты?

Неужели убійцы не предвидѣли, что въ городѣ произойдетъ волненіе, и не приняли никакихъ мѣръ къ своему спасенію? (Иные лѣтописатели говорятъ, что они отбѣжали 12 верстъ, но воротились назадъ.)

Борисъ не зналъ, по крайней мѣрѣ, когда со-

вершится это нелѣпое убійство: какъ же могъ онъ вдругъ придумать всѣ средства (представленныя у Исторіографа), перехватить гонцевъ, переписать грамоты, приготовить допросы со всѣми *мелкими* [1] подробностями? и проч.

Неужели Шуйскій явно заставлялъ гражданъ подписываться подъ готовыми отвѣтами?

Какъ Борисъ рѣшался до такой степени обнаруживаться предъ тысячами своихъ подданныхъ?

Царица была пострижена и заключена въ монастырь. Всѣ Нагіе, сіи справедливые или несправедливые обвинители Бориса, остались въ живыхъ (знакъ доброты его), и дожили до лучшей участи при Лжедимитріѣ.

Еще—не естественно ли подумать, что Шуйскій, оказавъ Борису такую услугу, сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ къ нему? Совсѣмъ нѣтъ: въ остальныя семь лѣтъ царствованія Ѳеодорова и семь лѣтъ царствованія Борисова онъ оставался въ одномъ положеніи, безъ особенныхъ знаковъ дружбы, даже милости Борисовой.

И такъ, до сихъ поръ нѣтъ *уликъ* противъ Бориса?

Станемъ искать дальше.

---

(1) См. слѣдственное дѣло о убіеніи Царевича Димитрія въ Собраніи Госуд. Грамотъ, II, 103—123.

Прошло нѣсколько лѣтъ: скончались Θеодоръ, Борисъ, достигшій цѣли своихъ желаній; погибъ Лжедимитрій рукою Князя Василія Ивановича Шуйскаго, и наконецъ сей Князь вступилъ, по избранію, на Всероссійскій Престолъ. Въ сію послѣднюю эпоху являются новыя важныя доказательства противъ несчастнаго Годунова.

Инокиня Марѳа (прежняя Царица, Марія Нагая), въ грамотахъ, писанныхъ ею всей Россіи, по желанію Шуйскаго, сказала между прочимъ, что настоящій сынъ ея убитъ въ Угличѣ «отъ Бориса Годунова [1]».

Но можетъ ли Исторія принимать въ уваженіе слова этой безхарактерной женщины, къ сожалѣнію милостиво осужденной Исторіографомъ, которая ложными своими показаніями о Лжедимитріѣ причинила столько бѣдствій нашему отечеству, и ввела въ такой соблазнъ нашихъ предковъ? Сама она прежде чрезъ Крутицкаго Митрополита Геласія просила Патріарха Іова объ исходотайствованіи ея братьямъ прощенія у Царя за беззаконное убіеніе Битяговскаго съ товарищами! Мы замѣтили (см. выше), что она естественно могла подозрѣвать Бориса; наказаніемъ, ею понесеннымъ (ее постригли, и она жила 13 лѣтъ въ Выксинскомъ монастырѣ), это подозрѣніе, разумѣется, утвердилось; она пита-

(1) Соб. Гос. Гр. II, 307. — (2) Слѣд. дѣло въ Соб. Гос. Гр. II, 120.

ла ненависть къ своему гонителю, справедливо или нѣтъ, и своими словами хотѣла отмстить ему. Притомъ, такое показаніе было нужно новому Царю (см. ниже): вотъ чѣмъ преимущественно опровергаются ея слова.

Свидѣтельство сего Царя, Василія Ивановича Шуйскаго, противъ Бориса есть *самое важное* изъ всѣхъ разобранныхъ нами доселѣ: въ грамотахъ, разосланныхъ имъ, по вступленіи своемъ на престолъ, во всѣ города о послѣднихъ происшествіяхъ, онъ сказалъ также, что Димитрій убитъ по повелѣнію Бориса Годунова. — Разсмотримъ это свидѣтельство.

Прежде всего сдѣлаемъ слѣдующее положеніе: сказавъ въ одномъ оффиціальномъ актѣ (слѣдственномъ дѣлѣ), что Димитрій убился самъ, а въ другомъ, что былъ убитъ, Шуйскій солгалъ въ которомъ-нибудь изъ двухъ случаевъ. Это математически вѣрно.

Въ которомъ же случаѣ солгалъ Шуйскій? (Въ противномъ будетъ заключаться истина.)

О первомъ мы сказали уже свое мнѣніе, и отсылаемъ туда нашихъ читателей. [1]

Теперь поговоримъ о второмъ. Шуйскій писалъ упомянутую грамоту 2-го Іюня, по убійствѣ Лжедимитрія. Въ какихъ обстоятельствахъ онъ находился? Ему непремѣнно надобно было самыми очевидными доказательствами убѣдить

---

(1) См. выше, с. 284.

приверженцевъ Самозванцевыхъ и прочихъ Россіянъ, все еще сомнѣвавшихся, особенно по отдаленнымъ областямъ, что имъ умерщвленъ не истинный Димитрій, и что они должны быть преданы новому Царю, какъ своему избавителю. Чѣмъ могъ онъ убѣждать въ этомъ болѣе, какъ не свидѣтельствомъ матери и святостію злополучнаго младенца Димитрія, коего тѣло велѣлъ онъ перенести тогда изъ Углича въ Моску? [1] — Къ сожалѣнію, онъ подумалъ, что святость сію можно доказать только невинною гибелью отъ Бориса; онъ не понималъ, что цар-

---

(1) Вотъ описаніе сего перенесенія, изъ Филаретовой рукописи: «Егда убо во градъ входятъ, тогда ощутиша граждане приходъ «ихъ, и внезапу стечеся весь градъ, мужи и жены... Цареву по«велѣнію едва повинующеся, и послѣднее цѣлованіе живоносному «мертвецу отдающе своему Государю, и надгробныя пѣсни пла«чемъ и воплемъ испущаху, якожъ и при погребеніи праведнаго, «такожде и нынѣ о пренесеніи его плачевне рыдаху. И ту пер«вѣе преблагій Богъ прослави угодника своего: снимающе убо «гроба его Святителіе и Боляре не могуще обрѣсти и желаемое «ими многоцѣлебное тѣло узрѣти, и на многи часы труждающеся «и постящеся, стѣсняеми многою мыслію, непщующе, яко аще нѣ«кто боголюбивый, прозрѣвъ пренесеніе, хотящее быти отъ Угле«ча града, и не хотя лишитися таковаго сокровища, на ино мѣ«сто сокровеннѣ преложи, или пока мняще, яко недостойни суще «таковое желаніе получити, и сего ради, обратившеся ко Госпо«ду, начаша умильно молити богатодавца Бога, да таковое пока«жетъ имъ безцѣнное сокровище, и начаша *молебны пѣти* и «всемірно молити. И во время святаго того пѣнія внезапу узрѣв«ше изъ десныя страны, яко дымъ исходящъ дыханіе благовонно, «и отъ неначаемыя радости начаша копати мѣсто оно и абіе об«рятше некрадомое сокровище, многобогатый гробъ, вмѣстившій «тѣло блаженнаго Царевича...» (Кар. XII, пр. 23).

ственный младенецъ, съ перваго года своей жизни подверженный гоненіямъ, оскорбляемый, лишаемый правъ своихъ, наконецъ невинно погибшій, по повелѣнію Бориса, или только по его тайному желанію, или небреженію Нагихъ, ознаменованный въ своей опальной могилѣ чудесными знаменіями, равно святъ для всякаго благочестиваго Россіянина, долженствующаго видѣть въ немъ залогъ небеснаго благоволенія къ своему отечеству: онъ не понималъ этого и не усомнился оскорбить память человѣка, злѣ погибшаго съ родомъ своимъ. Замѣтимъ наконецъ, что чрезъ нѣсколько времени по пренесеніи въ Москву тѣла Святаго Мученика, онъ велѣлъ, какъ бы для примиренія своего съ совѣстью, «пышно и великолѣпно перенести тѣла Бориса, Маріи и юнаго Ѳеодора изъ бѣдной обители Св. Варсонофія въ знаменитую Лавру Св. Сергія». [1]

Патріархъ Іовъ въ своей прощальной грамотѣ съ народомъ, по случаю новыхъ возмущеній при Шуйскомъ, превозноситъ Бориса, а о Димитріѣ говоритъ: «пріятъ закланіе неповинно отъ рукъ измѣнникъ своихъ.» [2] Іовъ, сверженный при Лжедимитріѣ, вызванъ былъ тогда Шуйскимъ для великаго земскаго дѣла изъ своего жилища: народъ въ Успенскомъ Соборѣ торжественно просилъ у него прощенія въ прежнихъ своихъ преступленіяхъ. Старецъ даровалъ оное, изрекъ наставленіе, подтвер-

(1) Кар. XII, 36.—(2) Кар. XII, пр. 208.

дилъ истину убіенія Лжедимитріева, — и дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него, и что самъ Всевышній устами праведника изрекъ помилованіе, и проч. [1] Могъ ли бы Іовъ, другъ и слуга Борисовъ, произвесть такое дѣйствіе, еслибъ принималъ участіе въ убіеніи Святаго Димитрія, только что тогда въ Москву перенесеннаго, которое лѣтописи и Исторіографъ ему приписываютъ?

Бояре въ своей грамотѣ, писанной прежде Шуйскаго, говорятъ только, что Димитрій погибъ въ Угличѣ, «да и мать Царевича Димитрія, Царица Инокиня Марѳа, и ея братъ Михайло Нагой, съ братьею, всѣмъ людемъ Московскаго Государства подлинно сказывали, что сынъ ея Царевичь Димитрій умре подлинно и погребенъ на Угличѣ. [2]» Нельзя ли заключить отсюда, что Шуйскій сначала, при отправленіи сей грамоты съ его вѣдома, не думалъ еще приписать убійство Борису, и уже потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе? Важно здѣсь и то обстоятельство, что въ первой своей грамотѣ, отъ 20 Мая, самъ онъ не упомянулъ ни слова объ убіеніи Царевича Димитрія.

Теперь остается мнѣ поговорить о нашихъ лѣтописяхъ.

---

(1) Кар. XII. с. 46—50. — (2) Соб. Гос. Гр. II, 300.

Замѣтимъ предварительно, что пользоваться ими должно очень осторожно, особенно при этомъ случаѣ. Мы видѣли, что въ самомъ Угличѣ немногіе знали истину, и ее трудно было найти даже въ первые дни по совершеніи убійства, тѣмъ болѣе, что главныя дѣйствующія лица съ той и другой стороны имѣли выгоду искажать ее. Откуда же почерпали извѣстіе лѣтописатели? По большей части изъ невѣрныхъ слуховъ и преданій. Къ этому прибавимъ, что къ несчастію Бориса стеклось много обстоятельствъ, по коимъ цѣлыя поколѣнія не могли судить о немъ безпристрастно. Вспомнимъ, что послѣ него вступилъ на престолъ Лжедимитрій, который твердилъ собою вездѣ и всѣмъ, что онъ спасся изъ-подъ ножа Борисова; за нимъ слѣдовалъ Шуйскій, по неволѣ почти, какъ мы видѣли выше, принужденный клеветать на него,—и наконецъ, фамилія Романовыхъ, которая была имъ гонима.

Духовные лѣтописатели сего времени были очень несправедливы къ Борису; это ясно видѣть можно изъ того, что они приписываютъ ему, кромѣ убіенія Димитрія, такія преступленія, которыя можно опровергнуть оффиціальными актами. Представимъ нѣсколько примѣровъ, разсѣянныхъ у самого Исторіографа по примѣчаніямъ.

Извѣстно, что Ѳеодоръ при самомъ вступленіи своемъ на престолъ имѣлъ очень слабое здоровье, и, не смотря на то, прожилъ еще че-

тырнадцать лѣтъ и умеръ послѣ продолжительной болѣзни: между тѣмъ Архивская Псковская лѣтопись говоритъ, что его отравилъ Борисъ, хотя сей послѣдній одинаково царствовалъ и при немъ, какъ безъ него. (Даже примѣтно, что это извѣстіе тамъ вставлено; вотъ по какому случаю оно разсказывается: «Княгиня Дмитреева Шуйскаго жена бѣ сестра Борисовы жены Годунова, иже отравою окорми Царя Ѳеодора». Къ какой это стати?) То же должно сказать и о Морозовской, Латухинской лѣтописяхъ, кои приписываютъ смерть Ѳеодорову Борису. Въ послѣдней о смерти Ѳеодора вотъ какія баснословныя подробности: Борисъ пришелъ съ ядомъ во дворецъ. Государь «позна въ немъ чрезъ Св. Духа проклятую мысль, и рече: О любимый правитель мой! твори почто пришелъ еси... Подаждь ми уготованную чашу пити.» Борисъ взялъ чашу, налилъ въ нее меду, отворотился и насыпалъ яду,—и такъ далѣе, еще нелѣпѣе. [1]

Извѣстно, съ какою великою честію и любовію принялъ Борисъ Датскаго принца Іоанна, жениха Ксеніи. Сей несчастный Принцъ занемогъ въ Москвѣ и умеръ,—смерть его была несчастіемъ для неутѣшнаго Бориса,—а Никоновская лѣтопись обвиняетъ Бориса въ запрещеніи вылечить больнаго, за то, что его слишкомъ полюбилъ народъ. [2] (Лѣтописатель забылъ, что

(1) Кар. X, 266.—(2) Кар. XI, 45 54.

Борисъ не наказалъ по достоинству даже Шведскаго Густава, имъ облагодѣтельствованнаго и уличеннаго въ неблагодарности [1]. — Въ этомъ родѣ какія басни еще разсказываютъ у насъ о гоненіяхъ его надъ семействомъ Магнуса ! [2])

Извѣстна щедрость Борисова, послѣ большихъ Московскихъ пожаровъ, во время голода, въ походахъ,— а нѣкоторые лѣтописатели говорятъ, что онъ ѣздилъ со слугами по ночамъ грабить домы Боярскіе!

«Борисъ велѣлъ, говорятъ лѣтописатели, удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова»; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда: мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у пристава его было 450 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. [3]

Хрущовъ говорилъ Самозванцу, что Борисъ погубилъ свою сестру Ирину, монахиню, которая была главною причиною его возвышенія, и ничего не приносила ему кромѣ пользы въ своемъ монастырѣ,—которую любилъ онъ нѣжно. Другіе обвиняютъ Бориса еще въ ослѣпленіи Татарскаго князя Симеона. [4]

---

(1) Кар. X, 35.—(2) Кар. X, 80.—(3) Кар. X, 106. — Исторіографъ предлагаетъ сіе извѣстіе вотъ какъ: «если вѣрить лѣтописцу, то Борисъ велѣлъ, и проч., но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что, и проч.» — Зачѣмъ же вѣрить лѣтописцу?

(4) Кар XI, 215.

Многіе приписываютъ ему нашествіе Крымцевъ, Московскіе пожары, и проч.

Вѣроятно, что Борису не было нужды отравиться, ибо дѣла его находились въ хорошемъ положеніи, и онъ, по справедливому замѣчанію Карамзина, никакъ не рѣшился бы оставить любезное свое семейство безъ помощи, а многія наши лѣтописи говорятъ, что онъ такимъ образомъ лишилъ себя жизни.[1]

Изъ сихъ нелѣпыхъ обвиненій нельзя ли заключить, хоть по аналогіи, что и первое преступленіе, убіеніе Димитрія, приписывалось ему отъ предубѣжденія?

Съ этой точки должно разсматривать и другія два пятна на Борисовой славѣ, которыми помрачили его наши лѣтописатели: я говорю о гоненіи на Шуйскихъ и Романовыхъ.

Они совершенно объясняются желаніемъ Бориса утвердиться на престолѣ, и много извиняются обстоятельствами, духомъ времени, грубостію тогдашнихъ нравовъ.

Въ первомъ отношеніи вспомнимъ, что Шуйскіе дѣлали три заговора противъ Бориса, искали его погибели,—онъ поступалъ съ ними великодушно, и наконецъ, подстрекаемый своими ближними, рѣшился для своего спасенія удалить ихъ, рѣшился на казнь нѣкоторыхъ,

---

(1) Кар. X, 180.

можетъ быть и недостовѣрную, ибо она разсказывается только непріязненными лѣтописателями, тѣми самыми, кои обвиняютъ Бориса въ другихъ преступленіяхъ по явной несправедливости. Такъ, напримѣръ, для меня кажется весьма сомнительнымъ удавленіе Князя Ивана Петровича, краснорѣчиво описанное Исторіографомъ. Вспомнимъ, что многимъ Боярамъ, проникнутымъ духомъ мѣстничества, непріятно было видѣть Царемъ своего брата, и они вѣроятно пользовались всѣми удобными случаями, чтобъ разсѣвать дурные слухи о гоненіи имъ знаменитѣйшихъ родовъ.

Теперь о заточеніи Романовыхъ. — Романовы были родные дяди Θеодору, и во время междуцарствія первая мысль Россіянъ устремилась на послѣднюю ихъ отрасль, Михаила: — очевидно, что они были Борису опасные совмѣстники, и онъ сослалъ ихъ въ заточеніе, въ слѣдствіе разныхъ доносовъ, можетъ быть справедливыхъ (въ глазахъ его), можетъ быть несправедливыхъ, дѣланныхъ людьми, которые желали тѣмъ угодить Царю, способному къ легковѣрію въ обстоятельствахъ, опасныхъ для него и для его семейства. [1] Самъ Филаретъ считалъ себя жертвою только навѣтовъ Боярскихъ. [2] Однако, въ скоромъ времени, меньше чѣмъ черезъ годъ, Борисъ улучшилъ ихъ участь и даже принялъ вновь въ государственную службу. Замѣтимъ еще (важное обстоятельство), что Романовы были

(1) Кар. X, 101 – 107. – (2) с. 104.

для него гораздо опаснѣе въ царствованіе Ѳеодорово, нежели въ его собственное, и однакожъ онъ тогда не коснулся до нихъ,—слѣдовательно Борисъ дѣйствовалъ не слѣпо, не страстію руководимый; видно, въ послѣднее время обнаружились какія-либо подозрѣнія на нихъ, если не истинныя, то правдоподобныя.

Касательно грубости нравовъ вспомнимъ, что Князь Пожарскій, чрезъ годъ по освобожденіи имъ Москвы отъ Поляковъ, выданъ былъ головою Салтыкову, который слѣдовательно имѣлъ право высѣчь его розгами; вспомнимъ, что удивленіе Россіи и враговъ ея, мужественный Шеинъ, чрезъ 25 лѣтъ послѣ своей блистательной борьбы со всею Польшею, былъ казненъ за мнимую измѣну.

Это объ нашихъ лѣтописяхъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одной, можетъ быть, безъ нелѣпостей, исчезающихъ при критическомъ сравненіи.

При разборѣ иностранныхъ свидѣтельствъ: Маржерета, приверженнаго къ Лжедимитрію,— Флетчера, который баснословитъ намъ, что кормилица Димитрія, отвѣдавъ кушанья для него приготовленнаго, тотчасъ умерла, между тѣмъ какъ она жила долго послѣ,— Паерле, который говоритъ, что Борисъ присылалъ отравителей къ Отрепьеву,— Гревенбруха, который называетъ сего послѣдняго Hinsko Otiopeion,— Бера, который говоритъ, что Борисъ жилъ какъ

левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ песъ, и баснословитъ о смерти Самозванцевой,— Петрея, который разсказываетъ намъ явную сказку о назначеніи Өеодоромъ наслѣдника— должно быть еще осторожнѣе.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ теперь дѣло Царя Бориса.

Соединивъ теперь всѣ собранныя мною доказательства за него и противъ него, я представляю все дѣло на судъ Уголовной Палаты, по существующимъ *нынѣ* законамъ.

Не должна ли она оставить Бориса только въ подозрѣніи, и подозрѣніи слабомъ?

Какъ! нынѣшняя Уголовная Палата должна оставить Бориса только въ подозрѣніи, а Исторія, имѣя на своихъ вѣсахъ еще двадцатипятилѣтіе благодѣяній Борисовыхъ Россіи, осмѣливается произносить рѣшительный приговоръ! Нѣтъ, нѣтъ! Мы будемъ справедливы къ сему великому мужу, который такъ хорошо понималъ добродѣтель, если не сердцемъ, то по крайней мѣрѣ плодовитымъ умомъ своимъ,—который въ продолженіе своего блистательнаго правленія возвелъ Россію на высокую степень могущества и славы,—который въ торжественную минуту своего помазанія на престолъ обѣщался отдать послѣднюю рубашку съ плеча неимущему подданному, и никогда не измѣнялъ сему священному обѣту,—который хотѣлъ учре-

дить Университетъ въ Москвѣ, въ 1600 году вмѣсто 1755-го: будемъ справедливы къ нему, и, по крайней мѣрѣ, въ свое оправданіе соберемъ со всевозможнымъ тщаніемъ всѣ свидѣтельства о его жизни, разсмотримъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, постараемся всѣми силами открыть истину, въ продолженіе вѣковъ сокровенную, — и самые недостатки его, при великихъ доблестяхъ, припишемъ бренной скудели человѣческой. Борисъ вѣрно услышалъ съ удовольствіемъ о смерти Димитріевой, благопріятствовавшей его намѣреніямъ; но за это удовольствіе онъ заплатилъ слишкомъ дорого: собственною смертію, ужасною гибелью добродѣтельной супруги своей и любимаго сына, еще ужаснѣйшею жизнію своей прекрасной дочери и громкимъ проклятіемъ двухъ вѣковъ. Можетъ быть, за это же удовольствіе неумытная судьба оставила на память вѣкамъ нѣкоторыя причины обвинять его въ смерти, имъ только желанной; съ другой стороны — можетъ быть, въ вознагражденіе за излишнюю свою кару она утаила отъ насъ нѣкоторыя обстоятельства, по коимъ можно бъ было рѣшительно приписать ему ужаснѣйшее изъ преступленій. Не будемъ строже судьбы!...

Въ заключеніе замѣчу, что самъ Исторіографъ прежде (въ замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ) былъ расположенъ защищать Бориса, и *первый*, къ славѣ своей, замѣтилъ несправедливость лѣтописей: удивительно, что послѣ въ Исторіи онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, не показавъ причинъ, которыя его къ тому побудили.

НѢЧТО ОБЪ ОТРЕПЬЕВѢ.

НѢЧТО ОБЪ ОТРЕПЬЕВѢ.

Кàкъ у молодаго Русскаго дьякона, въ блистательное царствованіе могущественнаго Бориса, среди Москвы, могла зародиться въ головѣ мысль, безумная и несбыточная, принять имя Царевича, въ гибели котораго четырнадцать лѣтъ никто не сомнѣвался?

Признаюсь, это для меня непостижимо, и я рѣшаюсь допустить предположеніе, что первую мысль дали ему — *Іезуиты*. Мысль, достойная ордèна, который, можетъ быть, именно ею показалъ nec plus ultra своей хитрости и предпріимчивости.

Есть письмо, говоритъ Карамзинъ, отъ Краковскихъ Іезуитовъ къ другимъ братьямъ ордена, изъ котораго видно, что Іезуиты узнали Отрепьева въ Литвѣ уже подъ именемъ Димитрія, и не Католикомъ, а сыномъ Греческой церкви [1]. — Но могъ ли иначе оглашать свои

(1) Кар. XI, пр. 213.

замыслы и казни въ то время истинный виновникъ сей мысли, или его братія? Принятіе Отрепьевымъ Католической вѣры въ Польшѣ могло быть комедіею, для Поляковъ, по плану изобрѣтательныхъ Іезуитовъ, въ доказательство, что они прежде не были съ нимъ знакомы. – Вспомнимъ, что это письмо было уже напечатано въ 1618 году, — вспомнимъ, что замыслъ не удался, и Іезуиты, можетъ быть, хотѣли снять съ себя подозрѣніе,—и мало ли, почему еще нельзя слишкомъ уважать это подозрительное письмо? Будемъ надѣяться, что изъ тайныхъ архивовъ Іезуитовъ мы получимъ когда-нибудь объясненіе этого удивительнаго явленія въ Россійской Исторіи.

Всѣхъ лучше объ Отрепьевѣ у насъ разсуждалъ покойный Митрополитъ Платонъ, въ своей Церковной Исторіи. [1] Предлагаю отрывокъ изъ нее, въ которомъ читатели увидятъ многое въ пользу предложенной догадки:

«Утверждая общее со всѣми нашими писателями, что Гришка не былъ Царевичь Димитрій, но точный самозванецъ, отваживаюсь изъявить мое новое мнѣніе, что сей первый самозванецъ не былъ и Гришка Отрепьевъ, дворянина Галицкаго сынъ, но *нѣкто подставной*, отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или Россіянинъ, или можетъ быть и самый Гришка Отрепьевъ, Галицкаго мелкаго дворянина сынъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовлен-

(1) Стр. 167—179.

ный, расположенный и обработанный: а не тотъ, каковаго наши лѣтописцы выдаютъ; или и тотъ, но не такимъ образомъ все сіе дѣло происходило, какъ они описываютъ, утверждая свое описаніе только по однимъ наружнымъ и открывшимся обстоятельствамъ, а не проницая во глубину сего злохитраго и огромнаго замысла.

«И такъ я мню, что скоро по убіеніи Царевича Димитрія, какъ многіе поражены были слухомъ о его неповинной смерти, и что чрезъ сіе царскій корень пресѣкся, и ненавидя Царя Бориса, который, чрезъ сіе убійство и чрезъ разныя царскаго рода мужей изгнанія и умерщвленія, самъ сталъ Царемъ: и потому почти общее всѣхъ было неудовольствіе и роптаніе. Сіе неудовольственное народа расположеніе слыша и видя, нѣкоторые враждебные, и конечно изъ Поляковъ, яко всегдашнихъ Россіи враговъ [1], скоро по убіеніи Царевича Димитрія подхватили къ себѣ въ Польшу другаго ли кого, или самого Гришку Отрепьева, сходнаго съ лѣтами Царевича Димитрія, лѣтъ девяти или десяти, и нѣсколько похожаго на него лицемъ, взявъ его

(1) Какіе же Поляки? Правительство Польское? Нѣтъ, не слабоумному Сигизмунду III выдумать такое предпріятіе: онъ не умѣлъ пользоваться и тѣмъ, что̀ попадалось ему подъ руки. Притомъ, Правительство Польское помогало очень мало Самозванцу.—Частные люди? Такихъ длинныхъ дѣлъ частные люди физически предпринимать не могутъ.— Притомъ изъ частныхъ людей должно бы непремѣнно указать на Мнишка, а онъ не бывалъ прежде въ Россіи, и проч. и проч.—Нѣтъ, не Поляки, а Іезуиты играли здѣсь главную роль.

къ себѣ, и изучивъ его въ *Польшѣ* наукамъ, Латинскому и Польскому языку, и вложивъ въ него мысли, чтобъ ему себя назвать Царевичемъ Димитріемъ, и показавъ ему всѣ тѣ способы и хитрости, какими ему сіе дѣло производить, отправили его въ Россію, державъ у себя лѣтъ пять или шесть: и конечно отправили не одного: ибо никакъ бы онъ по младости лѣтъ такое отважное дѣло самъ собою предпріять и производить не могъ: а отправили съ нимъ одного, или двухъ изъ хитрѣйшихъ духовъ, кои бы его во всемъ наставляли и руководствовали, и кои, хотя очень скрытно, но неотступно тамъ близко были, гдѣ онъ находился.

«Разсудили же его отправить въ Россію, чтобъ онъ тамъ во-первыхъ себя открылъ чрезъ разные яко ненарочно разсѣваемые слухи, что онъ и учинилъ: а чрезъ то болѣе дать сему вымыслу вѣроятности, что онъ аки бы не отъинуду вышелъ, но изъ самой средины Россіи.

«Что же приговорено, дабы онъ постригся и опредѣлился бы жить въ Чудовѣ монастырѣ, и сіе примѣчается, учинено для того, дабы подъ симъ покрываломъ не столь обратить вниманія на себя, и бывъ близъ Патріарха и Двора удобнѣе все высматривать и выслушивать, а чрезъ то нужныя для себя дѣлать примѣчанія и заключенія [1]. Ежелибъ Гришка былъ подлинный

(1) Еслибъ я не былъ увѣренъ, что истинный Димитрій погибъ въ Угличѣ, то сдѣлалъ бы, можетъ быть, странное предположеніе, что онъ принималъ на себя имя Отрепьева въ Москвѣ (и слѣдо-

Царевичь: то постригъ свой конечно бъ учинилъ онъ съ совѣта своей матери и ближнихъ сродниковъ, которые никогда бъ не присовѣтовали ему постричься, кольми паче посвящену быть во Іеродіакона, ибо тогдашнее общее было въ Россіи увѣреніе, что постригшися, не льзя уже съ себя монашества снять; кольми паче вступить въ какую-либо свѣтскую должность. Видимъ мы сіе, кромѣ другихъ многихъ примѣровъ, на Филаретѣ Никитичѣ и на Царѣ Васильѣ Ивановичѣ, изъ коихъ перваго, дабы лишить надежды когда-нибудь помышлять о притязаніи на Россійскій Престолъ: а другаго, лиша царствованія, чтобъ онъ не почитался уже могущимъ вступить въ правленіе государства, приказали ихъ постричь: перваго Царь Борисъ, а другаго Поляки со измѣнниками Русскими.

« Но ежели Гришкино дѣло производилось не отъ Россіянъ и не отъ Россійской вѣры людей, то они сіе постриженіе почитали за ничто, и нимало не препятствующимъ имѣть требованіе на Царскій Престолъ, когдабъ къ тому возможность и случай открылися.

«Положивъ таковое мнѣніе, удобно рѣшить всѣ сомнѣнія и развязать всѣ запутанности, какія въ семъ дѣлѣ встрѣчаются.

вательно былъ самозванцемъ, только въ другомъ родѣ); это предположеніе было бы гораздо правдоподобнѣе многихъ утвержденій въ нынѣшней Исторіи этого періода.

Мнѣніе же сіе утверждаю я нижеслѣдующимъ: 1). Совсѣмъ непостижимо, а потому и невозможно, чтобъ мелкаго дворянина сыну, въ дальномъ и дикомъ Галицкомъ уѣздѣ воспитанному, и въ самой младости, 14 или 15 лѣтъ, сущему могло притти когда на мысль, чтобъ себя почесть и разглашать, что онъ Царевичь Димитрій. Но положивъ то, что прежде мною сказано, сему быть было возможно и удобно. — 2). Положивъ, что онъ былъ Царевичь Димитрій, какую онъ самъ собою надежду имѣлъ бѣжать въ Польшу и тамъ найти себѣ пособіе? Сколько онъ ни былъ младъ, не могъ не быть неизвѣстенъ, что Поляки всегда враждебно были къ Россіи расположены: а потому могъ видѣть, или когда не онъ, то сродники его, ибо онъ безъ совѣта ихъ сего предпріять не дерзнулъ бы, что Поляки его или пренебрегутъ, или умертвятъ, или случай сей подхватятъ, яко удобный къ разоренію Россіи и къ завладѣнію ея. И то и другое должно было отвратить его отъ сего предпріятія. Ибо онъ провозгласивъ себя Царевичемъ, ничего бъ не выигралъ для себя, а всѣ выгоды доставлялъ бы однимъ врагамъ Россіи, Полякамъ. Можно ли вообразить, чтобъ какой-нибудь природный Россіянинъ, и по-Русски воспитанный, на сіе отважиться не устрашился? Но положивъ, что уже онъ въ Польшѣ нѣсколько лѣтъ жилъ, и тамъ воспитанъ, и ко всему приготовленъ, и лестно обнадеженъ, и тамошнюю вѣру принялъ, и къ нравамъ ихъ привыкъ, и къ тому призыванъ, или паче веденъ былъ то все оное удобно статься могло; и онъ въ

Польшу шелъ, яко на готовое [1]. 3). Привязанность Самозванца къ вѣрѣ Латинской, а пренебреженіе своей и обѣщаніе торжественное, да потому и стараніе всемѣрное, чтобы всю Россію обратить въ Латинскую вѣру и заставить покланятися идолу Римскому, есть несумнительный доводъ, что онъ былъ или не Россіянинъ, или и Россіянинъ Гришка Отрепьевъ, но еще въ младолѣтствѣ въ Польшу захваченный, тамъ обучившійся и принявшій ихъ вѣру, и къ ней лестными, хотя обманчивыми надеждами привязанный. Ибо извѣстно, какое было тогда воспитаніе царскихъ въ Россіи дѣтей, да и всѣхъ вообще дворянъ. Къ вѣрѣ своей и ко всѣмъ ея обрядамъ были они привержены, даже до суевѣрія. И малымъ ея, или обрядовъ ея, нарушеніемъ зѣло соблазнялись, и всѣхъ, а особливо Латинъ, *погаными* почитали. Самозванецъ былъ, конечно, воспитанъ, яко въ Галичѣ, и малозначущаго дворянина сынъ, въ грубости и невѣжествѣ, и едва ли граматѣ знать могъ. Ибо тогда и знатные вельможи многіе граматѣ не умѣли. А сіе невѣжество тѣмъ болѣе ко всѣмъ и мелкимъ наружностямъ вѣры весьма привязывало. Какъ же бы Царевичь Россійскій, или хотя дворянскій сынъ могъ такое оказать къ своей вѣрѣ и ко всѣмъ ея обрядамъ пренебреженіе и къ Россійскому духовенству презрѣніе? Такъ, что уже вѣру свою не называлъ *своею*,

---

(1) Прибавимъ къ этому, что въ нашихъ лѣтописяхъ весьма неопредѣленно говорится о жизни Отрепьева до постриженія или даже до пребыванія въ Москвѣ (см. ниже).

но вѣрою *ихъ*, то есть, вѣрою Русскихъ, а не своею. Но положивъ, что уже онъ въ Польшѣ былъ воспитанъ, и тамошнюю вѣру принялъ, и хитрыми хитрыхъ учителей внушеніями преисполненъ, все то не удивительнымъ, но прямымъ изъ того слѣдствіемъ покажется [1]. 4). Сказавъ о воспитаніи тогдашнемъ Россіянъ и самыхъ дворянъ, кто не удивится, что Самозванецъ, какъ лѣтописцы наши пишутъ, *былъ не только искусенъ въ чтеніи, но и въ письмѣ, такъ, что Патріархъ Іовъ заставилъ его книги у себя переписывать: а еще болѣе, что даже самъ сочинялъ каноны Святымъ.* Откуда ему сія благодать? отъ Галицкаго ли уѣзднаго воспитанія? Да хотябъ онъ и Царевичь былъ, и воспитанъ былъ осо-

---

(1) Вспомнимъ важныя слова въ какихъ-то бумагахъ оффиціальныхъ (дѣлахъ Польскихъ, N 26, *л.* 73.—Кар. XI, пр. 194): «билъ челомъ объ немъ (Гришкѣ) въ Чудовѣ монастырѣ Архимандриту Пафнутью, что нынѣ Крутицкій Митрополитъ, Богородицкій протопопъ Евфимій, чтобъ велѣлъ ему жить въ кельѣ у дѣда своего, у Замятни. И былъ въ дьяконѣхъ съ годъ, и послѣ взялъ его къ себѣ Патріархъ. И впалъ злодѣй въ еретичество (какое еретичество?), и хотѣли его съ *Собору* сослати въ заточенье на смерть.» (Въ письмѣ Бориса къ Сигизмунду сказано, что Гришку съ его *единомышленниками* хотѣли сослать на Бѣлоозеро.)— Въ одномъ хронографѣ: «изъ Чудова пріиде къ Николѣ на Угрѣшу и впаде въ *ересь*... и вселися въ предѣлахъ Углича.» Объ этой ереси упоминается и во многихъ другихъ мѣстахъ: къ сожалѣнію, изслѣдователь не смѣетъ вообще опираться на такіе *отрывки*, и я повторю здѣсь свою прежнюю поговорку: до тѣхъ поръ пока не издадутся всѣ наши лѣтописи и другія свидѣтельства, до тѣхъ поръ нельзя будетъ говорить у насъ рѣшительно о многомъ, и у строгихъ критиковъ всегда останется право говорить съ Чванкиною Княжнина: хоть знаю да не вѣрю!

бо: то едва ли бы достигъ до сего совершенства, чтобъ ему самому сочинять каноны Святымъ, да еще въ такой младости, будучи 17 или 18-ти лѣтъ? Примѣра еще въ Россiи не бывало, чтобъ до такова просвѣщенiя и царскiе дѣти могли достигать, хотябъ воспитаны были по-царски, во всякой свободѣ и съ великимъ тщанiемъ, а не такъ, какъ Самозванецъ,—хотябъ онъ былъ и Царевичь, бывъ въ самыхъ тѣсныхъ и гонительныхъ обстоятельствахъ, и онъ и мать его, и всѣ сродники его? Сiе убѣдительно доказываетъ, что онъ уже въ младолѣтствѣ въ Польшѣ не малое время обучался, и въ наукахъ довольно успѣлъ. 5). Всѣ Самозванца нравы, всѣ поступки были совсѣмъ на Россiянина не похожiе: любилъ музыку, танцы, заводилъ маскарады, и сiе заводилъ даже въ монастырѣ, не ходилъ никогда въ баню, ѣлъ мясное и въ посты, ѣлъ и телятину. Все сiе, хотя нынѣ по несчастiю взошло и во обыкновенiе, и почитается не предосудительнымъ: но разсуждая по тогдашняго времени обыкновенiю, все сiе почиталось крайне соблазнительнымъ: музыка скоморошествомъ; танцы Иродiадинымъ плясанiемъ; маскарады дiавольскимъ преображенiемъ; нарушенiе постовъ бусурманствомъ; яденiе телятины недозволительнымъ; а хожденiе въ баню обыкновенiемъ, общимъ для всѣхъ. Откуду же Россiянинъ, и по-Россiйски воспитанный, Царевичь ли онъ, или Гришка Отрепьевъ, такъ вдругъ перемѣнился, и всѣ Рускiе обычаи оставилъ? Скажутъ, что онъ сему навыкъ, будучи въ Польшѣ. Но онъ въ Польшѣ, слѣдуя лѣтописцамъ, не болѣе

былъ, какъ года съ два. Ибо онъ убіенъ былъ на десятомъ году возраста своего, въ 1591 году; явно открылся въ Польшѣ въ 1603 году, въ Россію вошелъ въ 1604 году. Какъ же бы онъ чрезъ столь краткое время обучился и Польскому и Латинскому языку, и ко всѣмъ обычаямъ Польскимъ привыкъ, а свои природные оставилъ и возненавидѣлъ? Даже и къ вѣрѣ своей, въ коей родился и воспитанъ, столь отвратительное возъимѣлъ бы расположеніе? Очень мало для сего двухъ лѣтъ времени. Непремѣнно заключить должно, что онъ въ младенчествѣ въ Польшу захваченъ, тамъ воспитанъ, и ко всему тамошнему пріобученъ и привыкъ; а свое все или забылъ, или по долговременной привычкѣ къ Польскому, все Русское ему отвратительнымъ казалось.

«Къ тому же приложить надлежитъ, что онъ безмѣрно и явно былъ сладострастенъ: насиловалъ женъ и отроковицъ, и отроковъ и младыхъ монахинь: что также ни мало не похоже на воспитаніе Россіянъ, а особливо царскихъ дѣтей. И хотя таковые соблазнительные поступки конечно не нравились его лукавымъ и злымъ руководителямъ, поелику таковые поступки отъ него Россіянъ отвратить могли: но онъ, овладѣвъ Россійскимъ Престоломъ, и ставъ въ своей волѣ, по своевольному воспитанію и по свойству злой природы, много дѣлалъ и самъ самовольно, не слушая и совѣта своихъ лукавыхъ пѣстуновъ.

«Скажутъ на сіе, что онъ много дѣлалъ, особ-

ливо въ разсужденіи вѣры, и не хотя угождая Полякамъ и тайнымъ своимъ совѣтникамъ:

«Правда! Но ежелибъ онъ былъ Царевичь Димитрій, или Гришка Отрепьевъ, и воспитанъ въ Россіи, и былъ бы только два года въ Польшѣ, то непремѣнно не оставила бъ природа и воспитаніе сколько-нибудь открывать его природной привязанности къ вѣрѣ и къ обычаямъ Русскимъ. Не возможно, чтобъ чувствіе природы и до дватцати лѣтъ воспитанія привычку совсѣмъ чрезъ два года потушить.

«6). Россійскій народъ, видя таковые Самозванца, несвойственные Россіянину, нравы и поступки, всѣхъ лучше сіе дѣло рѣшилъ, слѣдуя не многимъ размышленіямъ, но простымъ чувствіямъ своихъ сердецъ; вопіяли велегласно: *невозможно, чтобъ отъ древнихъ ихъ Государей происшедшій толикое презрѣніе ко всѣмъ Россійскимъ обычаямъ могъ показывать. Царь еретикъ хуже Турки, а не сынъ Царя Ивана Васильевича.* 7). Князь Щербатовъ пишетъ: что знатнѣйшіе изъ Поляковъ писатели, яко то: Піазетскій, Лубенскій, Кобіерцицкій, отчасти о семъ дѣлѣ сомнѣвались и отчасти познавали обманъ, а особливо Іоаннъ Сапега, въ то же время объявляли, что ложный Димитрій есть побочный сынъ Польскаго Короля Стефана Баторія: а другіе, по повѣствованію Миллера, признавали его по рожденію за Волоха, а иные за Италіянца. Въ подтвержденіе всего вышеписаннаго, прилагаю разсужденіе Гофмана, Нѣмецкаго писателя, ко времени Самозванцевъ близкаго, напечатанное

въ такъ называемомъ Лексиконѣ Гофмановомъ, въ томѣ 3-мъ, подъ литерою P, въ Лейденѣ, въ 1698 году.—Онъ, между прочимъ, пишетъ:

«Pseudodemetrius I, post excessum Theodori, Moscoviam turbavit. Iesuitae in Polonia hoc facinus ausi dicuntur, habebant illi in Collegio quodam suo juvenem Russum, Otrepievii Bojari cujusdam ab oppido Galitz filium, cui nomen Gregorius Otrepiev, quem a prima juventute praeceptis imperandi ita imbuerunt, ut toti Russiae aliquandiu umposuerit. Is itaque, his artibus instructus insuperque studiis principis, Lithuaniae Adami Visnevicii ac Palatini Sendomiriensis adjutus, post mortem Theodori res suas in Russia eo usque promovit, ut medio tempore moriente Borisso Godenovio, ab omnibus pro vero Demetrio, altero Ioh. Basilidis filio, adeoque haerede imperii susceptus, publice coronaretur, A. C. 1605, die 29 Iun.

«Псевдовимитрій I, по кончинѣ Өеодоровой, Московское Государство возмутилъ. Повѣствуютъ, что Іезуиты въ Польшѣ сіе злодѣяніе предпріять дерзнули. Имѣли они въ нѣкоторой Коллегіи своей младаго юношу, Россіянина, Отрепьева Боярина нѣкотораго изъ города Галича сына, коему имя Григорій Отрепьевъ. Они его, отъ самыхъ младыхъ лѣтъ, къ будущей трагедіи изрядно наставили, и правилами, какъ государствовать, такъ напоили, что онъ нѣсколько времени всю прельстилъ Россію. И такъ онъ, сими хитростями наставленный, а притомъ, стараніемъ Литовскаго Князя Адама Вишневецкаго и Старосты Сендомирскаго вспомоществуемый,

по смерти Царя Θеодора, до того въ Россіи дѣла свои довелъ, что (какъ между тѣмъ восхитившій престолъ Борисъ Годуновъ умеръ), отъ всѣхъ за истиннаго Димитрія, за сына Царя Ивана Васильевича и за наслѣдника Имперіи, принятъ, и публично былъ коронованъ лѣта Господня 1605, Іюня 29 дня.»

Вотъ превосходное разсужденіе Митрополита Платона.

Послѣднимъ свидѣтельствомъ Гофмана ясно утверждается догадка, выше предложенная. Любопытно узнать, откуда почерпнулъ свое извѣстіе этотъ Гофманъ. По крайней мѣрѣ читатели согласятся, что должны быть источники, для насъ теперь еще запечатлѣнные.

Наше предположеніе подтверждается тѣмъ, что во весь первый періодъ жизни Отрепьева мы видимъ около него Іезуитовъ, какъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Первый человѣкъ, сказавшій другимъ, что Отрепьевъ истинный Димитрій, былъ Іезуитъ, который исповѣдывалъ его на смертномъ одрѣ у Князя Вишневецкаго.[1] Сигизмунда, прежде еще Вишневецкихъ, предупредили о явленіи Димитрія Папскій нунцій Рангони и Іезуиты [2]. — Они же убѣдили Польскаго Короля, свою игрушку, подать помощь Самозванцу, и безпрестанно были около него во все время пребыванія его въ Польшѣ [3].—Изъ Кракова къ войску отправился онъ съ двумя Іезуитами, которые сопровождали его въ походѣ, и которымъ, можетъ быть, принадлежатъ многія благоразумныя мѣры

(1) Кар. XI, 13.—(2) с. 132.—(3) с. 133 и др.

его. Въ Москвѣ, послѣ вѣнчанія его на царство въ Успенскомъ Соборѣ, Іезуитъ Черниковскій привѣтствовалъ его рѣчью на Латинскомъ языкѣ [1]. Самозванецъ далъ Іезуитамъ лучшій домъ въ Кремлѣ, и позволилъ служить Латинскую обѣдню [2]. Папскій Нунцій Рангони былъ въ Москвѣ отъ Сентября до Ноября 1605 года.— Самозванецъ переписывался съ Папою и послалъ къ нему Іезуита Лавицкаго въ началѣ 1606 года [3].

Но Самозванецъ послѣ, возразятъ мнѣ, пересталъ, какъ кажется, думать о введеніи въ Россію Римской вѣры, и въ грамотѣ къ Павлу V говорилъ о политическихъ дѣлахъ (войнѣ съ Турціею), а не объ этой главной цѣли Папъ въ продолженіе многихъ столѣтій?

Отвѣчаю: умный Самозванецъ, сѣвъ на престолъ, разсчелъ, что введеніе Римской вѣры слишкомъ опасно для него, что такая мѣра, противная народу, можетъ погубить его, не принося, даже въ случаѣ успѣха, никакой пользы,— и сталъ говорить, дѣйствовать иначе. — Еслибъ онъ прожилъ долѣе, то вѣроятно избавился бы совсѣмъ отъ своихъ противныхъ благодѣтелей.

Впрочемъ, повторяю: это покамѣстъ только предположеніе, подобное многимъ физическимъ, которыя только что не противорѣчатъ опытамъ, и между тѣмъ объясняютъ нѣкоторыя явленія.

---

(1) с. 221.—(2) с. 224.—(3) пр. 420.

Теперь поговоримъ объ исторіи Отрепьева, какъ она предлагается Исторіографомъ [1].

Въ ней очень много сомнительнаго, взятаго безъ критической оцѣнки изъ лѣтописей, — не говоря ужь о первой мысли Самозванца, объясняемой внушеніемъ какого-то злаго инока [2].

Для чего Отрепьевъ, задумавъ вскорѣ назваться Димитріемъ, явился въ Москву, гдѣ жили будто его родственники? Кàкъ не избѣгалъ онъ присутствія Патріарха, и напротивъ попался къ нему въ службу, сталъ ѣздить съ нимъ во дворецъ и другія публичныя мѣста? Не безумно ли было съ его стороны готовить себѣ такимъ образомъ столь многихъ и столь знаменитыхъ обличителей? Могъ ли Отрепьевъ, служа дьякономъ въ Чудовѣ Монастырѣ, при мнимомъ дѣдѣ Замятнѣ-Отрепьевѣ, лгать очевидно монахамъ, что будетъ Царемъ, — и даже не совсѣмъ въ шутку, ибо слова дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны, который почелъ обязанностію донести о нихъ Патріарху и Царю? Какую цѣль могъ онъ предполагать себѣ? Положимъ даже, что не было ему живыхъ опроверженій—родственниковъ,—кàкъ при самомъ началѣ своей неизмѣримой дороги осмѣливался онъ подвергать себя опасности въ царствованіе

(1) Кар. XI, 124 и др.

(2) А злому иноку кàкъ пришла она въ голову, и съ какою цѣлію для себя подалъ онъ благой совѣтъ Отрепьеву?

Борисово такими важными словами почти безъ всякой выгоды?

Какъ подозрительный и осторожный Борисъ не вникнулъ въ это дѣло внимательнѣе, и, велѣвъ будто отправить чернца въ Бѣлозерскія пустыни, не спросилъ даже объ исполненіи своего приказанія? Къ чему велѣлъ поставить ему въ вину и причину наказанія ересь? — Къ чему Дьякъ Смирной сталъ разсказывать Дьяку Евфимьеву, родственнику Отрепьева, о приказаніи Царскомъ? Какъ Смирной осмѣлился не исполнить этого приказанія? Какимъ образомъ Борисъ поручилъ это духовное дѣло своему Дьяку, а не духовному начальству? Какъ Чудовскій начальникъ или прежній доноситель, Ростовскій Митрополитъ, или самъ Патріархъ, не донесли Царю о бѣгствѣ дьякона, которое, ясно обнаруживая злой умыслъ, стало гораздо важнѣе прежнихъ шутокъ или нешутокъ?

Замѣтимъ еще вотъ что. Борисъ, при появленіи Самозванца съ войскомъ, обнародовалъ, какъ говоритъ Исторіографъ [1], исторію бѣглеца Чудовскаго, вмѣстѣ съ допросами монаха Пимена, Венедикта, чернца Смоленскаго, и мѣщанина Ярославца, иконника Степана, которые знали Отрепьева за границею. — Какъ бы не прибавить здѣсь объявленія Чудовскихъ монаховъ, особенно дѣда Замятни, Дьяковъ Евфимьева и Смирнова [1]?

---

(1) Т. XI, с. 144.

(1) Объ этомъ Смирномъ Исторіографъ, опираясь на Никоновскую лѣтопись, разсказываетъ странное (XI, 143): « Борисъ (у-

Нѣтъ! *Если* былъ въ Москвѣ Отрепьевъ съ своимъ планомъ, то безъ сомнѣнія жилъ тихо въ Чудовѣ, втайнѣ отъ родственниковъ, которыхъ, можетъ быть, тамъ и не было, высматривалъ, выспрашивалъ, распускалъ изъ-подъ руки слухи, недошедшіе ни до одного знатнаго лица, и, сдѣлавши что̀ ему хотѣлось, ушелъ тихо туда, куда ему было надо.

Послѣ, когда онъ явился съ войскомъ, Борисъ вѣрно велѣлъ разглашать разные слухи, справедливые и ложные, въ его улику, чтобъ увѣрить народъ въ обманѣ, — и вотъ источникъ многихъ лѣтописныхъ повѣствованій!

Послѣдуемъ за Отрепьевымъ изъ Москвы.

Къ чему было ему въ Новгородѣ Сѣверскомъ открываться запискою у Архимандрита: Азъ есмь Царевичь, и проч. [1]? Ну если бы Архимандритъ послалъ за нимъ въ погоню, или немедленно извѣстилъ Бориса, который тогда имѣлъ тысячи средствъ остановить дерзкаго на

слышавъ о Самозванцѣ) усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, — но послѣ, и будто бы за другую вину, за расхищеніе государственнаго достоянія.» — Не гораздо ли выгоднѣе было для Бориса казнить Смирнаго за ослушаніе: тогда народъ имѣлъ бы, однимъ доказательствомъ больше, считать обманщикомъ явившагося Самозванца.

(1) Т. XI, с. 126.

его поприщѣ! Отрепьевъ, принимаясь за дѣло, не имѣвшее миллiонной доли Франкеровой вѣроятности, вѣрно смотрѣлъ на себя, при всей самонадѣянности, какъ на новаго игрока, у котораго надежда выиграть равняется страху проиграть. Къ чему жъ ему было отваживаться?

Зачѣмъ было ему въ Польскомъ Кiевѣ называться все еще Отрепьевымъ и священнодѣйсовать? Какъ пришло ему въ голову передать свое имя. Кому же? Первому встрѣчному, иноку Леониду? Какъ могъ онъ убѣдить сего послѣдняго на эту странную мѣну? Какъ Леонидъ не побоялся взять на себя имя вѣроятнаго преступника? Какъ Отрепьевъ могъ надѣяться, что этотъ пьяница, оставшись одинъ, не обнаружитъ обману при случаѣ? Слѣдующiя дѣйствiя Отрепьева еще удивительнѣе: изъ Кiева онъ отправился къ Запорожскимъ козакамъ. — Зачѣмъ? Учиться военному искусству: «Тамъ узналъ и полюбилъ (?) опасность, добылъ воинской опытности и корысти». — Потомъ новое явленiе, — онъ сталъ учиться Польскому и Латинскому языкамъ въ городкѣ Волынскомъ; наконецъ опредѣлился къ Князю Вишневецкому, гдѣ и открылся, — и все это случилось въ одинъ годъ! Все это выдумано и исполнено однимъ человѣкомъ, безъ малѣйшей помощи [1]! Вездѣ видѣнъ какой-то сложный планъ Отрепьева, —

(1) Исторiографъ говоритъ, что въ Февралѣ 1602 года Отрепьевъ бѣжалъ изъ Чудова (126), а въ 1603 или 1604 былъ ужъ у Сигизмунда въ Краковѣ.

и между тѣмъ множество провиворѣчій: у Князя Острожскаго въ Кіевѣ, напримѣръ, ведетъ онъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія, а у Вишневецкаго (вѣроятно, знакомаго съ Острожскимъ), чрезъ короткое время, ведетъ себя скромно, убѣгаетъ всякихъ низкихъ забавъ! — Ей Богу — это сказка, или, покрайней мѣрѣ, истина невѣроятная!

Что̀ сказать о жизни Отрепьева въ походѣ и на престолѣ? Она также не изслѣдована и преисполнена противорѣчій.

Вотъ нѣкоторые его поступки:

«Угодивъ всей России милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, говоритъ Исторіографъ [1]: Лжедимитрій старался угодить ей и благодѣяніями общими: удвоилъ жалованье сановникамъ и войску; велѣлъ заплатить всѣ долги казенные Іоаннова царствованія, отмѣнилъ многія торговыя и судныя пошлины; строго запретилъ всякое мздоимство, и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ; обнародовалъ, что въ каждую Среду и Субботу будетъ самъ принимать челобитныя отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ издалъ также достопамятный законъ о крестьянахъ и холопяхъ; указалъ всѣхъ бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли во время голода, бывшаго въ Бори-

---

(1) Кар. X, 216.

сово царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропитанія; объявилъ свободными слугъ, лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей, внесенныхъ въ государственныя книги. Чтобы оказать довѣренность къ подданнымъ, Лжедимитрій отпустилъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей и всѣхъ Ляховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду за вѣрную службу по сороку злотыхъ, деньгами и мѣхами».

Отрепьевъ простилъ Шуйскаго, уличеннаго въ измѣнѣ, въ минуту казни, чтобъ сдѣлать угодное народу.[1]

Отрепьевъ пересталъ думать о введеніи въ Россіи Римской вѣры, въ противность благодѣтелямъ своимъ Іезуитамъ; съ Сигизмундомъ началъ говорить какъ равный Государь.

Кто не назоветъ сихъ дѣйствій умными?

И между тѣмъ объ Отрепьевѣ же говорятъ, что онъ, «дѣйствуя вопреки нашимъ обычаямъ и благоразумію, презиралъ и святѣйшіе законы нравственности: не хотѣлъ обуздывать вожделѣній грубыхъ, и пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ уставы цѣломудрія и пристойности, какъ бы съ намѣреніемъ уподобиться тѣмъ мнимому своему родителю; безчестилъ женъ и дѣвицъ, дворъ, семейства и святыя обители дерзостію разврата.»[2]

Объ Отрепьевѣ говорятъ, что при немъ «взяли для спутниковъ воеводы Сендомирскаго всѣ

---

(1) Кар. XI, 231.—(2) с. 227.

лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ Городѣ, и выгнали хозяевъ, не только купцевъ, дворянъ, дьяковъ, людей духовнаго сана, но и первыхъ вельможъ, даже мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, Нагихъ.» [1]

Объ Отрепьевѣ говорятъ, что «онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вяземы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда съ своими тѣлохранителями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ Дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взять его приступомъ: тѣмъ и другимъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комы. Начался бой, и Самозванецъ, предводительствуя Нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость; торжествовалъ побѣду; говорилъ: *такъ возьму Азовъ*, — и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровію: ибо Нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила Россіянъ, что Лжедимитрій, опасаясь дѣйствительной сѣчи между ими, тѣлохранителями и Ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву». [2]

Кто не назоветъ сихъ послѣднихъ дѣйствій глупыми? Какъ объяснить такія противорѣчія также въ продолженіе одного года? — Неужели можно однимъ легкомысліемъ? — Вспомнимъ, что при Отрепьевѣ было еще много умныхъ

---

(1) с. 267. — (2) с. 249.

Ляховъ совѣтниковъ, былъ Басмановъ [1], сохранившій вѣрность къ нему до послѣдней капли крови.

Я согласенъ, что умыслъ у Отрепьева былъ неистовый, что средства онъ выбралъ беззаконныя, что онъ, злодѣй по сердцу, готовъ былъ на всякое преступленіе: но рѣшительно нельзя приписать ему *глупыхъ* дѣйствій, нельзя не называть его человѣкомъ съ необыкновенными, даже чудесными способностями.

Погибъ онъ не отъ того, что правилъ дурно, а просто отъ того, что Россіяне, вышедъ изъ недоумѣнія, которое было одною изъ главныхъ причинъ его успѣховъ, увидѣли обманъ.

Чѣмъ объяснить, спросимъ здѣсь кстати, это всеобщее волненіе Россіи, начавшееся при Лжедимитріѣ и продолжавшееся при несчастномъ его преемникѣ, во время междуцарствія,—этотъ мерзостный развратъ сердецъ и умовъ? Неужели все это могло быть и не быть?

Въ ожиданіи лучшей догадки, предложу слѣдующую: Іоаннъ Грозный обуздалъ всѣ страсти Россіи, и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ крѣпкою рукою своею держалъ ихъ въ тяжелыхъ кандалахъ, безъ малѣйшаго движенія; по закону нравственной упругости, онѣ исторглись при первомъ случаѣ на свободу, — и еслибъ не Лжедимитрій, то какой-нибудь Хлопко, или другой

---

(1) Прочитавъ въ первый разъ, какъ удивительный Басмановъ передался къ Самозванцу и какъ былъ ему вѣренъ, я столько былъ пораженъ сими обстоятельствами, что около двухъ лѣтъ сомнѣвался, не истиннымъ ли Димитріемъ былъ Самозванецъ.

кто, возмутилъ бы всю Россію, которая не могла быть спокойною въ это время.

Еще два слова для молодыхъ моихъ читателей: мы видѣли, сколько въ Борисовой и Лжедимитріевой исторіи есть темнаго, которое едва ли когда объяснить можно. Такихъ лицъ и происшествій тысячи во всѣхъ исторіяхъ, начиная хоть отъ Кира, котораго одни прославляютъ, а другіе злословятъ,—до Августа, который имѣетъ такую же двусмысленную славу,—до Густава Адольфа, который на поляхъ Люценскихъ похоронилъ, можетъ быть, мысль поработить себѣ Германію, — до Льва X, который былъ отцемъ наукъ и искусствъ и продавалъ индульгенціи,—до Карла IX, котораго теперь оправдываютъ въ ужасахъ Варѳоломеевской ночи,—до Наполеона, который, по прекрасному замѣчанію Д. В. Давыдова, самъ себя обманывалъ на островѣ Св. Елены?—Что же изъ этого заключить должно? Что сіи намѣренія, сіи тайныя причины дѣйствій того или другаго лица не принадлежатъ общей исторіи (хотя и безпрестанно повторяются въ ней), а должны оставаться только въ біографіяхъ и частныхъ исторіяхъ, или лучше въ лѣтописяхъ, историческихъ разсужденіяхъ, которыя въ Европѣ называются еще исторіями.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

1841.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

....Нынѣшняя Россія, то есть Россія Европейская дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литтературная, — есть произведеніе Петра Великаго. Какое бы явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непремѣнно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаемся съ этою колоссальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее, и даже заститъ намъ древнюю Исторію,—которая въ настоящую минуту все еще какъ будто держитъ свою руку надъ нами, и которой, кажется, никогда не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущемъ.

Обозрѣвая царствованіе Императора Петра Великаго, съ намѣреніемъ представить оное въ одной общей картинѣ, опредѣлить его значеніе въ системѣ Русской и Европейской Исторіи, невольно чувствуешь трепетъ, падаешь духомъ, и не знаешь, съ чего начать, что̀ сказать и что̀ умолчать. Сколько созданій! Сколько разрушеній, преобразованій! Сколько дѣйствій и происшествій всякаго рода! Мысль устаетъ летать отъ одного предмета къ другому, и удивленная, изнеможенная, приходитъ въ замѣшательство, останавливается....

Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, съ своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзной волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицемъ и исполинскимъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предразсудками, обстоятельствами, стариною—завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ,—Россія тысячелѣтняя, смирная, терпѣливая, благочестивая, самодовольная, страна, въ которую на̀сланъ былъ судьбою этотъ величайшій изъ всѣхъ Преобразователей, ничѣмъ не довольный!

Сколько разнаго дѣла дѣлается въ одно время, — одно подготовляется, другое начинается, третье на половинѣ, четвертое близко къ концу, съ какимъ рвеніемъ, жаромъ, усердіемъ, какъ будто всѣмъ работникамъ заданы уроки, назначенъ срокъ, подъ строгою отвѣтственностію. Всѣ торопятся, суетятся, спѣшатъ кончить, и боят-

ся опоздать. Шумъ, крикъ, стукъ. Нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью. Нѣтъ остановки, передышки на минуту. Не успѣютъ справиться съ однимъ, какъ уже принимаются за другое. Все разсчитано по часамъ, по минутамъ; все переведено будто на вѣрную математическую машину.

Одно сѣмя бросается предъ вашими глазами въ землю, другое перезябаетъ, третье только что изникло изъ почвы, а это уже цвѣтетъ, а это уже приноситъ плодъ, — и всѣ они произрастаютъ рядомъ, въ одно время.

Какое движеніе, какая дѣятельность, живость, во всѣхъ концахъ обширнаго Царства! И что за разнообразіе!

Здѣсь роются въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше стрѣляютъ ужь изъ новаго ружья.

Вотъ выписаны овцы, вотъ онѣ расплодились, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ выткано изъ нея сукно въ только что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроятъ новое невиданное платье, и вотъ оно напяливается на горько плачущій народъ, у котораго только что выбрита борода.

Здѣсь скапываютъ бугры, тамъ зарываютъ рвы, громоздятъ насыпи, мѣряютъ землю, выжигаютъ болота, валятъ лѣса, прорубаютъ засѣки, и при послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей остальной камень съ новой дороги,

показывается вдали первый обозъ, который подъѣзжаетъ къ готовому сообщенію.

Нынѣ исчисляется народъ, и производится первый рекрутскій наборъ, завтра формируется армія, и прямо съ ученья идетъ на генеральную баталію, поутру побѣждена, а къ вечеру празднуетъ викторію.

Но вотъ понадобились люди, и работники, какъ въ святочной игрѣ, отрываются отъ одного дѣла къ другому, перебѣгаютъ съ края на край. Каменщикъ кидается за топоръ, плотникъ спѣшитъ къ творилу, купецъ хватаетъ ружье, солдатъ садится предъ зерцало, крестьянинъ на заводъ, помѣщикъ на корабль.

Вдругъ нагрянули враги—новая перемѣна: всѣ бѣгутъ къ нимъ на встрѣчу, кто съ поля, кто отъ станка, кто изъ суда, кто изъ лавки! Проводили незваныхъ гостей, и опять всѣ по своимъ мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, принимаются за прерванное дѣло. Замололи жернова, заходилъ топоръ, запрыгали шестерни, пошли на службу и огонь и вода, и воздухъ и земля.

Всѣ дѣлаютъ розное, мечутся безпрестанно изъ угла въ уголъ, но никто не мѣшаетъ другъ другу; напротивъ оказывается взаимная помощь, выходитъ ладъ: какой же всемогущій чародѣй управляетъ всею совокупностію этихъ многочисленныхъ, разнородныхъ дѣйствій?

Нѣтъ, не чародѣй, а Геній, Петръ. Смотрите—вонъ онъ стоитъ посреди широкаго поля, Рус-

скаго Царства, рабочей своей палаты, между тысячами и тьмами своихъ работниковъ. Видите—онъ выше ихъ всѣхъ на пол-аршина.... Что такое сверкаетъ въ рукѣ его, не волшебный ли жезлъ какой? Какъ горятъ его глаза, какъ движется все его тѣло! Смотрите—какъ поворачиваетъ онъ головою направо и налѣво, какъ бросаетъ свои пронзительные взоры во всѣ стороны, и какъ работа вскипаетъ у Русскаго человѣка тамъ, куда онъ оборачивается, и силы прибываетъ, и время увеличивается: часъ выростаетъ днемъ, день вытягивается мѣсяцемъ, мѣсяцъ старѣетъ годомъ, трудное становится легкимъ, невозможное возможнымъ.

Смотрите, какъ, по его движеніямъ, то вдругъ на сѣверѣ изъ болота выскочитъ городъ, то на югѣ пустится по морю флотъ, то на западѣ встанетъ линія крѣпостей, то на востокѣ скорымъ маршемъ выступитъ въ походъ армія! Или—вдругъ весь народъ обривается, переодѣвается, разлучается по сословіямъ, по городамъ, по провинціямъ, по губерніямъ.

Онъ самъ не свой; онъ помогаетъ, кажется, всякому работнику, присутствуетъ своимъ духомъ во всякой работѣ! Какъ жарко принимаетъ онъ къ сердцу всякую удачу и неудачу! Удовольствіе и досада перемѣняются ежеминутно на лицѣ его. Онъ видитъ все—вотъ въ городѣ недостроена башня, вотъ въ арміи не комплектенъ полкъ, вотъ на кораблѣ покривилась мачта, вотъ на фабрикѣ спился наемный Нѣмецъ! Онъ бросается стремглавъ съ своего мѣста, хва-

тается за топоръ, долото, за кормило, выкидываетъ артикулъ, строитъ, чинитъ, ломаетъ; сыплются награды и наказанія, снаряжаются ассамблеи и экзекуціи; гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.

Чего здѣсь нѣтъ: и трагедія, и комедія, и романъ, и исторія, и волшебная сказка....

Спрашиваю не удивительное ли это зрѣлище?

Что̀ долженъ былъ сказать всякій благоразумный человѣкъ, смотря на всѣ сіи дѣйствія, предпріятія, замыслы? Не долженъ ли онъ былъ осудить оныя, по всѣмъ законамъ ума, по всѣмъ соображеніямъ разсудка, осудить со всею строгостію, какъ несбыточныя, безполезныя, пагубныя? Позволительно ли приниматься вдругъ за все, сказалъ бы онъ, позволительно ли.... а между тѣмъ сіи несбыточныя намѣренія осуществлялись, и не мало по малу, а много по многу,—и обширнѣйшее въ Европѣ государство преобразовывалось по желанію одного человѣка! Такова была сила воли у Петра Великаго, такова была его дѣятельность,—и вмѣстѣ такова была покорность Русскаго народа, терпѣніе, готовность.

Да, Петръ Великій сдѣлалъ много въ Россіи. Смотришь и не вѣришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону, безъ того, чтобъ онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку,

на гуляньѣ—все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ шагу!

Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 Января. 1841 года. — Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ Января.

Пора одѣваться — наше платье сшито по фасону, данному Петромъ Первымъ, мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ.

Попадается на глаза книга — Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литтературнымъ, вытѣснивъ прежній, церковный.

Приносятъ газеты—Петръ Великій ихъ началъ.

Вамъ нужно искупить разныя вещи-всѣ онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ· однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

За обѣдомъ, отъ соленыхъ сельдей и картофелю, который указалъ онъ сѣять, до виноградного вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ — допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

Пойдемъ въ Университетъ — первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

Вы получаете чинъ—по табели о рангахъ Петра Великаго.

Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство —такъ учредилъ Петръ Великій.

Мнѣ надо подать жалобу — Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее — предъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсудятъ— по Генеральному Регламенту.

Вы вздумаете путешествовать — по примѣру Петра Великаго; вы будете приняты хорошо— Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ Государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе, и проч. и проч. и проч.

Мѣсто въ системѣ Европейскихъ Государствъ, управленіе, раздѣленіе, судопроизводство, права сословій, табель о рангахъ, войско, флотъ, подати, ревизіи, рекрутскіе наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледѣліе, лѣсоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, винодѣліе, торговля внутренняя и внѣшняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, лѣтосчисленіе, языкъ, печать, типографіи, военныя училища, академія—суть па-

мятники его неутомимой дѣятельности и его Генія.

Онъ видѣлъ все, обо всемъ думалъ, и приложилъ руку ко всему, всему далъ движеніе, или направленіе, или самую жизнь. Что̀ теперь ни думается нами, ни говорится, ни дѣлается, все, труднѣе или легче, далѣе или ближе, повторяю, можетъ быть доведено до Петра Великаго. У него ключь или замокъ.

Это очевидно, и до сихъ поръ нѣтъ никакого сомнѣнія, никакого спора. Но съ сихъ поръ и начинается сомнѣніе, начинается споръ:

Въ какомъ отношеніи Россія Петрова находится въ Россіи прежней, и не было либъ лучше, еслибъ прежняя Россія была предоставлена естественному своему теченію, или — еслибъ преобразованіе было произведено не такъ быстро, не съ такимъ насиліемъ, или — еслибъ произведено было преобразованіе иное?

Слава имѣетъ свои фазы, какъ луна: она наростаетъ и умаляется. Петръ Великій не пользовался и не могъ пользоваться во время своей жизни счастіемъ любви общей; только небольшое количество окружавшихъ людей было предано ему, искренно или своекорыстно. Но съ перваго поколѣнія по его кончинѣ начинается уже въ Россіи неограниченное, безусловное благоговѣніе къ нему; слишкомъ сто лѣтъ продолжа-

лось оно. Нынѣжъ напротивъ слышатся голоса противные, и слышатся довольно часто. Положимъ — они безотчетны, какъ первые, но наука не можетъ и не должна оставлять ихъ безъ вниманія....

Говорятъ: Петръ Великій, введя Европейскую цивилизацію, поразилъ Русскую національность, — это самое главное и благовидное обвиненіе.

Допустимъ сначала такъ, но — спрошу я обвинителей, возможно ли было Россіи уклониться отъ Европейской цивилизаціи, хотябъ она имѣла для насъ много неприличныхъ, даже вредныхъ свойствъ?

Россія есть часть Европы, составляетъ съ нею одно географическое цѣлое, и слѣдовательно, по физической необходимости, должна раздѣлять судьбу ея, и участвовать въ ея движеніи, какъ планета повинуется законамъ своей солнечной системы. Можетъ ли планета перескочить изъ одной сферы въ другую? Можетъ ли Россія оторваться отъ Европы? Волею и неволею, она должна была подвергнуться вліянію Европы, когда концентрическіе круги западнаго образованія, распространяясь безпрестанно далѣе и далѣе, приблизились къ ней, и начали ее захватывать. Назовите это образованіе, пожалуй, чумою,— но для такой чумы, самой тонкой, самой упругой, не существуетъ никакихъ заставъ, никакихъ карантиновъ, никакихъ таможенъ, никакихъ преградъ. Эѳиръ всепроницающій, зло необходимое, неизбѣжное!

Можемъ ли мы теперь отказатъся отъ употребленія машинъ, отъ употребленія паровъ, желѣзныхъ дорогъ? Не можемъ, даже потому только, что живемъ въ Европѣ. Не можемъ — пары принесутся сами, и повезутъ насъ по Волгѣ, по Днѣпру, по Черному морю, будутъ ткать намъ сукно, тянуть бумагу; желѣзныя дороги придутъ сами, и лягутъ по нашимъ гатямъ, какъ прежде пришли и установились типографическіе станки, какъ прежде пришли и грянули пушки. Если Австрійцы будутъ поспѣвать изъ Вѣны до Варшавы въ день, то какъ же намъ ѣхать туда недѣлю!

Точно также, прежде Петра Великаго, мы не могли отказаться отъ пороха, отъ огнестрѣльнаго оружія, иначе были бъ побиты на первомъ сраженіи, и насъ бы не стало.

Разберемъ теперь главныя преобразованія Петровы.

Петръ преобразовалъ войско, и обучилъ оное на Европейскій манеръ. Что же? Развѣ это было не необходимо? Ему надо было сражаться съ Европейскими врагами, со Шведами, Прусаками, Поляками или Нѣмцами, слѣдовательно ихъ оружіемъ, ихъ пріемами, ихъ тактикой и стратегіей. На ружье съ обухомъ идти нельзя. Или дожидаться ему было Карла? Скажутъ: онъ самъ напалъ на Карла. Но кто поручится, чтобъ Карлъ, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, оставилъ его

въ покоѣ, и не задумалъ кончить плановъ о сѣверной монархіи Карла Густава, котораго онъ превосходилъ еще браннымъ духомъ? А Польша, которая только что предъ Петромъ должна была возвратить намъ часть Малороссіи,--развѣ нельзя было предполагать у ней втораго Стефана Баторія? Въ новое время нельзя смотрѣть на государства порознь; нѣтъ—они составляютъ уже одно живое органическое цѣлое. Вопросъ о преобразованіи войска при Петрѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о безопасности и самобытности Россіи. Рѣшусь сказать даже вотъ что: еслибъ не было прежде Петра, могъ ли бы Александръ бороться съ Наполеономъ?

Петръ преобразовалъ войско—не посовѣтуютъ ли Петру пощадить стрѣльцевъ? Я согласенъ, что въ ихъ исторіи есть нѣсколько піитическихъ моментовъ, но оставить ихъ на свободѣ послѣ бунтовъ въ пользу Софіи и ея любимцевъ, готовыхъ вѣрить всякой лжи и проливать какую угодно кровь, оставить ихъ съ тѣмъ, чтобъ изъ нихъ, съ первыми удачными опытами, сдѣлались опричники или преторіанцы, не подумаю ни на минуту, не смотря на ихъ національность; и надо быть слишкомъ закоснѣлу въ предразсудкѣ, чтобъ защищать стрѣльцевъ.

И такъ преобразованіе войска, особенно для Петра, было необходимо, а съ войскомъ связаны рекрутскіе наборы, и постои, и ревизіи, и подушныя деньги, и выписные иностранцы.

И начало этому преобразованію положено было гораздо прежде, чуть ли не со временъ Бо-

риса Годунова, которому служило уже много иностранцевъ, и служило съ успѣхомъ, что̀ продолжалось при Самозванцѣ, при Михаилѣ и Алексѣѣ.

Учрежденіе флотовъ имѣло также свою необходимость: овладѣвъ приморскими берегами, или, думая овладѣть ими, чтобъ не подвергаться безпрерывной опасности внезапнаго нападенія, надо было позаботиться о средствахъ и мѣрахъ удержать ихъ за собою, защитить, т. е. должно было основать гавани, настроить кораблей, выучиться мореплаванію, выписать мастеровъ, послать путешественниковъ въ чужіе краи.

Не думаю я, чтобъ кто-нибудь сказалъ еще, что намъ не нужны были берега, и Петръ Первый долженъ былъ оставить ихъ за Шведами, Поляками, Турками: въ такомъ случаѣ вопросъ о самомъ политическомъ существованіи Россіи подвергся бы сомнѣнію, о существованіи, безъ коего нельзябъ было теперь и разсуждать о дѣйствіяхъ Петровыхъ.

Скажутъ, жила Россія безъ береговъ почти тысячу лѣтъ? Жила, пока всѣ сосѣди заняты были дòма, пока они оставались вдали отъ нея, и не могли еще простирать на нее своихъ видовъ. Обстоятельства перемѣняются, теперь и Китай не далеко отъ Англіи.

А покореніе береговъ, то есть, присоединеніе Лифляндіи, стоило Петру Великому двадцатилѣтней войны, которая была почти главною за-

дачею всей его жизни, первою заботою, отъ осады Нарвы до Ништадскаго мира, и кончилась только за четыре года передъ его кончиною. Сколько мѣръ и распоряженій соединено было съ этою тягостною и рѣшительною войною!

Впрочемъ и эта мысль, мысль о покореніи Лифляндіи, досталась ему также по наслѣдству отъ его предковъ, которые, по какому-то удивительному предчувствію (замѣтному часто въ исторіи государствъ и наукъ), были особенно ей привержены: припоминаю о двадцатилѣтней войнѣ Іоанна Грознаго, который только въ очарованіи своего болѣзненнаго страха, уступилъ ее Баторію; припоминаю о глубокомысленныхъ государственныхъ мѣрахъ и усиліяхъ Бориса Годунова, и наконецъ о походѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Слѣдовательно Петръ Великій былъ здѣсь только дѣятельнымъ, счастливымъ совершителемъ предпріятія, замышленнаго, можетъ быть и безъ дальнихъ видовъ, его предками.

Для войска, для флота, нужны оружіе, аммуниція: станутъ ли осуждать Петра, что онъ заботился объ учрежденіи фабрикъ и мануфактуръ, вызывалъ мастеровъ и давалъ имъ жалованье, долженъ былъ поощрять торговлю?

Точно также можно найдти причины и вмѣстѣ примѣры въ прежней исторіи, слабые начатки, прочихъ нововведеній Петровыхъ, кои, разумѣется, могли повлечь за собою, при немъ и послѣ него, вредныя слѣдствія вмѣстѣ съ по-

лезными, какъ и всѣ самыя превосходныя человѣческія предпріятія, западныя и восточныя, сѣверныя и южныя, прошедшія, настоящія и будущія.

Русскій языкъ представляетъ мнѣ въ этомъ отношеніи примѣръ самый разительный, на который я обращу вниманіе: не точно ль такая же революція происходила въ языкѣ, какъ и въ государствѣ? Что за отвратительная масса словъ иностранныхъ! Баталіи, викторіи, артикулы, ранги, регламенты, ассамблеи, фискалы, комплименты, церемоніи, секретари, провинціи, дедикаціи, решпекты, привилегіи, цыдулы, съ подписью Piter! Настоящее вторженіе двадесяти языкъ! Но не было ль необходимо такое противуестественное состояніе въ его время, переходъ отъ чужаго, церковнаго языка къ собственному, разговорному? Могли ли бъ мы безъ него говорить и писать этимъ чистымъ, звучнымъ, яснымъ языкомъ, коимъ говоримъ и пишемъ теперь? Не изъ этой ли хаотической массы возникнуло и разцвѣло наше славное слово?

Да! Преобразованія Петровы были необходимы, по естественному ходу вещей въ самой Россіи, не только въ сосѣднихъ государствахъ, въ Европѣ.

Съ другой стороны, западная, Европейская цивилизація, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, достигла тамъ до такой степени силы, что физически начала притягивать къ себѣ Россію.

И такъ вопросъ нашъ о преобразованіи, или принятіи западнаго элемента, получаетъ теперь совсѣмъ иную форму, вотъ какую: могло ль необходимое столкновеніе, сближеніе Россіи съ Европою, произойдти иначе? Не лучше ли бъ было приономъ совсѣмъ не дѣйствовать? Признаюсь: вообразить на его мѣстѣ Өеодора или Іоанна я не могу, не почувствовавъ трепета во всемъ составѣ своемъ о самобытности Россіи. Или нельзя было дѣйствовать и распоряжаться лучше Петра Великаго? Нельзя ли было взять въ руки этотъ мечь обоюду-острый осторожнѣе, ловчѣе, искуснѣе Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на такой вопросъ, кто скажетъ: можно? Не знаю; по крайней мѣрѣ не я. Я не берусь ни за что на свѣтѣ предложить другой планъ Полтавскаго сраженія, другой проэктъ Ништадскаго мира.

Даже вопросъ о бритьѣ бороды и вопросъ о Нѣмецкомъ платьѣ я не осмѣливаюсь, за Петрово время, рѣшить безусловно,—также какъ и о скорыхъ мѣрахъ, жестокостяхъ, казняхъ, кромѣ немногихъ случаевъ, гдѣ были виною болѣе всего его темпераментъ и обстоятельства. Петръ ненавидѣлъ стрѣльцевъ—но вспомнимъ, какъ онъ, семилѣтній отрокъ, трепеталъ отъ нихъ въ соборѣ во время перваго бунта; вспомнимъ, какъ онъ, въ одной рубашкѣ, долженъ былъ убѣжать отъ нихъ въ лѣсъ изъ Преображенскаго, и потомъ къ Троицѣ; и наконецъ вспомнимъ, какъ онъ принужденъ былъ прервать вожделѣнное свое путешествіе, и отъ Италіи прискакать стрем-

главъ въ Россію, гдѣ всѣмъ его предначинаніямъ грозила гибель неминуемая. Мудрено ли, что послѣ такихъ случаевъ Петръ приходилъ въ трепетъ, услышавъ одно имя стрѣльца? Впрочемъ, всѣ сіи вопросы гораздо мельче, незначительнѣе, и относятся не столько къ Государю, какъ къ человѣку, не столько къ Русской Исторіи, какъ къ біографіи Петра Великаго, который и въ этомъ отношеніи представляетъ значительную задачу психологическую.

Въ заключеніе этого разсужденія о преобразованіяхъ, я обращу вниманіе новыхъ судей на прежніе два період преобразованій, даже болѣе внутреннихъ, болѣе глубокихъ, дѣйствительныхъ, и обнимавшихъ всѣ сословія, а не одно какое-либо въ особенности, которыя какъ будто совсѣмъ позабываются ими: я говорю о Норманнахъ, коими изъ Славянскаго мирнаго, патріархальнаго семейства образовано бранное государство, и о Монголахъ, коими потрясенъ былъ весь характеръ народный, и измѣнились всѣ гражданскія отношенія. Тотъ и другой переворотъ были необходимы: нельзя было уклониться отъ Норманновъ и оставаться въ патріархальномъ состояніи; нельзя было укрыться отъ Монголовъ и сохранить формы временъ среднихъ; точно также нельзя было не подпасть Европейскому вліянію въ XVIII вѣкѣ, и счастіе Россіи, что на это время посылалъ ей Богъ Петра Великаго.

Петра Великаго осуждаютъ еще за то, что онъ возбудилъ будто пристрастіе къ иностран-

ному. Согласенъ—это пристрастіе все еще господствуетъ въ Россіи и причиняетъ много вреда, поражая Русскіе таланты обидной недовѣрчивостію на пути совершенствованія, препятствуя ихъ свободному развитію, касаясь самыхъ чувствительныхъ струнъ національнаго сердца. Согласенъ, что одно слово—Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, кто бы то ни было, лишь бы не Русскій, даетъ еще въ нашемъ обществѣ часто право на учтивость, довѣренность, уваженіе, и наоборотъ, одно слово—Русскій—возбуждаетъ недовѣрчивость, подозрительность; но Петра Великаго не посмѣю я обвинять въ этомъ пристрастіи, въ этомъ оскорбленіи отечества, хотя оно и ведетъ свое начало отъ его царствованія; также не посмѣю, какъ Гуттенберга за дурныя и вредныя книги.

Петръ любилъ иностранцевъ, это правда, но отнюдь не въ обиду своихъ подданныхъ. Онъ привлекалъ ихъ къ себѣ, находя между ними, и очень естественно, болѣе людей способныхъ и готовыхъ для исполненія его плановъ; но онъ имѣлъ полную довѣренность къ Русскимъ. Да! безъ этой довѣренности, которая, отрасль вѣры, есть мать всѣхъ великихъ дѣйствій общественныхъ,—безъ этой довѣренности, говорю, могъ ли бъ онъ, послѣ Нарвы, подумать одну минуту о борьбѣ съ Карломъ XII, могъ ли бъ онъ исполнить сотую долю своихъ предпріятій? Онъ имѣлъ довѣренность къ Русскимъ, и Русскіе не обманули его. Нарвскіе бѣглецы разбили непобѣдимыхъ Шведовъ со всею ихъ Европейскою такти-

кою. Петру Великому служили Крюйсы, де Кроа, Вейды; но Лифляндію покорилъ ему Шереметевъ, поразить Шведовъ подъ Полтавою помогъ Меньшиковъ, разбивать вражескія флотиліи Голицынъ.

Самъ онъ былъ Русскимъ человѣкомъ по преимуществу, со всѣми Русскими добродѣтелями, страстями и недостатками.

Слѣдовательно наше пристрастіе къ иностранцамъ есть только злоупотребленіе случайнаго отношенія его къ нимъ. Впрочемъ, скажу здѣсь нѣсколько и въ оправданіе: пристрастіе къ иностранцамъ есть наслѣдственный порокъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, отъ самой глубокой древности, порокъ, въ коемъ обвиняютъ ихъ даже чужіе писатели. Что̀ наше, того намъ и не надо, — вотъ, къ прискорбію, девизъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, Славянскихъ Исторій, который изгладится въ той мѣрѣ, какъ распространится истинное просвѣщеніе.

Петръ Великій, введя образованіе западное, прервалъ, говорятъ, отечественное, воспрепятствовалъ естественному его развитію. Это образованіе было, точно, но оно и есть. Любя съ самыхъ юныхъ лѣтъ толкаться въ народѣ, начинать разговоры на постоялыхъ дворахъ, базарахъ и гуляньяхъ, заводя знакомства въ деревняхъ и рядахъ, я встрѣчалъ и встрѣчаю часто, между воспитанниками Псалтыри и Часослова, людей высокаго просвѣщенія и образа мыслей, здравомыслящихъ, благородныхъ, талантливыхъ.

Съ длинными своими бородами, въ долгополыхъ кафтанахъ, съ грубыми пріемами и нестройною рѣчью, они стоятъ на высокой нравственной степени, и служатъ для меня представителями того предъ-Петровскаго религіознаго, духовнаго образованія, которое я считаю вообще предназначеннымъ собственно Россіи. Но Петръ Великій не мѣшалъ этому образованію, прививая западное только къ высшимъ сословіямъ. Кромѣ нѣкоторыхъ случайныхъ, временныхъ обстоятельствъ, по соприкосновенію съ прочими государственными дѣлами, онъ работалъ на другомъ полѣ. Петръ Великій не вырывалъ книгъ и рукописей изъ рукъ ихъ. И онѣ остались, приносятъ свои плоды. Смотря на этихъ людей, я вижу только, что съ формами Петра Великаго они сдѣлали бъ гораздо болѣе добра, принесли бъ болѣе пользы отечеству и человѣчеству.

Петръ Великій есть сокровище Русской Исторіи, описанное подробно, но еще не изслѣдованное, не оцѣненное во всѣхъ частяхъ своихъ съ точностію. Много работы надъ нимъ критикѣ, наукѣ: разсмотрѣть его какъ Государя, какъ Русскаго, какъ гражданина, какъ отца, какъ супруга, какъ человѣка! Что̀ дѣлалъ онъ для своего времени, что̀ дѣлалъ для потомства, навѣкъ? Какія мѣры были общими, какія частными? Въ какой степени? На кого простирались его дѣйствія? Что̀ было въ нихъ внутренняго? Что̀ было внѣшняго? Въ какомъ отношеніи были его учрежденія къ прежнимъ? Многія его, по нашему и даже собственному его мнѣнію, нововве-

денія суть не что иное, какъ древнія постановленія, имѣющія глубокій корень въ Русской почвѣ, только въ новыхъ формахъ, съ новыми именами. Вотъ задача молодымъ нашимъ ученымъ юристамъ. Пусть они объяснятъ эту важную и занимательную часть Русской Исторіи. Тогда мы увидимъ, что Петръ Первый былъ во многихъ случаяхъ только великимъ исполнителемъ, довершителемъ, который въ своей душѣ, въ своемъ умѣ, нашелъ запросы, содержавшіеся въ его народѣ и естественныхъ отношеніяхъ его государства къ прочимъ,—нашелъ, взалкалъ, и рѣшился удовлетворить ихъ, разумѣется, по личному своему усмотрѣнію. Тогда только, можетъ быть, получимъ мы основательное право почтить одни учрежденія и осудить другія, по примѣру Карамзина, учрежденія, къ коимъ увлекся онъ, овладѣнный духомъ преобразованія, ибо этотъ духъ, какъ и всякій другой, можетъ ослѣпить человѣка, породить пристрастіе и возбудить желаніе разрушать все и передѣлывать,—какъ духъ войны гонитъ Суворова и Наполеона на поле битвы, и услужливо доказываетъ имъ ея необходимость,—какъ духъ системы въ Философіи или Исторіи или Политикѣ соединяетъ насильственно быти, и ставитъ ихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія.

Тогда вмѣстѣ возвратится подобающая честь и нашей древней Исторіи, коею пренебрегаетъ легкомысленное и опрометчивое невѣжество, не видя ее близорукими своими глазами изъ-за Петра Перваго, полагая, въ слѣпотѣ своей, что

первое государство міра, въ пол-экватора и четверть меридіана, рѣшающее судьбы Европы и всего міра, родилось въ одночасье, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ, что сумма можетъ быть безъ слагаемыхъ.

Заключаю: Петръ Великій былъ Геній, которому мало подобныхъ представляетъ Исторія, еслибъ даже иные и уравнялись съ нимъ въ томъ или другомъ достоинствѣ или свойствѣ. Правда, трудно Русскому судить о немъ равнодушно и безпристрастно, sine ira et studio, если Нѣмцы до сихъ поръ еще не могутъ говорить хладнокровно объ Александрѣ Македонскомъ, по замѣчанію Герена. (Такую силу имѣютъ на насъ великіе люди.) Правда, мы родимся и воспитываемся подъ его вліяніемъ, начинаемъ мыслить объ немъ уже предубѣжденные, а въ зрѣломъ возрастѣ тотчасъ уже восхищаемся имъ, благоговѣемъ предъ нимъ; національная наша гордость въ лучшіе пылкіе годы жизни питается размышленіями объ немъ: нигдѣ не было такого великаго Государя, сказалъ еще юный Карамзинъ, — и мы поднимаемъ выше свою голову, смотримъ веселѣе на Европейскую Исторію. Безпристрастіе можетъ быть плодомъ только долговременнаго, глубокаго изученія, зрѣлаго человѣческаго образованія. — Все это правда; но геніальности Петра Великаго отдаютъ равную честь Русскіе и иностранцы, порицатели и почитатели. Дѣйствія Петровы продолжаются до сихъ поръ, и имѣютъ вліяніе не только на Россію, но

и на всю Европу, на весь міръ; такіе люди не являются безъ надобности, или должно отвергнуть присутствіе Десницы Міродержавной надъ дѣлами человѣческими. Мысль нелѣпая! Видно, нуженъ былъ онъ, а не кто-либо иной! Смиримся и благоговѣемъ!

Для Данта была учреждена особая каѳедра въ Университетахъ Италіянскихъ. Я почитаю себя счастливымъ, что могъ цѣлый семестръ посвятить въ Московскомъ Университетѣ изслѣдованіямъ о нашемъ Петрѣ. Петръ поcтóитъ Данта! Чѣмъ больше будутъ о немъ думать, говорить, писать, тѣмъ будетъ яснѣе становиться вся Русская Исторія.

И не одной Русской Исторіи принадлежитъ Петръ Великій. Всеобщая Исторія имѣетъ полное право на этого сына судебъ.

Скажу здѣсь нѣсколько словъ и о мѣстѣ, которое тамъ принадлежитъ ему.

Я говорилъ о западномъ образованіи и его вліяніи на насъ со стороны отрицательной,—я осмѣлился даже сравнить оное съ чумою, называлъ зломъ неизбѣжнымъ,—но оно имѣетъ свою сторону положительную, свое добро неотъемлемое. Два государства были въ древнемъ мірѣ, Римское и Греческое; на развалинахъ Римскаго государства основались всѣ западныя государства; Греческое представляется Россіею. Запад-

ныя государства приняли Христіанскую вѣру изъ Рима, Россія изъ Константинополя, церковь Римская и Греческая. Образованіе западное отличается точно также отъ восточнаго: одному принадлежитъ изслѣдованіе, другому вѣрованіе; одному безпокойство, движеніе, другому спокойствіе, пребываемость; одному неудовольствіе, другому терпѣніе; стремленіе внѣ и внутрь, сила средобѣжная и средостремительная, человѣкъ западный и восточный. Оба эти образованія, отдѣльно взятыя, односторонни, неполны, одному недостаетъ другаго.

Они должны соединиться между собою, пополниться одно другимъ, и произвести новое полное образованіе западо-восточное, Европейское-Русское.

Вотъ здѣсь лице Петра Великаго получаетъ для меня обще-историческое значеніе, какъ основателя соединенію двухъ всемірныхъ образованій, какъ начинателя новой эпохи въ Исторіи человѣчества! Вотъ здѣсь сердце мое начинаетъ биться сильнѣе, при сладостной мечтѣ, что моему отечеству суждено явить міру плоды этого вожделѣннаго, вселенскаго просвѣщенія, и освятить Западную пытливость Восточною Вѣрою.

Западное образованіе, принесенное Петромъ Великимъ, взяло у насъ преимущество сначала надъ домашнимъ національнымъ образованіемъ,— и очень естественно: младшее государство въ Европѣ, какъ младшее дитя въ семействѣ, под-

вергается всегда вліянію старшихъ. Но теперь мы начинаемъ освобождаться изъ-подъ этого насильственнаго ига Европейскаго; мы начинаемъ думать о собственныхъ своихъ стихіяхъ, пользоваться Европейскимъ опытомъ, наукою, искусствомъ, съ разсужденіемъ, не безусловно, откидывать ненужное для себя, неприличное, несвойственное, покушаемся выражать свою національность въ словѣ, въ мысли, въ дѣлѣ, въ жизни.

Императоръ Александръ, вступивъ въ Парижъ, положилъ послѣдній камень того зданія, котораго первый основный камень положенъ Петромъ Великимъ на поляхъ Полтавскихъ. Періодъ Русской Исторіи отъ Петра Великаго до кончины Александра должно назвать періодомъ *Европейскимъ*. Съ Императора Николая, который въ одномъ изъ первыхъ своихъ указовъ, по вступленіи на престолъ, повелѣлъ, чтобъ всѣ воспитанники, отправленные въ чужіе края, будущіе Профессоры, были именно Русскіе,—съ Императора Николая, котораго Министръ, въ троесловной своей формулѣ Россіи, послѣ православія и самодержавія поставилъ народность,—съ Императора Николая, при которомъ всякое предпріятіе на пользу и славу отечества, предпріятіе Русское, принимается съ благоволеніемъ, начинается новый періодъ Русской Исторіи, періодъ *національный*, которому, на высшей степени его развитія, будетъ принадлежать, можетъ быть, слава сдѣлаться періодомъ въ общей Исторіи Европы и человѣчества.

Я старался представить картину царствованія Петра Великаго, представить его значеніе въ Русской и Всеобщей Исторіи, необходимость его преобразованія, неосновательность однихъ осужденій и возможность другихъ,—наконецъ обязанность, которая лежитъ на Русскихъ ученыхъ, изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ этотъ примѣчательнѣйшій періодъ въ Русской Исторіи.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что наши первые писатели, достойные сыны отечества, отъ начала Русской Словесности до сихъ поръ, живо чувствуя великость и высокость Петровыхъ заслугъ и подвиговъ, пытались выразить національное чувство благодарности и удивленія великому Государю, и воздвигнуть ему памятникъ, чтобъ былъ

Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ,

чтобъ не сломилъ его

Ни громъ, ни вихорь быстротечный;

но завистливая судьба всякій разъ исторгала изъ рукъ ихъ лиру и хартію. Я говорю о Ломоносовѣ, Карамзинѣ и Пушкинѣ.

Ломоносовъ началъ воспѣвать Петра въ эпической поэмѣ, которую не успѣлъ кончить. Это было одно изъ послѣднихъ и любимыхъ его твореній.

Карамзинъ, сказавъ о Петрѣ Великомъ нѣсколько словъ въ путешествіи, и потомъ произнесши

сужденіе о немъ въ своей знаменитой Запискѣ о Россіи, также не могъ представить Петра Великаго въ томъ Обозрѣніи Русской Исторіи, которое предполагалъ онъ сочинить, отъ вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ до нашего времени,- Обозрѣніи, въ которомъ, разумѣется, первое мѣсто принадлежало бы Петру Великому.

Въ послѣдній разъ мы лишились за симъ трудомъ славнаго нашего Пушкина, который оставилъ намъ только слѣдующіе драгоцѣнные стихи, показывающіе, какъ понималъ онъ своего героя:

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье.
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Сими словами я могъ бы кончить свое разсужденіе, но есть еще слова, слова завѣтныя, сказанныя другимъ Русскимъ Геніемъ, пламеннымъ другомъ просвѣщенія, нашимъ учителемъ, нашимъ отцемъ, Ломоносовымъ. Ихъ приведу я въ заключеніе:

«Я въ полѣ межь огнемъ, я въ судныхъ засѣ-«даніяхъ межь трудными разсужденіями, я въ «разныхъ художествахъ между многоразличны-«ми махинами; я при строеніи городовъ, приста-«ней, каналовъ, между безчисленнымъ народа «множествомъ, я межь стенаніемъ валовъ Бѣла-«го, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и «самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра «Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ «пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что «одинъ вездѣ Петръ, а не многіе; и не краткая «жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Вели-«каго Государя! Я вижу въ древности и въ но-«выхъ временахъ обладателей великими на-«званныхъ. И правда, предъ другими велики; «однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ «многія государства, но свое отечество безъ «призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріяте-«ля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ «сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради «одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа «слышалъ плачь и рыданіе своего отечества. «Иной многими добродѣтелями украшенъ; но «вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать «тягости падающаго государства. Иной былъ «на земли воинъ, однако боялся моря. Иной на «морѣ господствовалъ, но къ землѣ пристать «страшился. Иной любилъ науки, но боялся «обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, «ни огня не боялся; однако человѣческаго до-«стоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Кому жъ «я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ «я, каковъ тотъ, который всесильнымъ манове-

«ніемъ управляетъ небо, землю и море; дохнетъ «духъ его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, «и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ пре«дѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не мо«гутъ! Обыкновенно представляютъ его въ чело«вѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка Богу «подобнаго, по нашему понятію, найдти надобно, «кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

«А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности «и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуй«ся.... Мы тобою возвышены, укрѣплены, про«свѣщены, украшены.... Прими въ знакъ благо«дарности недостойное сіе приношеніе. Твои за«слуги больше, нежели всѣ силы наши!»

КРЕСТЬЯНИНЪ

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

1842.

КРЕСТЬЯНИНЪ

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ,

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЖЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Иванъ Посошковъ, крестьянинъ какого-то села Покровскаго, былъ извѣстенъ у насъ по двумъ краткимъ разсужденіямъ: одно представлено имъ было Митрополиту Стефану Яворскому, о состояніи духовенства и объ отношеніи его къ народу, гдѣ сочинитель умоляетъ знаменитаго Іерарха употребить зависящія отъ него средства къ вразумленію мірянъ, утопающихъ въ невѣжествѣ, объ истинахъ Христіанской Религіи и приложеніи ея къ жизни. (Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, издан. К. Ѳ. Калайдовичемъ отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1814.)

Другое представлено Боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину, о ратномъ дѣлѣ, съ указаніемъ разныхъ улучшеній по этой части. (Напечатано Г. Розановымъ въ 1793 году.)

Новиковъ въ Словарѣ Русскихъ писателей (1783) сообщилъ извѣстіе (повторенное Митрополитомъ Евгеніемъ), что Иванъ Посошковъ написалъ книгу: О скудости и богатствѣ.

Это сочиненіе, извѣстное по двумъ первымъ словамъ своего заглавія, которое обѣщаетъ читателямъ не болѣе какого-нибудь нравственнаго разсужденія, заключаетъ въ себѣ полный трактатъ о состояніи Россіи, и о тѣхъ мѣрахъ, кои принять должно для того, чтобъ привести ее въ болѣе лучшее состояніе, и искоренить вкравшіяся злоупотребленія по всѣмъ частямъ государственнаго правленія,—трактатъ, представленный Императору Петру I-му, въ 1724 году, и остающійся для насъ историческимъ памятникомъ своего времени.

Сочиненіе Посошкова раздѣляется на 9 главъ: первая посвящена духовенству, вторая военному дѣлу, третья правосудію, четвертая купечеству, пятая художеству (фабрикамъ), шестая о разбойникахъ (уголовное право), седьмая о крестьянствѣ, осьмая о дворянахъ, крестьянахъ и земляныхъ дѣлахъ, девятая о Царскомъ интересѣ (о финансахъ).

Въ слѣдующей статьѣ представляются главныя мысли Посошкова о всѣхъ сихъ государственныхъ предметахъ.

Прежде всего извлечемъ понятія его о самодержавной власти и лицѣ Русскаго Государя, разсѣянныя по всему сочиненію:

«У насъ самый властительный и всецѣлый Монархъ, а не аристократъ и не демократъ.»

«Правосудное дѣло самое святое и богоугодное: и того ради всячески надлежитъ тщатися, дабы судъ Царевъ былъ яко Божій. Богъ бо всѣмъ намъ судія есть праведный, и на судѣ Его нѣсть лицепріятія: тако и на Царевѣ судѣ не треба быть лицепріятію.»

«Царь судія, и подобенъ онъ Богу: того бо ради всякой вещи за имя Царское отъ мірскихъ нельзя быть не отмѣтнѣе, ибо и въ судѣ у Царя, яко у Бога, нѣтъ лица ни богату, ни убогу, ни сильну, ни маломочну, — всѣмъ судъ единъ, и то сталъ быть судъ Божій.»

«По моему мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи, понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а Царю они вѣковые, и крестьянское богатство царственное, и нищета крестьянская оскудѣніе царственное.»

«Мы не иноземцы: не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ; намъ не мѣдь дорога, но дорого его Царское именованіе; на коей цѣнѣ золотниковой начертаніе будетъ гривенное, то она и за гривну ходить будетъ; а по сему разумѣй, еже у насъ не вѣсъ имѣетъ силу, но Царская воля.»

«Мы Монарха своего почитаемъ яко Бога, и честь Его опасно хранимъ, и волю Его усердно исполняемъ; и того ради идѣ же узримъ имя Его Царскаго Величества назначено, то мы честно и опасно хранимъ.»

«И подъ именемъ Его Императорскаго Величества, аще мѣдь, то и мѣдь подобаетъ полагати самую чистую, безъ всякаго примѣса; буде же серебро, то и серебро самое чистое и честное, чтобъ оно всѣхъ земель превозвышало.»

«Мое мнѣніе лежитъ не на однихъ только деньгахъ, но всякая вещь, коя носитъ на себѣ Царя нашего имя, то надлежитъ ей быть самой чистой и честной.»

«Также и прочія питья, кои подъ именемъ Царскимъ, были бъ самыя добрыя, несравненно съ домовыми питьи вкусомъ и чистотою; и свѣтлицы бы питейныя были свѣтлыя и уборныя, и ни малыя гнусности въ нихъ бы не было: потому что всѣ питейныя продажи носятъ на себѣ имя Царское.»

«Нашъ Царь не купецъ, но Самодержавный повелитель: какъ чему повелитъ быть, тако и подобаетъ тому быть неизмѣнно, и ни мало, ни на право, ни на лѣво, неподвижно. Яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и Царь въ своей державѣ имѣетъ власть, и по Его Царской власти надлежитъ всякой власти весьма быть постоянной и похвальной. И чтобъ яко мѣры вездѣ равныя, и цѣнѣ подобаетъ быти равной, никогда неизмѣнной, какъ въ хлѣбородномъ году,

и въ неродномъ. И какова цѣна вину въ безхлѣбномъ мѣстѣ, тако подобаетъ продавать и въ самомъ хлѣбномъ мѣстѣ; ни питья не измѣняти, ни мѣры, ни цѣны не нарушивать, но имѣвъ все не вредно.»

Вооружаясь противъ сбора по деньгѣ съ рубля на Царскіе расходы, и совѣтуя учредить сборъ десятинный, Посошковъ говоритъ: «Царь нашъ всесовершенный Самодержецъ не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ; онъ нашъ Государь подобенъ Богу, еже восхощетъ, можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и ни какая нужда денежная его коснутися не можетъ.»

Духовенство считаетъ *Посошковъ*, вмѣстѣ со всѣми просвѣщеннѣйшими людьми нашего времени, первымъ сословіемъ, на которое Правительство должно обратить особенное вниманіе, сословіемъ, которое можетъ дѣйствовать благодѣтельно на всѣ прочія, преимущественно на простой народъ.

«Священство,» говоритъ онъ, «столпъ и утвержденіе всему благочестію и всему человѣческому спасенію. — Мое мнѣніе тако... яко вся наша погибель и спасеніе залежитъ въ пресвитерахъ: аще они будутъ несмысленные, то и люди паствы его несмысленны будутъ, и аще пресвитеры будутъ благоразумны и святы, то и люди паствы его всѣ будутъ разумительны.»

«Въ духовномъ чинѣ аще будутъ люди не ученые, и въ Писаніи не искусные, и Вѣры Христіанскія всесовершеннаго основанія не вѣдущіе, и воли Божія не разумѣющіе, къ тому же сице будутъ пьяницы, и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша Христіанская Вѣра вся исказится и весьма испразнится, и вмѣсто древняго единогласнаго благочестія вси разидутся въ разногласные расколы и во еретическія вѣры.»

«Нерадить о томъ великомъ и страшномъ дѣлѣ вельми, яко Царю, такъ и Архіереомъ опасно есть, ибо чрезъ уста Св. Пророка Іезекіиля тако Духъ Святый возгремѣ, еже хощетъ Богъ всѣхъ погибшихъ души человѣческія взыскати отъ руки господствующія ими.»

Представивъ съ одной стороны важность духовенства въ составѣ государственномъ и пользу, какую принести оно можетъ, а съ другой стороны указавъ опасность отъ невниманія къ оному, Посошковъ съ горестію говоритъ о недостаточномъ образованіи духовенства, которому приписываетъ много зла: успѣхъ раскола и упадокъ благочестія.

«А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ, ибо не токмо отъ Люторскія или отъ Римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго расколу не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ бы (раскольниковъ) обличить.»

«А что Богъ взыщетъ всякія души на нихъ, того не смышляютъ, и коль у Бога душа человѣческая велика, ничего того не знаютъ.»

Начавъ осуждать такимъ образомъ духовенство, Посошковъ прерываетъ рѣчь свою, какъ бы останавливается въ недоумѣніи, и восклицаетъ съ умилительнымъ чувствомъ: «Не постави, Господи Боже мой, сего моего словеси во осужденіе, еже дерзнулъ поносительно на пастырей своихъ писати: самъ вѣсть, ни предъ Богомъ, ни предъ Царемъ, ни предъ простымъ народомъ, чѣмъ исправенъ, но токмо едино отъ мнѣнія моего припало желаніе, да негли и изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе.» Въ другомъ мѣстѣ онъ также говоритъ: «И аще сія моя изрѣченія вознепщуетъ кто, яко бы азъ написалъ сіе на осужденіе и на поруганіе пресвитерамъ, и о семъ Богъ есть свидѣтель, что не руганія ради написалъ сія, но ради исправленія, и самъ я не безъ страха, что въ такое дѣло великое вступилъ, — обаче буди Божія воля! Онъ вся вѣсть, чего ради тако дерзнулъ.»

Какія же мѣры должно употребить, чтобъ поставить духовенство на мѣсто, принадлежащее ему въ обществѣ, Посошковъ сильно настаиваетъ — «еже попамъ сельскимъ и причетникамъ ихъ пашни по прежнему не пахать и сѣно не косить, но пещися имъ только о церковной службѣ, да о паствѣ духовной.»

«О семъ я неизвѣстенъ,» продолжаетъ Посошковъ, «какъ дѣется въ прочихъ Христіанскихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Руси сельскіе

попы питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны, мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу, и попъ за косу, а Церковь Святая и духовныя паствы остаются въ сторонѣ.»

Посошковъ совѣтуетъ опредѣлить имъ казенное содержаніе – десятину или иное, по усмотрѣнію Правительства, дабы они заботились о паствѣ, а не о пашнѣ.

«Пресвитерамъ подобаетъ подобно Апостоламъ, чтобы они ни о здравіи своемъ, ни о богатствѣ, ни о пищѣ своей такъ не пеклися, како о спасеніи душъ человѣческихъ: понеже Богъ всѣхъ погибшихъ взыщетъ на нихъ.»

Вторая мѣра, или другая первая, есть просвѣщеніе,—учрежденіе училищъ по всѣмъ эпархіямъ для дѣтей священнослужителей.

Посошковъ предлагаетъ совѣты объ употребленіи времени въ сихъ училищахъ, о ходѣ ученія, объ испытаніяхъ въ разныя степени — въ діаконы, священники и архимандриты: «А по моему мнѣнію, аще кой ставленникъ и въ школѣ учился, обаче надлежитъ его испытати, какъ онъ въ разумѣ и во всякомъ разсужденіи, да тогда уже и посвящать. А буде который и грамматикѣ учился, а смыслу къ разсужденію нѣсть въ немъ, и таковыхъ въ пресвитеры посвящать отнюдь не надлежитъ. Въ пресвитерство отсылать самыхъ достаточныхъ, и въ писаніи разсудительныхъ, и во нравѣ кроткихъ, чтобъ онъ

былъ свѣтъ міру, а не тьма. И таковыхъ достойныхъ священства, аще и пономарскія дѣти или крестьянскія, отсылать въ пресвитерство къ церквамъ не по отечеству, не по заступѣ. А буде кой и разуменъ на всякое разсужденіе, а нравомъ неключимъ, и таковыхъ не только въ пресвитеры, но и въ причетъ церковный отнюдь не отсылать.»

Посошковъ совѣтуетъ напечатать какъ можно болѣе Библій, Миней, книгъ о священнослуженіи, и разослать по школамъ; равно и возраженій на всѣ ереси. «Не худо бы и лѣтописныхъ книгъ давать имъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ бывало.»

«И таковымъ способомъ вся Россія можетъ умудриться не весьма многими лѣты; и сіе преславное дѣло трудно токмо начати да основати, а тамо оно уже и само правитися будетъ, понеже ученіе грамматическое и прочихъ наукъ умнымъ и острымъ людямъ вельми охотно и любезно бываетъ.»

Потомъ предлагаетъ Посошковъ совѣты священнослужителямъ, какъ должны они жить, что дѣлать, какъ поступать съ своими дѣтьми духовными. Онъ требуетъ, чтобъ и одежду духовные имѣли чистую и отличную. Описавъ оную въ подробности, заключаетъ:

«И пресвитеру подобаетъ быть всегда трезву, и слово ко всякому человѣку имѣть умилительное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое....»

Послушаемъ, какъ понимаетъ Посошковъ вліяніе духовенства на народъ. «И тако ихъ надлежитъ изучити, чтобы во время исповѣдыванія дѣтей своихъ духовныхъ паче всего научали о богопочтеніи и боговѣріи: како твердо въ немъ стояти, како молитвы своя Богу возсылати,.... како обходиться въ мірѣ, ... и къ сродникамъ и чужероднымъ любительнымъ быти, и ни какого зла не дѣлати.»

«И о семъ всѣхъ бы своихъ дѣтей духовныхъ увѣщевали, чтобы они дѣтей своихъ юныхъ, не токмо градскіе, но и поселяне, учили бы грамотѣ и всякому благонравію.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, чтобы священники «по домамъ дѣтей своихъ духовныхъ ходили, и смотрѣли какъ они живутъ, исправны ли въ его приказаніи, и не погрѣшили ль въ чемъ, и тако на всякій мѣсяцъ всякаго своего сына посѣщали бъ, и подкрѣпляли ихъ, чтобъ памятовали то, чему его на исповѣди училъ.»

«И въ тѣхъ бы посѣщеніяхъ отнюдь бы ни чему не касался, и вина бы не пилъ. Что онъ ради надзиранія духовныя паствы ходитъ, а не ради потребъ, и чтобъ тѣ пресвитеры уподобились Святымъ Апостоламъ. И тако творя, вси бы сельскіе попы были пастырями совершенными, и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ.»

Вторая глава у Посошкова посвящена *дѣламъ военнымъ*. Для успѣха въ военныхъ дѣлахъ, Посошковъ считаетъ необходимымъ, во-1-хъ улучшить солдатское содержаніе, во-2-хъ подвинуть ученіе, и наконецъ въ-3-хъ утвердить судъ нелицепріятный:

«Отъ безкормицы служба вельми не спора, потому что голодный идучи и за солому защемляется, а не то что ему непріятеля гнать, и чрезъ колоды и чрезъ рѣчки скакать; голодный человѣкъ подобенъ осиновому листу, и отъ малаго вѣтра шатается, у голоднаго и работа худа, а не то что служба.»

«И мню, аще пищею и одеждою довольны бъ были, то, чаю, что и служба у нихъ вдвое скорѣе была; а едва голоденъ и холоденъ, и ходитъ корчася, то онъ какой воинъ, что служа воетъ.»

Потомъ Посошковъ разсуждаетъ подробно объ искусствѣ стрѣлять, объ исправности и достоинствѣ оружія, огнестрѣльнаго и холоднаго, объ ученьѣ и наградахъ за успѣхи, о постоянномъ жалованьѣ, о бѣглыхъ, о судахъ надъ офицерами, солдатами, о наказаніяхъ.

«Я сего не могу знать, что то за повычай древній солдатскій, что только одно ладить, чтобъ всѣмъ вдругъ выстрѣлить, будто изъ одной пищали. И такая стрѣльба угодна при потѣхѣ или при банкетѣ веселостномъ, а при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится: тамъ не игрушку надобно дѣлать, но самое дѣло, чтобъ

даромъ пороху не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь бы тотъ припасъ шелъ бы въ дѣло, по что сошлися.»

«Я много слыхалъ отъ иноземцевъ военной похвалы такой: «такъ, де, жестоко билися, что въ огнѣ, де, стояли часовъ шесть, а никто, де, никого съ мѣста сбить не могли,» и сія похвала Нѣмецкая. У нихъ бы она и была, а намъ дай Боже ту похвалу нажить: «съ Русскими, де, людьми биться нельзя: ежели, де, единожды выпалятъ, то, де, большую половину повалятъ, и такая битва не въ счетъ часовъ, но въ одну минуту.» И если Богъ изволитъ тако нашимъ Русскимъ солдатамъ научиться, что не одинъ бы пуль даромъ не терялъ, и отъ таковыхъ солдатъ, если бы тысячь десятокъ набрать, то я знаю, что и двѣнадцатью тысячами не пошелъ бы никто на битву съ ними; отъ Русскихъ солдатъ, будто отъ лютаго звѣря, всякій бы непріятель бѣжалъ бы безъ оглядки.»—.... «Стали бъ всѣ непріятели трусить, а если же къ таковымъ бойцамъ да состроить рогатки огнестрѣльныя съ запальными пищальми, то (изъ) таковыхъ пищалей встрѣтилъ бы непріятеля сажень во стѣ, и пока къ сраженію сходятся, а у нихъ начальныхъ людей, кои предъ полкомъ выступаютъ, поубавилъ бы; а егда въ саженяхъ тридцати будутъ, то бъ встрѣтилъ ихъ рогаточной стрѣльбою. А кои у рогаточной стрѣльбы останутся, то тѣхъ бы тѣ солдаты изъ своихъ фузій подхватили, и отъ тоя стрѣльбы, кои остальны будутъ, то ихъ бы ручнымъ боемъ проко-

лоли. А буде устремятся на побѣгъ, то конные такіежъ огнестрѣльные драгуны проводили бъ ихъ — до упокоенія вѣчнаго.»

«Наконецъ,» продолжаетъ онъ, «аще и всѣмъ довольны и военному дѣлу научены будутъ добрѣ, а дана имъ будетъ воля и потачка, яко рядовымъ, тако и офицерамъ ихъ, то паки дѣло военное не споро у нихъ будетъ.»

«При квартирахъ солдаты и драгуны такъ не мирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно, а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ.... И того ради многіе и домамъ своимъ не рады; а въ обидахъ ихъ судъ на нихъ сыскать негдѣ: военный судъ аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко и доступать его, понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей; не токмо простолюдину доступить къ нему, но и военный человѣкъ не на равнаго себѣ не скоро судъ его сыщетъ.»

«И ради общежительства любовнаго, аще Великій нашъ Монархъ повелитъ судъ устроити единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, каковъ солдату, таковъ и офицеру, ни чѣмъ же отмѣненъ и полковнику и генералу,—и чтобъ и судъ учинить близостный, чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко было его доступить, како на простолюдина, тако и на служиваго,—то по таковому уставу не то что офицеровъ, солдатъ изобижать, но и земледѣльцевъ не будутъ обидѣть....»

«Вси прежнюю свою гордость и озарничество, и обиды всѣ отложатъ, и будутъ со всѣми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не станутъ того дѣти (?) и указъ Его Императорскаго Величества не станутъ ничтожить; ибо тѣжъ люди, да вси измѣнятся, и за то всякому чину будутъ милы, и въ квартирномъ стояніи вси будутъ имъ ради, яко свойственникамъ.»

Посошковъ вооружается противъ западнаго суда, по которому равный судится равнымъ: «Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдатажъ милости просить, а на офицера у офицера же: старая пословица есть—еже воронъ ворону глаза не выклюнетъ. Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не погнетъ, а офицеры и давно не промѣняютъ своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему по невслѣ другъ. И нельзя имъ другъ другу и не наровить, потому—нынѣ тотъ виненъ, а на иной день будетъ и онъ виненъ, и того ради не можно имъ праваго суда на своего брата изнести.»

«Обаче ради нелицепріятнаго суда надлежитъ судьямъ быть особливымъ, кромѣ солдатъ и офицеровъ, чтобы уже судъ былъ всѣмъ безъ понаровки. И судьямъ страшный и жестокій указъ предложить, дабы никакому лицу ни понаровки, ни посяжки не чинили, а неправедно ни самаго земледѣльца безвинно осудити, если и челобитной у него не принять, не смѣли.»

Впрочемъ, о военномъ искусствѣ Посошковъ распространился подробнѣе въ своей запискѣ, поднесенной Боярину Головину и напечатанной подъ заглавіемъ: Россіянинъ прошедшаго вѣка.

Въ третьей главѣ, самой обширной (около 80 страницъ), Посошковъ разсуждаетъ *о правосудіи.*

«У насъ въ Россіи намъ сіе весьма зазорно: не точію у иноземцевъ свойственныхъ Христіанству, но и бусурманъ, судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды негодная, и какіе указы Императорскаго Величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ.»

Посошковъ считаетъ необходимымъ сочиненіе новаго кодекса или уложенія, совершеннаго въ нынѣшнее царствованіе.

«И самыя правды, и праваго и здраваго разсужденія, ни милостью, ни жесточію, ни измѣнными судьями, ни иными каковыми вымыслы, мнѣ мнится учинить невозможно, аще прежде не сочинить всякимъ великимъ и малымъ дѣламъ распоряженія недвижимаго,... понеже древніе уставы всѣ обветшали, и отъ неправды судей всѣ исказились.»

«Понеже у всякаго судьи свой умъ, и какъ кому понравится, то такъ и судитъ. А надобно

такъ его усудить, чтобъ и не весьма смышленный судья могъ право судить.»

«И ради совершенной правды ни коими дѣлы, древнихъ уставовъ не измѣняя, самаго правосудія насадити и утвердити невозможно. Въ правителяхъ бо вельми трудна вещь, ежелибъ ихъ отъ неправды отвратить, понеже неправда въ нихъ вельми вкоренилась и застарѣла, и отъ мала даже и до велика всѣ стали быть поползновенны, овые ко взяткамъ, овые же боящеся сильныхъ лицъ, и ниже боящеся Бога и ябедниковъ, и иные того боясь, да еще впредъ пріиметъ тотъ власть таковую жъ, какову онъ имѣетъ, и чтобъ тогда, такожде ему послабилъ, и того ради всякія дѣла Государевы и не споры, и сыски неправы, и указы Его Императорскаго Величества не дѣйствительны, ибо вси правители, дворянскаго чина, своей братьи знатнымъ наровятъ, и власти имутъ и дерзновенія токмо надъ самыми маломочными людьми; а нарочитымъ дворянамъ не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи; но кому что угодно, такъ то и чинятъ, и затѣмъ всякія дѣла неисправны живутъ.»

«Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліонъ тянутъ, то како дѣло его скоро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на его мѣсто готовы. И того ради, не измѣняя древнихъ порядковъ, колько ни бившись, про-

ку не будетъ. Не токмо суда весьма застарѣлаго, не разсыпавъ его и подробно не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхія, не разсыпавъ всея и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити ; а судебныя дѣла не только одному человѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправити : тяжко бо есть судебная статья.»

«Се бо и самъ Господь Богъ, Ветхаго Закона не отставя, Новаго не насадилъ; но егда Ветхій отставилъ, то Новый водрузилъ, и тако онъ укоренился, еже и адова врата одолѣти не могутъ. Тако и правосудія никто разрушить уже не можетъ, аще древнія неправды всѣ отмѣнены будутъ въ конецъ.»

«И не токмо всѣмъ правды творити, но чаю, что изложеніе правое трудно и сочиняти, понеже сильные люди, кои обыкли обижать, не возложатъ на себя сила, но всячески будутъ препинати, дабы не весьма имъ отъ праваго суда потиснутымъ быти, и того ради всячески будутъ тщатися, дабы имъ по прежнему можно было убогихъ и малолѣтныхъ обижать и разорять.»

«И аще препинатели правосудія явятся прежде начинанія правосуднаго, то всячески надлежитъ ихъ осѣкати, дабы начинанію правды препинанія ни малаго не чинили.»

Какимъ же образомъ сочинить новое уложеніе? Посошковъ предложилъ планъ, приведенный

послѣ въ исполненіе Императрицею Екатериною II, которая созвала депутатовъ, или, по древнему Русскому выраженію, выборныхъ людей отъ всѣхъ сословій въ Россіи.

«И къ сочиненію тоя судебныя книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина, самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ божественномъ писаніи искусныхъ; тако же и отъ гражданства кіи, въ судебныхъ и военныхъ правительныхъ дѣлахъ искусные, и высокаго чина, кои не горды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны; и отъ иныхъ чиновъ, кои не высокоумны; и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны; и отъ дворянства, кіи во всякихъ дѣлахъ перебыли; кіи и отъ солдатъ смышлены, и въ службахъ и нуждахъ натерлися и правдолюбные; изъ людей боярскихъ, кои за дѣлы ходятъ; и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ, не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали, и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како во крестьянехъ не быть людемъ разумнымъ.»

«И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи, какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ

бытія въ томъ новоисправномъ изложеніи не было »

«И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ предложить Его Императорскому Величеству, да разсмотритъ его умная острота, и кіи статьи Его Величеству угодны, то тѣ тако да и будутъ, а кіи непотребны, тыи да извергнутся, или исправить по пристойству надлежащему. И сіе мое рѣченіе многіе вознепщуютъ, яко бы азъ Его Императорскаго Величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ же не снижая Его Величества самодержавія, но ради самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякій человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна, и аще кто узритъ какую неправостную статью, то бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ бы, что въ ней неправость, и ничего не опасаяся подалъ бы къ исправленію тоя книги: понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели въ иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ (во) своей бытности выстеречи, дондеже книга не совершится. А егда уже совершится, то уже никто не можетъ помочи. Того бы ради и дана свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредъ никому спорить было немочно, но во вѣки вѣковъ было бы нерушимо оно.»

«Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради, безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса ни коими дѣлы невозможно: понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, каждому по силѣ его, – овому далъ много, овомужъ менѣе, обаче нѣтъ такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что̀ далъ Богъ знати малосмысленному, того не далъ знати многосмысленному, и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться, и умомъ своимъ возноситься, и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, но ихъ въ совѣтъ призывать надобно.»

Дальнѣйшіе совѣты, по сочиненію уложенія, исполняются при многихъ постановленіяхъ нынѣшняго царствованія: «Аще и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтіемъ учинена она будетъ, вскорѣ печатать ихъ не надлежитъ, но первѣе попробити на дѣлахъ, и буде никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако. А буде въ какой статьѣ явится нѣкакая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ее. И того ради не худо бы года два-три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И донележе тоя новосочиненная книга строится, многія бы статьи и опробились.»

«И аще иное какое дѣло съ таковымъ смиреніемъ нисходительнымъ будетъ строиться, то

самъ Богъ при таковомъ дѣлѣ имать быти, и помощь свою ко исправленію подаетъ, понеже всегда Богъ со смиренными пребываетъ, и отъ гордыхъ и высокоумныхъ отвращается. А право судное дѣло самое святое и богоугодное, и того ради всячески надлежитъ подщатися, дабы судъ Царевъ былъ яко Божій; Богъ бо всѣмъ намъ судія есть праведный, и на судѣ его нѣтъ лицепріятія,—того ради и въ человѣцехъ требуетъ праваго суда. И азъ о правосудіи тако мню: уже Царю не тако полезенъ постъ и молитва, яко правосудіе.»

«И впреди тоя книги надлежитъ сдѣлать всѣмъ дѣламъ изъявленіе, и разобрать ихъ по азбукѣ, и по чину дѣлъ разноличныхъ, чтобъ всякій человѣкъ безъ труда на всякое дѣло указъ и совершенное рѣшеніе могъ во едину минуту обрѣсти.»

За симъ Посошковъ предлагаетъ изображеніе блюстителя правосудія, которое Императрица Екатерина осуществила въ лицѣ Генерала-Прокурора, или нынѣшняго Министра Юстиціи: «И ради самой твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи, чтобы отъ правосудія ни много ни мало судьи не колебались, и надлежитъ учинить особливыя канцеляріи, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный Царю, ежели бы онъ былъ око Царево, вѣрное око, иже бо надъ всѣми судьями и правителями былъ вящшій, и за всякими бы правителями смотрѣлъ властительно, и никого бы онъ кромѣ Бога и Его Императорскаго Величества не боялся.»

*

«И къ той бы канцеляріи приходъ бы былъ самый свободный; и самъ бы тотъ правитель былъ низокъ, и ко всякимъ бы людямъ былъ снисходителенъ, и не тяжекъ бы онъ былъ. Аще и не по вся дни, обаче, улуча время по коллегіямъ ходилъ бы и смотрѣлъ, каково кто дѣло свое управляетъ, и нѣтъ ли въ дѣлахъ какія неисправности, и нѣтъ ли на нихъ какихъ жалобщиковъ.»

Послушаемъ, какое высокое понятіе Посошковъ имѣлъ вообще о званіи судьи: «Я по своему мнѣнію судное дѣло и управленіе судейское вельми поставляю высоко, паче всѣхъ художествъ на свѣтѣ сущихъ, и того ради никакому человѣку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному, не подобаетъ судейства или начальства искать, но всячески отъ него отрицаться, понеже весьма тяжелоносно оно.»

И вотъ какой совѣтъ подаетъ Посошковъ нареченному судьѣ: «Егда кто отъ Его Императорскаго Величества опредѣленъ будетъ къ управленію судному, то подобаетъ ему умолить пресвитера, дабы Господу Богу всенощное пѣніе отправилъ и литургію, и молебное пѣніе Богу Отцу нашему небесному воспѣлъ, и въ томъ моленіи просилъ бы объ откровеніи въ дѣлахъ у Господа Бога со слезами, еже бы Богъ подалъ ему познавати правдивость и винность во всякомъ дѣлѣ. И во всемъ томъ правленіи надлежитъ всего себя вручить Богу, и еже бы Онъ не допустилъ до какого-либо искушенія, и чтобъ

отъ неправости какой не впасти бы въ каковыя напасти. А не худо бы и на всякій день, возставъ отъ ложа своего, то новосочиненный (?) Богу Отцу нашему небесному канонъ прочитывати съ богомысліемъ, дабы дѣла его судныя строились по волѣ Его Божіей, и не допустилъ бы Богъ до какого-либо искушенія, и избавилъ отъ всякаго лукаваго дѣла.»

Можно-ли слышать безъ умиленія эти простыя, искреннія, благочестивыя слова, плодъ нашего древняго воспитанія (я говорю объ избранныхъ людяхъ), которое состояло во внушеніи страха Божія, названнаго отъ мудрѣйшаго изъ людей, Соломона, началомъ премудрости? Кругъ этого древняго воспитанія стѣснился со времени Петра I-го, будучи предоставленъ только простому народу. Дай Богъ, чтобъ и Петрово насажденіе, наука, ученіе школьное, Нѣмецкое и Латинское, давало намъ, чего мы впрочемъ въ правѣ надѣяться, такой же благодатный плодъ!

Посошковъ разсуждаетъ далѣе о средствахъ внѣшнихъ, какъ оградитъ правосудіе. «Мнѣ мнится лучше, пропитанія ради, главнымъ судьямъ и приказнымъ людямъ учинить окладъ съ дѣлъ, по чему съ какого дѣла брать за работу; и уложить именно, по чему брать съ рубля на виноватомъ, и по чему съ рубля съ праваго, и по чему съ раздачи жалованной, и по чему съ купецкихъ и подрядныхъ дѣлъ, и по чему съ каковыя выписки,» и пр.

Посошковъ, предложивъ многія другія мѣры, наконецъ говоритъ о наказаніяхъ за неисправность или злоупотребленіе, кои, по его мнѣнію, должны быть одинаковы для знатныхъ и незнатныхъ.

«И аще великородныхъ судій поберечь отъ жестокихъ казней, то лучше изначала.... въ судіи посадить изъ низкихъ чиновъ. Аще кто и согрѣшитъ, стоять за нихъ и упрашивать не будутъ: да и сами они паче высокородныхъ бояться будутъ. А высокородные на уложенные уставы мало смотрятъ, но какъ кто восхощетъ, такъ и дѣлать будетъ по своей природной пыхѣ.»

«И тѣмъ низкороднымъ судьямъ надлежитъ дать такое величество, чтобъ они ни каковыхъ лицъ не боялись, кромѣ Бога да Царя.»

Далѣе Посошковъ предлагаетъ разныя средства для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, особенно о колодникахъ: «Я истинно удивляюсь, что у судей за нравъ, что въ тюрьму посадя, задержатъ лѣтъ по пяти, шести и больше. То судьѣ прямая честь, еже бы не токмо колодниковъ, но и челобитчиковъ въ канцеляріяхъ не много шаталось; я не знаю, что въ семъ за краса, еже такъ въ канцелярію челобитчиковъ натѣснится, что до судьи и дойдти не мочно.»

Какъ ни строгъ Посошковъ противъ виноватыхъ, но чувство человѣколюбія въ немъ очевидно:

«А кто предъ судьею придетъ, и будетъ стоять молча, и такого человѣка надлежитъ судьѣ самому спросить тихимъ гласомъ, какова ради дѣла стоитъ; и егда скажетъ онъ о дѣлѣ своемъ, то надлежитъ дѣло его паче докучливаго управить, потому что многіе люди бываютъ самые смирные и застѣнчивые; и аще и самая нужда, помощника ему нѣтъ, а самъ подокучить не смѣетъ. И того ради всячески ему помочи; и буде его есть правость, то и наипаче подать ему руку помощи, понеже таковыхъ безсловесныхъ многословные ябедники вельми изобижаютъ, и многорѣчіемъ своимъ ихъ правду заминаютъ.»

Не стану выписывать мнѣнія Посошкова о занятіяхъ судей, о присмотрахъ за подьячими, за что̀ и ка̀къ ихъ награждать, за что̀ и ка̀къ наказывать, о допросахъ, очныхъ ставкахъ, слѣдствіяхъ, разнорѣчіяхъ, свидѣтеляхъ, проволокахъ, крестьянскихъ побѣгахъ. Нѣкоторыя его мнѣнія, здѣсь какъ и вездѣ, обветшали, но всѣ интересны, какъ свидѣтельства историческія о состояніи Россіи его времени, или о собственномъ его лицѣ.

Но всего любопытнѣе мѣры, кои предлагаетъ онъ для примиренія тяжущихся: ка̀къ судья долженъ призвать челобитчика, усовѣщивать его и вывѣдывать правду; потомъ, ка̀къ долженъ онъ поступать съ отвѣтчикомъ, и ка̀къ наконецъ сравнивать показанія, и склонять къ взаимной уступчивости.

Замѣтимъ слѣдующія любопытныя слова, кои служатъ къ подтвержденію и поясненію одного древняго слова, коего значеніе нынѣ затеряно.

«Чтобы на судѣ и въ допросѣ,» говоритъ Посошковъ, «были истцы и отвѣтчики сами, а не наемные ябедники....» это никто другіе, какъ адвокаты. Такой смыслъ подтверждается слѣдующими словами:

«Понеже ябедники ябедничествомъ и многословіемъ и самую правду заминаютъ, и праваго виннымъ поставляютъ, а виноватаго правымъ, и такъ правду заминаютъ, что и судьи словъ ихъ разбирать не могутъ.»

Извѣстно Скандинавское и древнее-Нѣмецкое происхожденіе этого слова. Эти чиновники пришли, видно, въ ненависть къ народу, и имя ихъ изъ нарицательнаго сдѣлалось браннымъ; въ бранномъ только значеніи дошло до насъ. Слѣдовательно адвокаты въ древности у насъ были, и исправляли точно ту же обязанность, какъ исправляютъ теперь въ западныхъ государствахъ, но отвергнуты народною ненавистью.

Въ главѣ IV Посошковъ разсуждаетъ о *купечествѣ*, предлагая сначала общее разсужденіе, которое показываетъ, какъ основательно понималъ онъ всякое званіе.

.... «Есть многіе несмысленные люди, кои купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими,

и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чину, коему бы купецкій человѣкъ не потребенъ былъ.... безъ купечества ни каковое, не токмо великое но и малое, царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.»

«Царство воинствомѣ разширяется, а купечествомъ украшается, и того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы ни малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось.»

...«Дать имъ торгъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами полнились, и Его Императорскаго Величества интересъ умножали.»

Посошковъ впрочемъ безпристрастенъ, заступаясь въ сихъ словахъ за купечество; онъ съ одинаковымъ прискорбіемъ говоритъ тотчасъ послѣ и о порокахъ купечества:

«Купечество у насъ въ Россіи чинится весьма не право: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми, и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ не прямую, и между собою союзства ни малаго не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ, и тако вси погибаютъ; а въ зарубежныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ, а у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарищества.»

Я обращу вниманіе здѣсь также только на главныя мысли, а еслибъ указывать на всѣ

примѣчательныя, то должно бы переписывать всю книгу.

Посошковъ считаетъ необходимымъ раздѣленіе сословій, кои отнюдь не должны мѣняться между собою, хотя переходъ изъ одного сословія въ другое и не возбраняетъ. «Буде кто-нибудь, аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людій, или церковные причетники, или крестьяне, похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній чинъ оставить, и записаться въ купечество, и промышлять уже прямымъ лицомъ, а не пролазомъ, и всякіе торги вести купеческіе съ платежемъ пошлинъ и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ.»

Потомъ разсуждаетъ Посошковъ о торговлѣ заграничной, предлагаетъ мѣры для установленія цѣнъ на отпускные товары, мѣры, до которыхъ до сихъ поръ не можетъ возвыситься Русское купечество, остающееся подъ властію иностранцевъ.

Любопытно сравненіе товаровъ нашихъ съ привозными.

«И егда иноземецъ торгуетъ какого товара Русскаго многое число или и малое, то всѣмъ Русскимъ людямъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ.... поверстався по количеству товаровъ своихъ, чтобъ ни богатому ни убогому обиды не было, надлежитъ опредѣлить цѣну.»

«И тако творя, между всѣми купецкими людьми будетъ мирно и согласно, а цѣны никому уронить будетъ нельзя; и почему какому товару цѣну съ общаго совѣта наложатъ, то уже иноземцы по той цѣнѣ нехотя возмутъ.»

«А буде иноземцы похотятъ нашимъ товарамъ цѣну снизить, и товаровъ по наложенной цѣнѣ брать не станутъ, то надлежитъ у маломочныхъ товары всѣ богатымъ за себя снять. А буде купецкіе люди за недостаткомъ денежнымъ не соймутъ, то выдать бы имъ деньги изъ Ратуши, и отпустить ихъ во свояси, и впредъ до указу таковыхъ товаровъ не возили бъ, хотя года два, три или больше, донележе со иноземцы торгу не будетъ, промышляли бы и инымъ каковымъ промысломъ.»

«И буде иноземцы восхотятъ нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, еже бы нашихъ Русскихъ товаровъ цѣною не возвысить, а своихъ не снизить, оставя торгъ поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то и свои они товары, съ коими они пріѣхали, повезли бы всѣ съ собою назадъ; а въ амбары съ кораблей не сторговавшись отнюдь класть имъ не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать станутъ; или гдѣ въ домъ похотятъ сложить, отнюдь того имъ не брать; то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего, какъ привезли, такъ пусть и назадъ повезутъ.»

«А въ другое лѣто буде пріѣдутъ, то надлежитъ намъ на свои Русскіе товары, ко установ-

ленной прошлогодней цѣнѣ, приложить на рубль по гривнѣ или по четыре алтына, или какъ о томъ указъ Великаго Государя состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы въ томъ товарѣ даромъ не прогуляли.»

«Еслибъ случилось товарамъ лежать быти годъ, то должно возвышать цѣну процентами по количеству времени, и оставить ее, возвышенную уже и навсегда, въ наказаніе за ихъ упрямство.»

«Обще же я мню, хотя они и хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, и аще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустятъ до двойныя цѣны; будутъ торгъ имѣть повсегодно, видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложатъ. Для насъ хотя вовсе они товаровъ своихъ къ намъ возить не будутъ, мню, можемъ прожить безъ ихъ товаровъ, а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ; и того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовати, а имъ рабствовати предъ нами, и во всемъ упадку предъ нами держать, а не гордость.»

«Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну уставляютъ низкую, а своимъ ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны.... и деньги нашего Великаго Царя цѣнятъ.»

«Можно имъ было надъ нами ломаться тогда, когда сами наши Монархи въ купеческія дѣла не вступали, но управляли бояре; и пріѣхавъ, они иноземцы засунутъ къ инымъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто-другое, то за сто рублевъ сдѣлаютъ они иноземцы прибыли себѣ по милліону, потому что бояре не ставили купечество ни въ яичную скорлупку· бывало на грошъ все купечество промѣняютъ.»

Посошковъ сильно негодуетъ на иноземцевъ за то, что они цѣнятъ наши деньги по своему, и возвышаютъ потому цѣны на свои товары, для насъ большею частію безполезные, только что красивые.

«И того ради вельми намъ себя надлежитъ осмотрѣть, и нѣмецкихъ разсказовъ намъ не переслушать; они какую бездѣлицу ни привезутъ, то надсѣдаясь хвалятъ, чтобъ мы больше у нихъ купили, и уже чего не затѣютъ, не знаютъ, и пива наваря нальютъ въ бутылки, привозятъ, да продаютъ по десяти алтынъ.»

Точно также возстаетъ онъ противъ стеклянной посуды, противъ непрочныхъ шелковыхъ матерій, накладныхъ пуговицъ.

«Нѣмцы никогда насъ поучаютъ на то, чтобъ мы бережно жили, и ничего бъ напрасно не теряли, только то выхваляютъ, отъ чего бы пожитокъ такой имъ припалъ, а не намъ; они не только себя, но и прочихъ свою братью всякими вымыслами богатятъ, а насъ больше въ скудость пригоняютъ. И того ради надобно намъ

разумѣя разумѣть о всякихъ ихъ дѣлахъ, яко о купецкихъ, тако и о военныхъ и о художныхъ дѣлахъ; не тутъ-то у нихъ правда, что на словахъ лодогозятъ: надобно смотрить ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ, и смотрить прозрительнымъ окомъ.»

«Надлежитъ заморскіе товары съ разсмотрѣніемъ покупать,... тѣ токмо.... безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ нѣмецкія затѣйки и прихоти ихъ мочно и пріоставить, дабы напрасно изъ Руси богатство не тащили. На ихъ мягкія и лестныя басни и на всякія ихъ хвасти намъ смотрѣть не для чего. Намъ надлежитъ свой умъ удержать; и что намъ къ пополненію царственному потребно и прибыльно, то надлежитъ у нихъ покупать, а кои намъ вещи не къ прибыли, или кои не прочны, тобъ тѣхъ отнюдь у нихъ не покупали.»

Посошковъ совѣтуетъ установить списокъ товаровъ, какіе допустить можно.

«Намъ надобно не парчами себя украшать, но надлежитъ добрымъ нравомъ, и школьнымъ ученіемъ, и Христіанскою правдою, и между себя истинною любовію, и непоколебимымъ постоянствомъ, яко въ благочестивой Христіанской Вѣрѣ, тако и во всѣхъ дѣлахъ. И за таковое украшеніе не токмо на земли, но и на небеси будемъ славны.»

Премудрыя слова, кои золотыми буквами напечатать должно! И въ слѣдствіе этого Посош-

ковъ предлагаетъ особенную важную мѣру объ одеждахъ, которую объясню я въ другомъ мѣстѣ.

Не приводя мыслей Посошкова о частностяхъ, напр. о добросовѣстности въ торговлѣ, о наказаніи и предупрежденіи обмановъ, и проч., я заключу свое извлеченіе изъ этой главы предложеніемъ Посошкова о компаніяхъ или товариществахъ для взаимнаго содѣйствія въ предотвращеніи банкротствъ, кое показываетъ обширный его политическій горизонтъ. Пусть распространятъ экономы нѣсколько эту мысль, и тогда дойдутъ до застрахованія, такъ сказать, купеческихъ капиталовъ, ознаменуютъ высшее развитіе гражданскаго общества: убытки будутъ падать на всѣхъ вмѣстѣ, а не на лица порознь.

«Хорошо бы въ купечествѣ и то учинить, чтобъ вси другъ другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могутъ его оправить, то изъ Царскія бъ сборныя казны, изъ Ратуши, давали имъ изъ проценту на промыслъ, смотря по промыслу его, дабы никто промышленный человѣкъ во убожество великое отъ какого своего упадку не входилъ.»

«И аще въ купечествѣ тако будетъ строиться, то никогда они не оскудѣютъ, но годъ отъ году въ промыслахъ своихъ будутъ отсюда разширяться, и Богъ ихъ за такое братолюбіе благословляя благословитъ, и во всемъ имъ подастъ угобженіе и душевное спасеніе.»

Глава пятая посвящена у Посошкова *художествамъ* (такъ называетъ онъ наши *фабрики*).

« Въ Россійскихъ нашихъ правительствахъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое не здравое, ибо Русскаго человѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хощутъ, чтобъ онъ доволенъ былъ безъ нужды; и тѣмъ стѣсненіемъ принуждаютъ ихъ къ кражѣ и всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ нерадѣнію. Но токмо учинятъ ему корму, чтобъ онъ токмо душу свою пропиталъ — дадутъ ему на день по пяти копѣекъ. И таковымъ кормомъ и себя одного не покормить, а жена и дѣти—чѣмъ ему кормить? Только что по міру ходить! За неволею научатъ воровати и въ мастерствѣ своемъ неправду дѣлать. Они мнятъ тѣмъ учинить Великому Государю прибыль, что мастеровыхъ людей не кормятъ, а они тѣмъ великій убытокъ дѣлаютъ. А и во всякихъ дѣлахъ правители наши за кроху умираютъ, а гдѣ тысячи рублевъ пропадаютъ, то ни во что поставляютъ, и неданіемъ полнаго кормленія у Русскихъ людей охоту и къ мастерству прилежанія тѣмъ пресѣкаютъ, и размножаться доброму художеству не допускаютъ.»

Посошковъ совѣтуетъ учредить сначала тѣ фабрики, для коихъ нужные матеріалы производитъ Россія: «О семъ же всячески надлежитъ почтиться чтобъ завести въ Руси дѣлати тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки. . . и проч. дѣла, кои изъ Русскихъ матеріаловъ дѣлаются: сіе бо вельми нужно, еже кои мате-

ріалы гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили.»

«Чѣмъ къ намъ возить полотно изъ нашихъ матеріаловъ сдѣланныхъ, то лучше намъ къ нимъ возить готовыя полотна, и получать деньги и за матеріалъ и за работу. И аще первые годы повидится оно и не прибыльно, и заморскихъ аще и дороже становиться будетъ, и того страшитися не для чего, но поступать въ дѣлѣ далѣе. И аще лѣтъ и пять-шесть совершенно не навыкнутъ дѣлать, то и о томъ сумнитися не надобно, потому что егда всѣхъ тѣхъ дѣлъ совершенно научатся, то годомъ-другимъ окупятся.»

Посошковъ распространяется о преимуществѣ нашемъ предъ иностранцами по причинѣ дешевизны матеріаловъ и работы, и проч.

Касательно другихъ произведеній, нужныхъ для фабрикъ, Посошковъ считаетъ полезнымъ ученыя путешествія и описанія.

«И надлежитъ Его Императорскому Величеству призвать къ себѣ иноземцевъ, кои ему, Великому Государю, радѣтельны являются, отъ военныхъ и отъ мастеровыхъ, наипаче же отъ доктуровъ и аптекарей, кои въѣзжіе, то они о многихъ вещахъ знаютъ; а не худо и купецкихъ спросить, кои за моремъ бывали. Мнѣ сіе вельми дивно: земля наша Россійская, чаю, что будетъ пространствомъ не меньше Нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть, теплыя и холодныя, и гористыя, и моря разныя, и морскаго бере-

га, колико подъ нимъ, и смѣтить невозможно: отъ Кольскаго острога, если берегомъ ѣхать, то и годомъ всего его не изъѣхать, — а ни какія вещи у насъ потребныя не сысканы.»

Примѣчательны мысли о привилегіяхъ, о ревизіи мастеровъ, о репутаціи ихъ, и проч.

Въ VI главѣ Посошковъ разсуждаетъ *о разбойныхъ дѣлахъ*, и съ этимъ государственнымъ остроуміемъ, которое отличаетъ его, предлагаетъ средства, какъ пресѣчь зло, отягощавшее въ ужасной степени гражданское общество въ Россіи того времени. Въ этой главѣ множество любопытныхъ подробностей о состояніи Россіи.

Глава седьмая посвящена *крестьянству*.

«Крестьянское житье скудно ни отъ чего инаго, токмо отъ своей ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ.»

Для приведенія ихъ въ лучшее состояніе предлагаются слѣдующія мѣры: «Надлежитъ имъ учинить охраненіе дворамъ ихъ, велѣть строить пространнѣе и не сплошъ, дворъ подлѣ дворъ, но съ переступкою, гнѣздами, и улицы сдѣлать широкія.»

«Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ; аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка ни единаго у нихъ нѣтъ. И какой къ нимъ ни пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки.»

«И ради охраненія отъ такихъ напрасныхъ убытковъ видится, не худо бы крестьянъ и поневолить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже ихъ, отдавали дьячкамъ въ наученіе грамоты, и научa грамотѣ, научили бъ ихъ писать. И чаю, не худо бъ такъ учинить, чтобъ не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка.»

«А и сіе не вельми право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ полагаютъ бремена неудобъ-носимая, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бо ему на себя что сработать, и такъ пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ. Или что наложено на нихъ крестьянъ оброку, или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ. И который крестьянинъ станетъ мало-мало посытнѣе быти, то на него и подати прибавляютъ, и за такимъ ихъ порядкомъ никогда крестьянинъ у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И многіе дворяне говорятъ:

крестьянину, де, не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, Царство пустошатъ, понеже ихъ такъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ, отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ, иные въ понизовыя мѣста, иные жъ и во Украйныя... А что до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты; лишь бы онъ пашни не запустилъ. Хотя бъ у него и не одна тысяча рублевъ была, — только бъ не воровалъ и безъявочно не торговалъ. Что крестьяне богаты, то бы и честь помѣщику.»

«Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ берегутъ, а прямой ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно.»

«Я сему вельми удивляюсь, что въ Россійскомъ Царствѣ премногое множество помѣщиковъ, богатыхъ и судействомъ владѣющихъ, а того не могутъ сдѣлать, чтобы собравшись посовѣтывать и уложить, что тотъ крестьянскій дворъ именовать или полдвора, или четверть двора. И почему бы разумѣть цѣлый дворъ, или съ четвертью дворъ.»

Посошковъ предлагаетъ средства для распредѣленія податей по количеству засѣянной земли, съ общаго совѣта помѣщиковъ и съ Высочайшаго утвержденія: (помѣщики) «вороты да городьбу, а иные дымъ избный считаютъ. И яко дымъ на воздухъ исчезаетъ, тако исчисленіе ихъ ни во чтожность обращается. А и во ис-

численіи душевномъ не чаю жъ я проку быть, понеже душа вещь неосязаемая, и умомъ непостижимая, и цѣны неимущая; надлежитъ цѣнить вещи грунтоватѣе.—Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячь десятка два-три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и трудъ весь ни во что: ибо поборъ сей несостоятеленъ.»

«По здравому разсужденію, надлежитъ крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по дымамъ избнымъ, но по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи.»

«Я истинно много о семъ размышлялъ, како бы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирати, чтобъ Его Императорскому Величеству было прибыльно, а имъ бы было не тягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ, что прежде расположить крестьянскіе двора по владѣнію земли имъ данныя, чѣмъ кой владѣетъ, колико онъ на той своей землѣ хлѣба высѣетъ про себя.»

«По тому мнѣнію, аще у коего крестьянина написать цѣлый дворъ, то надобно ему земли давать мѣрою толико, чтобъ ему мочно было на всякій годъ высѣять ржи четыре четверти. А яроваго восемь четвертей, а сѣна накосить ему про себя 20 копенъ.»

«И того ради мнится мнѣ, лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указное, почему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имати, и поколику дней въ недѣлю на помѣщика свое-

то работать, инаго какого здѣлія дѣлать, чтобъ имъ сносно было Государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. И о семъ яко высокимъ господамъ, тако и мелкимъ дворянамъ надлежитъ между собою посовѣтывать о всякихъ крестьянскихъ поборахъ помѣщичьихъ и о здѣльѣ, какъ бы ихъ обложить, съ общаго совѣта и съ докладу Его Императорскому Величеству, чтобъ крестьянству было не тягостно, и расположить именно, почему съ цѣлаго двора, и почему съ полудвора, или съ четверти, или съ осьмыя доли двора, имать денегъ и столовыхъ запасовъ, и поколику съ цѣлаго и не съ цѣлаго двора пашни на помѣщика своего вспахать, и хлѣбомъ засѣять, и обмолотить, такожде и подводы расположить, по расположенію дворовому. Чтобъ всѣмъ по владѣнію земли было, и никому ни передъ кѣмъ не обидно, и чтобъ и Государева побора снова имъ было платить сполна безъ доимки. И какъ о семъ со общаго совѣта изложится, и указомъ Его Императорскаго Величества утвердится, и тако аще нерушимо будетъ стоять, то крестьянство всѣ будутъ сыти, а иные изъ нихъ и обогатятся.... Егда кой крестьянинъ повытокъ свой сполна помѣщику своему заплатитъ, то уже бы никакой помѣщикъ, сверхъ уреченнаго числа, ни малаго чего не требовалъ съ него.»

«А буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать, и наложитъ сверхъ указаннаго числа, или излишню работу наложитъ, и аще

тѣ крестьяне дойдутъ до суда, — и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на Государя и землю. То на то смотря, и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ разорять не станетъ.»

«А буде кой судья по доношенію крестьянскому о винности помѣщиковой сыскивать не станетъ, и отошлетъ ихъ къ старому ихъ помѣщику; и сыскивать станетъ, да будетъ во всемъ помѣщику наровить, а на крестьянъ вину валить; и аще тѣ крестьяне дойдутъ до высшаго суда, и вину на помѣщика своего изъявятъ, и судейскую вину предложатъ, то тотъ судья не токмо пожитковъ, но и живота своего лишится.»

«И аще тако во всей Россіи устроено будетъ, то ни богатому, ни убогому обиды ни малыя не будетъ, но всякій по своей мочи,... на чемъ будетъ жить, и чѣмъ будетъ владѣть, съ того будетъ и платить какъ Царю, такъ помѣщикамъ.»

«А по древнему порядку о поборахъ иные въ конецъ разоряются. По моему мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи: понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а Царю они вѣковые, и крестьянское богатство царственное. И того ради Царю яко великородныхъ и военныхъ, такъ и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но вси бо по своей мѣрности изобильны были.»

Въ VIII главѣ *о дворянахъ, крестьянахъ и земскихъ дѣлахъ* заключается множество предложеній, коимъ предупреждалось зло нашего времени, напримѣръ черезполосныя владѣнія.... «Дворяне не токмо пустыя земли дѣлятъ, но и жилыя села и деревни на многія доли дѣлятъ. Есть въ Новгородскомъ уѣздѣ погостъ, именуемый Устрика, и въ томъ селѣ дворовъ съ двадцать, а помѣщиковъ владѣютъ семеро разныхъ фамилій, а во иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцевъ. И въ таковыхъ разновладѣльцахъ нельзя быть безъ вражды и другу отъ друга безъ обиды.»

«И мнѣ мнится, ради охраненія отъ обиды, и послѣ умершихъ, лучше дѣлить земля пустая и жилая цѣлыми пустошами и деревнями по урочищамъ. А буде ради многихъ пайщиковъ раздѣлить цѣльно и не можно, то тѣ земли и деревни положить въ цѣну. И буде кто, изъ тѣхъ же родственниковъ, деньги въ дѣлъ положитъ, и землю жилую или пустую возметъ всю за себя, то и добро такъ. А буде всѣ родственники скудны, то продать ее и постороннему человѣку, и деньги по надлежащимъ долямъ раздѣлить. Но не то что уголовщинѣ быть, но и браниться будетъ не о чемъ, потому что на деньги и малыя дробинки раздѣляютъ чисто.»

Генеральное земель размежеваніе, приведенное въ исполненіе Императрицею Екатериною II, было уже предложено Посошковымъ:

«А и сіе весьма неправо дѣется: писцы и пе-

реписчики и дозорщики пустоши и жилыя деревни, какъ кои слывутъ, именно не пишутъ, и колико въ коемъ урочищѣ четверныя пашни; и сѣнные покосы пишутъ же, а пишучи не тобъ, чтобъ ее смѣрить, но и глазами не видалъ; пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ. И съ иной пустоши напишутъ четвертей пятьдесятъ въ полѣ, а въ дву потомужъ. А егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ. А въ иной пустоши, видѣлъ я, написано шесть четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по двадцати четвертей: а лѣсу будетъ больше трехъ верстъ. И въ такомъ расположенiи токмо одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра да прозванія, а при какой признакѣ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межамъ совершеннаго не чинятъ. И отъ того много множество ссоръ и убійства чинится; иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки св. икону, и на голову свою положа дернину, да отводятъ землю [1]; и въ такомъ отводѣ смертно грѣшатъ; и много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагая, и умирали на межѣ. А по прямому разсужденію надлежитъ всѣмъ живымъ землямъ и пустошамъ учинить межи недвижимыя. Учиня такъ, надлежитъ твердо блюсти, чтобы ни каковой отмежеванной земли, ни жилой, ни пустой пустоши, не токмо по прежнему на многія части, но и на двое не дѣлить бы,... но кому случится про-

(1) Это для Русскихъ древностей.

дать или заложить, или и кому отдать, то отдавать бы и продать всю, какова коя земля есть по обмежеванію, безъ раздѣлу.» Посошковъ даетъ подробные совѣты о межеваніи, сохраненіи межей, о планахъ, о мѣрѣ дорогъ.

«И тако всѣхъ господъ, великихъ и мелкихъ дворянъ дачи омѣрять подлинною, правдивою мѣрою, а не по прежнему глазомѣромъ, чтобъ ни лишку и недомѣру противъ дачь не было. И сицевое межеванье аще и не скоро окончится, да уже прочно оно будетъ, и помѣщикамъ всѣмъ покой великій учинитъ.»

Посошковъ не остановился на одномъ размежеваніи: любимою, какъ видно, мыслію его было учрежденіе поземельнаго сбора вмѣсто подушнаго. «Измѣривъ помѣстныя и вотчинныя, земли, обложить ихъ платежемъ съ земли, почему онъ Великій нашъ Государь укажетъ имать съ четверти или съ десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россійскія.»

«И аще Богъ на ней призритъ, и помощь Свою ниспошлетъ, то можетъ оный не весьма долгимъ временемъ состроиться; трудно только первый годъ потрудиться. Поспѣшность сего дѣла въ руцѣ суть Царстѣй; аще онъ восхощетъ, то немногими лѣтъ можетъ тое дѣло справити....—Только чаю, сильныя лица будутъ всячески сіе дѣло препинать, понеже они обыкли по своей волѣ жить, и не такъ они любятъ дать, какъ себѣ взять. Я чаю, что и дворовому расположенію, какъ ни есть, а будутъ препятія

чинить. А если Великій Государь переломитъ ихъ древнее упрямство, то я чаю, что въ пользу будутъ дворовые поборы.»

«Такожде и дворы всѣ, яко крестьянскіе, тако и дворянскіе, и всякихъ чиновъ у людей, и въ городѣхъ у купецкихъ людей, и прочихъ у городскихъ жителей, и у приказныхъ канцеляристовъ, и у прочихъ служителей приказныхъ, и у самыхъ судей, дворы измѣрить и платежемъ обложить, дабы на землѣ Его Императорскаго Величества никто даромъ не жилъ.»

Въ заключеніе Посошковъ опять повторяетъ: «И ради таковаго великаго землянаго дѣла надлежитъ, чаю, особныя канцеляріи и учинить; понеже всѣмъ дѣла много будетъ, и сборъ въ ней будетъ милліонный и самый основательный. И сей земляной сборъ трудно токмо его основать, а егда оснуется и утвердится, то онъ яко рѣка имать тещи неизмѣнно. Земля сотворена отъ Бога недвижима, тако и сборъ земляной: аще Богъ его совершитъ и утвердитъ, то будетъ онъ неподвиженъ во вѣки. Аминь.»

Девятая глава имѣетъ предметомъ *финансы*. Слѣдующія строки выписаны какъ будто изъ Сюлли:

«Въ собраніи Царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирати, чтобъ ни каковыя о-

биды ни на кого не навесть, казну бы Царскую собирать, а Царство бы его не разорять: худой тотъ сборъ, аще кто Царю казну собираетъ, а людей разоряетъ, ибо аще кто Государю своему тщится служити, то паче собранія надлежитъ ему людій отъ разоренія соблюдати, то оное собраніе и скоро и прочно будетъ. Къ сему же и собраннаго надобно блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ не гибнуло. А храненіе добрый товарищъ собранія; аще бо охраненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирати. А яко утлаго сосуда не можно наполнити, то чаю и собраніе казны. Аще собраннаго не будетъ блюсти, не споръ тотъ сборъ будетъ.»

А вотъ эти слова какъ будто заимствовалъ у Посошкова Адамъ Смитъ: «Понеже не то царственное богатство еже въ Царской казнѣ лежащія казны много; ниже то царственное богатство, еже Синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ; но то самое царственное богатство, ежелибъ весь народъ, по мѣрностямъ своимъ, богатъ былъ самыми домовыми, внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами, или позументнымъ украшеніемъ, ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истончеваютъ; паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть, о истинной правдѣ: правда Отецъ Богъ,» и проч.

«То бо есть самое Царства украшеніе и прославленіе, и честное богатство, аще правда яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ она насадится, и твердо вкоренится, и вси, яко богатые тако и убозіе, между собою любовію имутъ жить; то всякихъ чиновъ люди, по своему бытію, въ богатствѣ довольны будутъ; понеже правда никого обидѣть не попускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждѣ помогати, и тако вси обогатятся, а Царскія сокровищи со излишествомъ наполнятся, и аще и поборъ какой прибавочный случится, то не морщася платить будутъ,» и проч.

«По моему мнѣнію, сіе дѣло не великое и весьма не трудное, еже Царскія сокровища наполнити богатствомъ, за еже Царь яко Богъ, еже восхощетъ въ области своей, можетъ сотворить; но то великое многотрудное есть дѣло, ежелибъ народъ весь обогатить, понеже безъ насажденія правды и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ, и разбойниковъ, и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, ни коими мѣрами народу всесовершенно обогатиться не возможно...»

«А егда правда въ насъ утвердится и твердо вкоренится, то не можно Царству нашему Россійскому не богатитися и славою не возвыситися.»

«Я сего не могу (ни) знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего впрокъ государ-

ству не прочать, токмо и прочать имѣнія себѣ, и то на часъ.»

«Царская собранія не истощатся, аще и не круто будутъ собиратися, всячески свое мѣсто наполнятъ; а крутое собраніе не собраніе, но разореніе.»

«И буде на комъ и недочетъ какой явится, то только для извѣстія надлежитъ писать въ коллегію, чтобъ тамъ явно было, на комъ что останется недостаточныя казны. И отъ такого порядка казнѣ Великаго Государя будетъ великое пополненіе и царственное украшеніе: понеже никто разоренъ не будетъ, и въ нищету пригнанъ не будетъ же, и домъ его цѣлъ будетъ. А по прежнему уставу, за недоимку дворъ, пожитки оберутъ, да оцѣнивъ въ-полъ, или въ треть, или въ десятую доль, да и продадутъ, и тако совсѣмъ его разорятъ.«

Указавъ многія средства къ обогащенію казны, Посошковъ вооружается противъ одного нынѣ уже несуществующаго побора: «Такому Великому Монарху, и на весь свѣтъ славному и Великому Императору, собираютъ ему на нужные расходы со всякаго сбора по деньгѣ на рубль, и сей сборъ паче всѣхъ сборовъ моему мнѣнію противенъ, понеже Царь нашъ всесовершенный Самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ. Онъ нашъ Государь подобенъ Богу, еже восхощетъ, можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнить,

и ни какая нужда денежная коснутися его не можетъ. По моему мнѣнію, всѣ вышепомянутыя древняго устава пошлины, всѣ многоокладные сборы и нововымышленные мелочные сборы оставить, да уставить единъ, самый государственный, правдивый сборъ, отъ Христова Воплощенія установленный, т. е. десятинный, еже имать пошлины по гривнѣ съ рубля, а не то по пяти алтынъ.»

Посошковъ былъ, кажется, противъ казенныхъ монополій. «А и соляной продажѣ, мнится мнѣ, быти не вельмижъ дѣльно учинено, еже быти ей въ продажѣ Царскаго Величества; но вельми пристойное быть ей въ свободномъ торгу, а вмѣсто продажныя прибыли положить на всякій пудъ, кой пойдетъ въ продажу, пошлины по гривнѣ на пудъ, а не съ денегъ; и гдѣ въ какову цѣну ни купится, хотя гдѣ въ алтынъ или грошъ пудъ, обаче имать съ нея по гривнѣ съ пуда, или больше, или меньше, поколику Его Императорское Величество позволитъ имать съ пуда.»

«И аще соли свободный торгъ будетъ, то многія тысячи людій будутъ отъ нея кормитися благословеннымъ кусомъ, а не проклятымъ: понеже безъ кражи будутъ прямымъ своимъ трудомъ питатися, обаче многіе люди и разботатѣютъ отъ нея; люди отъ бездѣлицы цынжать и безвременно умирать не будутъ.»

Кончивъ свои изслѣдованія, Посошковъ заключаетъ:

«И сія мнѣнія моего изъявительная писанія о истребленіи всякія великія и малыя неправды, и о неисправности, и о насажденіи прямыя правды и правостей, елико ми Богъ помощи своей ниспослалъ, вся написалъ необинуяся, и предлагаю на разсужденіе единаго высокопарнаго бѣлаго орла, явнаго правдолюбца, Императора Всероссійскаго Петра Великаго, истиннаго Самодержца, незыблемаго.—О семъ же свидѣтель ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила мя на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалился во мнѣ, еже ни кая нужда пресѣщи не могла. Ибо аще и невеликая сія книга, обаче едва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта ю совершихъ; аще и многократно переписывалъ ю, обаче ни отъ кого не видѣна бысть; всячески бо сокрывахся, дабы въ народъ не произнеслося сіе мое предложеніе.

И нынѣ всеусердно Твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды, понеже писахъ, не слагая имъ.

Паче же да будетъ воля Божія и Твоя превысокая Царская воля. Аминь.

Яко аще кто восхощетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничѣмъ же разнствуетъ, аще кто и Царю вѣрно почтится услужить, то всему міру имать ненавистенъ быть.

Всенижайшій и мизирнѣйшій рабичищъ, правды же всеусердный желатель, *Иванъ Посошковъ* утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнымъ трудомъ вописалъ, Твоему Царскому Величеству предлагаю. Аминь.»

1724 г. Февраля 24.

Читатели видятъ по этому краткому очерку, какими примѣчательными мыслями преисполнено вновь открытое сочиненіе Посошкова.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ.

1831.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ.

(По поводу разныхъ статей о томъ же предметѣ, помѣщаемыхъ въ иностранныхъ журналахъ.)

«Мы занимаемся здѣсь наукою, наукою чистою; по существу своему она безпристрастна, безкорыстна, она чуждается всякаго происшествія внѣшняго, великаго и малаго.» Гизо, въ лекціяхъ о Французской Исторіи.

Западные писатели не имѣютъ надлежащаго понятія о Славянскихъ народахъ. Находя непреодолимое препятствіе въ языкѣ совершенно инородномъ, не надѣясь, по закоренѣлому предразсудку, узнать что-либо любопытное у мнимыхъ варваровъ и искупить тяжелые труды богатою добычею, Французы, Англичане и Нѣмцы (кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ изслѣдователей) до сихъ поръ при историческихъ разсужденіяхъ

своихъ уклоняются отъ Славянской Исторіи общими мѣстами, или даже преходятъ ее молчаніемъ, какъ будто забывая, что Славянскіе народы составляютъ почти десятую долю всемірнаго народочислія, населяютъ почти десятую часть всей земной поверхности, и наконецъ, въ лицѣ Россіи, занимаютъ первое мѣсто въ системѣ государствъ, слѣдовательно имѣютъ всемірное значеніе. Вотъ почему и Гизо (начинающій собой новую эру въ исторической наукѣ, какъ Шлецеръ, Гердеръ) въ славныхъ лекціяхъ своихъ объ Европейской Исторіи пропустилъ почти имя Славянъ, не зная, что Славянская или Восточная Исторія составляетъ такую же половину Европейской Исторіи, какъ Западная, которую онъ почитаетъ цѣлою, полною; не зная, что Западной Европейской Исторіи нельзя уразумѣть вполнѣ безъ знакомства съ Восточною или Славянскою, которая представляетъ новыя поучительныя видоизмѣненія всѣхъ западныхъ учрежденій: и феодализма, и монархіи, и городовъ, и средняго состоянія, и дворянства, и крестьянъ.—(Не говорю уже о Восточной церкви въ противоположности съ Западною) Вотъ почему въ краснорѣчивыхъ выходкахъ палатскихъ членовъ во Франціи и Англіи слышатся иногда такія кривыя толкованія, такія грубыя ошибки обо всемъ, касающемся, напримѣръ, до насъ, что по неволѣ краснѣешь за непростительное невѣжество ученыхъ ораторовъ. — Но всего больнѣе бываетъ Русскому сердцу, когда сіи заблужденія переносятся къ намъ, приводятъ въ затрудненіе самыхъ защитниковъ нашихъ,

находятъ неискусныхъ поборниковъ или легкомысленныхъ послѣдователей. . . .

Нѣтъ, напримѣръ, ни одной мысли, болѣе распространенной въ политическомъ мірѣ (повторяемой даже въ нѣкоторыхъ нашихъ оффиціальныхъ учебныхъ книгахъ), какъ мысль о *раздѣлѣ Польши* со стороны Россіи, — а между тѣмъ справедливо ли это? И въ 1773, и въ 1793, и въ 1795 г. Россія не сдѣлала никакихъ похищеній, какъ обвиняютъ наши враги, не сдѣлала никакихъ завоеваній, какъ говорятъ наши союзники; а только *возвратила* себѣ тѣ страны, которыя принадлежали ей искони по праву перваго занятія, наровнѣ съ коренными ея владѣніями, по такому праву, по какому Франція владѣетъ Парижемъ, а Австрія Вѣною. Еще болѣе — Россіи принадлежали нѣкогда и другія страны, которыя находятся гораздо далѣе на западъ и югъ, то есть, Галиція и часть Молдавіи. Пройдите по любой улицѣ въ Лембергѣ и Галичѣ—вы услышите вездѣ чистое Малороссійское нарѣчіе; загляните въ соборы—и вы увидите надгробныя надписи знаменитыхъ Князей Русскихъ; разверните лѣтописи—и вы найдете на всякой страницѣ доказательства, что здѣсь въ XIII столѣтіи процвѣтало одно изъ сильнѣйшихъ Княжествъ Русскихъ, которое принимало дѣятельное участіе во всѣхъ отечественныхъ происшествіяхъ, думало среди всеобщаго упадка, при славномъ Королѣ Даніилѣ, о сверженіи съ Россіи ига Монголовъ, и уже послѣ было отторгнуто Поляками и Венграми.

Да не скажутъ, принимая одно выраженіе Карамзина [1], что Галицкое Княженіе основано на завоеваніи Владиміромъ Святымъ Перемышля и Червеня, въ концѣ X столѣтія, у Польскаго Короля Мечислава. И Лелевель говоритъ, что власть Мечислава въ то время не простиралась даже до Кракова, не только на Перемышль и Червень. И Бандтке не произноситъ объ этомъ никакого рѣшительнаго мнѣнія. Нашъ Несторъ, достовѣрнѣйшій свидѣтель, говоритъ только: «Иде Володимеръ на Ляхи, и взя грады ихъ, Перемышль, Червень, и иные грады, иже есть подъ Русью.» [2] Вѣроятно, что сіи мѣста, внѣ первой Польши, принадлежали такимъ же вольнымъ языческимъ Ляхамъ, какъ, напримѣръ, Радимичи, вошедшіе прежде еще въ составъ Руескаго общества [3]. Или, сіи города сдѣлались нашею собственностію еще во времена Олега, у котораго были въ подданствѣ Дулебы (въ Западной Волыніи) [4], Тиверцы (по

---

(1) Карамзинъ здѣсь, и въ разсказѣ объ объявленіи Владиміромъ войны Мечиславу (I, 203, пр. 431), послѣдовалъ, кажется, позднѣйшимъ лѣтописателямъ. Но если Польскіе критики, въ ущербъ себѣ, отвергаютъ ихъ извѣстіе, то съ чего же намъ принимать оное?

(2) По Ник. сп. I. с. 66.

(3) Бѣже Родими отрода Ляховъ, и пришедше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, и поводъ везуть и до сего дни. (Нест. по Никоновскому списку I. 67.)

(4) Дулеби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне. (Несторъ по Лаврентьевскому списку, 7.)

Днѣстру, до моря) [1], и Хорваты (въ горахъ Карпатскихъ) [2], ходившіе съ нимъ на войну [3].

Волынь же, Подолія, Бѣлоруссія, издревле принадлежали къ Русскимъ владѣніямъ; въ самыя первыя времена нашей Исторіи здѣсь обитали Славянскія племена, которыя прежде многихъ другихъ, напримѣръ, жившихъ въ Рязанскихъ и Суздальскихъ предѣлахъ, вошли въ составъ Русскаго Государства. Еще болѣе — здѣсь было средоточіе, на этой сценѣ происходила, такъ сказать, наша Исторія отъ временъ Владиміра и до Монголовъ. Я укажу здѣсь только на общеизвѣстныя, общепринятыя положенія, не прибѣгая къ лѣтописнымъ подробностямъ: *Коростень* (между Овручемъ и Житоміромъ) встрѣчается въ исторіи Ольги; *Овручь* (въ сѣверовост. части Вол. Губ.) принадлежалъ Ярополку; *Полоцкъ, Изяславль, Туровъ* (въ Минской Губерніи), *Владиміръ Волынскій* розданы въ удѣлы сыновьямъ Святымъ Владиміромъ; *Берестень* (Брестъ-Литовскій) находился во влад-

---

(1) Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру или до моря, суть гради ихъ и до сего дня. Ibid.

(2) Хорватіею называлась верхняя Венгрія. Сія Хорватія, вмѣстѣ съ Краковомъ, названа послѣ малою Польшею. (Бандтке, Исторія Польская, I. 69.) Нарушевичь называетъ и Галицію Хорватіею Червонною. (Кар I. с. 70). Другая Хорватія Иллирическая— Кроація.

(3) Иде Олегъ на Греки. . . Поятже с собою множество Варягъ и Словенъ. . . и *Хорваты*, и Дулебы и Тиверцы. . . (Нест. по Ник. сп. с. 29).

ніи Святополковомъ; *Дорогобужъ* (близъ Ровна, въ Волыни), *Луцкъ*, *Пинскъ*, *Теребовль*, *Кременецъ*, *Лубно*, *Дрогичинъ*, *Новгородъ-Волынскій*, *Минскъ*, *Бужскъ* принадлежали разнымъ внукамъ Ярославовымъ. Исключимъ сіи города изъ владѣній Литвы—что у ней останется? Только часть Губерній Виленской и Гродненской. Но и въ сихъ мѣстахъ Литовцы (племя по своему происхожденію столь же чуждое Польшѣ, какъ и Россіи), съ незапамятныхъ временъ, платили дань Князьямъ Русскимъ, наровнѣ съ прочими Славянскими и Финскими племенами, вошедшими въ составъ Русскаго Государства. Уже въ послѣдствіи, пользуясь временными бѣдствіями Россіи, они покорили себѣ не только вышеозначенные города, составляющіе нынѣ Губерніи Минскую, Могилевскую, Витебскую, Волынскую, но соединясь съ Поляками, простерли свои завоеванія до Московскаго Княженія. И теперь большую часть народонаселенія составляютъ тамъ Русскіе, а языкъ до позднѣйшихъ временъ былъ даже господствующимъ, гражданскимъ, письменнымъ. Кто же можетъ сказать, что Россія имѣетъ на Литву меньшее право, чѣмъ Англія на Валлисъ, или Франція на Бретань? Не говорю ужъ о правахъ Англіи на Ирландію, или Австріи на Ломбардію, и проч. и проч., съ которыми нечего и сравнивать Россію въ этомъ отношеніи.

Теперь о Польскомъ Царствѣ. Европейскіе политики, разсуждая объ немъ, забываютъ, кажется, что со смерти послѣдняго Піаста, въ XIV

столѣтіи, на престолѣ Польскомъ послѣдовательно сидѣли и Литовскіе, Седмиградскіе Князья, и Французскіе, Шведскіе Принцы, и Саксонскіе Курфисты. Почему же кажется имъ страннымъ, что этотъ престолъ занятъ нынѣ Россійскимъ Императоромъ? — «Прежде дѣло было другое» — возразятъ мнѣ общимъ мѣстомъ — «прежде избранія были вольныя.» — Но бывали ль въ Польшѣ избранія вольныя, въ полномъ смыслѣ этого слова? Когда не дѣйствовали подкупы, чужестранцы, оружіе! И я не знаю, найдется ли во всей Польской Исторіи хотя одно восшествіе на престолъ благороднѣе Александрова — былъ ли избранъ сей Россійскій Императоръ по единогласному желанію Сената и представителей Польскихъ, или по соглашенію съ прочими государствами, рѣшавшими въ то время судьбу Европы, или какъ побѣдитель, пришедшій вслѣдъ за побѣжденными непріятелями, которые дымились еще кровію родныхъ его дѣтей!...

Да прильпнетъ языкъ къ моей гортани, если я подумаю когда-либо святое науки умышленно представлять въ ложномъ свѣтѣ для частныхъ видовъ, хотя бы это было даже въ пользу моего отечества!... Но вотъ мысли, родившіяся во мнѣ при чтеніи Польской Исторіи, безъ всякаго отношенія къ нынѣшнимъ происшествіямъ.

Въ природѣ нравственной, наровнѣ съ физическою, представляется вездѣ дѣйствіе и противодѣйствіе, какое-то право возмездія, какъ бы въ исполненіе словъ Пророка: *творяй милость въ тысячи, и отдаяй грѣхи отчи въ нѣдра чадъ*

нихъ по нихъ. Исторіи всѣхъ государствъ представляютъ очевидныя тому доказательства: но нигдѣ сіе возмездіе не совершалось столь кроткимъ, можно сказать Христіанскимъ образомъ, какъ въ Россіи. Отъ основанія Русскаго Государства и до позднѣйшихъ временъ, то есть, отъ IX-го столѣтія и до XVII-го, посягалъ ли Русскій мечь хотя на одну каплю Польской крови? И наоборотъ, изсякали ли хотя на короткое время, въ продолженіе сихъ столѣтій, рѣки Русской крови, пролитой Польскою, Литовскою саблею въ рукахъ Болеславовъ, Гедиминовъ, Олгердовъ, Витовтовъ, Баторіевъ, Хоткевичей, Лисовскихъ,—крови, пролитой изъ самаго сердца Россіи, Москвы? Неужели за тяжелыя страданія Россіи—напримѣръ, въ эпоху Католическаго могущества въ Украйнѣ, при Василіѣ Димитріевичѣ, когда Можайскъ и Калуга сдѣлались нашею границею — неужели за судорожныя мученія Россіи при Самозванцахъ, Поляки заплатили намъ шестнадцатилѣтнимъ подданствомъ Императорамъ Александру и Николаю, когда они были едва ли не счастливѣе своихъ предковъ, въ эпоху ихъ величія и славы,— когда мы обучили ихъ войска, устроили финансы, установили суды, возбудили промышленность, облегчили судьбу поселянъ?... Пусть какой-нибудь знатокъ Польской Исторіи, пусть Лелевель (съ которымъ я имѣлъ случай чрезъ Вѣстникъ Европы состязаться о Рюрикѣ и Новгородѣ, когда онъ печаталъ свои замѣчанія въ Сѣверномъ Архивѣ) отвѣчаетъ на сей вопросъ!... Россія столь счастлива, что почти всегда имѣ-

ла на своей сторонѣ справедливость наровнѣ съ силою, и достигла своего могущества — обороняясь: примѣръ единственный, и ни одна Исторія не сравнится чистотою съ нашею въ этомъ отношеніи.

Сравните еще ее съ судьбою прочихъ государствъ Славянскихъ: всѣ они имѣли свои эпохи славы и могущества, и всѣ какъ бы по очереди пали: Моравія, Болгарія, Сербія, Померанія, Богемія, Кроація, Славонія, Далмація, Боснія, Польша. Многіе Славяне потеряли даже языкъ свой вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о прежней славной жизни; въ Помераніи, Мекленбургѣ, Саксоніи и другихъ странахъ Германіи они онѣмечились, въ Мореѣ огречились, въ Венгріи, между Османами, отуречились. Одна Россія устояла противъ всѣхъ ударовъ судьбы. Искушенная собственными долговременными бѣдствіями, какъ будто искупленная смертію единородныхъ государствъ, она возвышаетъ величественную главу свою надъ ихъ могилами, и стремится къ зениту своего могущества, воззывая къ новой жизни тѣ, которыя Провидѣніе къ ней присоединило.

Этотъ зенитъ есть въ Исторіи всякаго государства, и чѣмъ позднѣе они достигаютъ его, тѣмъ долѣе подъ онымъ остаются, сообразно и съ другими предыдущими обстоятельствами. Польша была въ этомъ положеніи въ XVI столѣтіи. Кажется, вся сила Европейскаго Востока — подобно ядру необразованной кометы, которое

носится по небеснымъ пространствамъ, пока не найдетъ себѣ твердой точки въ системѣ міра — останавливалась въ Польшѣ при Сигизмундахъ. Ей доставались тогда Богемія, Венгрія, Молдавія, Запорожье, Украйна, Россія, Лифляндія, Пруссія, Померанія, Ганза, Швеція [1]. Моментъ удивительный, безпримѣрный въ Исторіи! Немногаго не доставало, чтобъ она удержала владычество надъ всѣми сими обширными странами, но сего немногаго не достало!... Польша не успѣла, не могла воспользоваться благопріятными обстоятельствами, съ своимъ liberum veto; и съ той же минуты, при Сигизмундѣ III, начинается ея поступательное паденіе. Такъ видно должно быть! Прочитавъ внимательно

---

(1) *Богемія* звала себѣ въ Короли Владислава *Ягеллу*, также Казимира IV (1420), наконецъ дѣйствительно избрала и получила сына Казимирова Владислава (1471), который избранъ былъ послѣ и *Венгріею* (1491), звавшею наконецъ къ себѣ и Сигизмунда I (1526). Западная *Пруссія*, издревле принадлежавшая, поддалась опять Казимиру IV (1466), а восточная осталась какъ лена за Магистромъ Нѣмецкаго Ордена. Первый Герцогъ Прусскій Албрехтъ также призналъ себя данникомъ Польши (1525). Господари *Молдавскіе*, и прежде еще бывшіе подъ вліяніемъ Польши, признали себя данниками Сигизмунда II (1551). Также Фирстенбергъ, Магистръ Ордена Ливонскаго (1558), и Кетлеръ (1563) со всѣми его владѣніями. *Ганза* избрала его своимъ покровителемъ. *Малороссія* присоединена была еще Литвою съ прочими ея завоеваніями на Руси. Запорожцы получили твердую форму правленія при Сигизмундѣ I, а укрѣплены Баторіемъ (1578). *Сигизмундъ III* имѣлъ неоспоримое наслѣдственное право на *Шведскій* престолъ (1592), а сына его Владислава IV избирала себѣ въ Цари *Россія* (1612).

начало и продолженіе Польской Исторіи, предчувствуешь ея окончаніе. Сила Европейскаго Востока понеслась въ Швецію. По удивительному сцѣпленію обстоятельствъ, самъ Сигизмундъ III проводилъ ее туда. Густавъ Адольфъ, Карлъ X, приготовляли было свое отечество къ ея воспріятію. Карлъ XII владѣлъ уже Лифляндіею, Эстляндіею, Курляндіею, покорилъ почти Данію и Польшу, проникнулъ въ Малороссію; но тамъ, на поляхъ Полтавскихъ встрѣтилъ Русскаго гиганта, который вырвалъ изъ крѣпкихъ рукъ его жезлъ самодержавія и завѣщалъ своимъ потомкамъ. У нихъ, передаваемый изъ рукъ въ руки, процвѣтаетъ онъ болѣе и болѣе, описываетъ круги обширнѣйшіе....

Неужели всѣ сіи великія явленія происходятъ случайно?

Неужели, скажемъ кстати, безъ цѣли—Россіи одной досталося наслѣдство Восточной Римской Имперіи, между тѣмъ какъ наслѣдство Западной разошлось между многочисленными владѣтелями, всѣми государствами Европейскими? Неужели безъ лихвы даны ей десять талантовъ? Нѣтъ. Новые наставники Исторіи, воспитанники Христіанской Философіи, вопреки глумленіямъ застарѣлыхъ невѣждъ научатъ насъ видѣть здѣсь дѣйствіе Провидѣнія, которое хочетъ, можетъ быть, руками сего колосса, воздвигнутаго надъ противоположными океанами, разсыпать новыя сѣмена жизни, неизвѣстной въ ветшающихъ государствахъ Европейскихъ. Съ покор-

ностію къ промыслу будемъ ожидать исполненія верховныхъ его судебъ, будемъ молиться и надѣяться!

Такъ! Россія, и Польша соединились между собою, кажется, по естественному порядку вещей, по закону высокой необходимости, для собственнаго и общаго блага.

Мнѣ остается теперь сказать нашимъ противникамъ, постороннимъ ораторамъ, которыхъ только я и имѣю въ виду, нѣсколько словъ еще объ одномъ обстоятельствѣ.—«Независимость народовъ священна,» восклицаютъ они.—Я согласенъ: но что̀ значитъ независимость, и гдѣ сіи независимые народы? Чѣмъ состояніе Шотландіи, Ирландіи, Ломбардіи, Этруріи, Венгріи, Богеміи, Моравіи, Греціи, Сербіи, Болгаріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи, отличается въ этомъ смыслѣ отъ Польши? Всѣ Славяне между собою братья; а Англичанинъ съ Ирландцемъ, а Австріецъ съ Венгромъ, а Французъ съ Корсиканцемъ, а Турокъ съ Кроатомъ а Прусакъ съ Померанцемъ и Лузакомъ—развѣ только въ сватовствѣ.

Еще болѣе: Государства сплавливаются изъ разныхъ частей; какъ минералы, они наростаютъ по большой части снаружи. Раздѣлять химически сіи части, желая возвратить имъ независимость, предпріятіе, говоря вообще, сустное, невозможное, безумное. Всю Европу надобно будетъ поставить вверхъ дномъ, погрузить въ

бездну междоусобій, разъединить гражданскія общества, чтобъ возвратить народамъ, или лучше уже, семействамъ ихъ прежнюю независимость, вмѣстѣ съ варварствомъ. Давно ли независимые жители Прованса и Лангедока называли языкъ свой сѣверныхъ единоземцевъ собачьимъ лаемъ—а теперь сіи жители, дѣти одного семейства, умножаютъ свое благосостояніе, пользуясь общими выгодами. Пройдите всѣ государства, и вы на всякой десятинѣ встрѣтите однѣ и тѣ же явленія. Одна смѣсь мельче, старше; другая крупнѣе и моложе. Вотъ вся разница. Древнія смѣси были спасительны — этому учитъ насъ Исторія. Напримѣръ, въ XV вѣкѣ, всѣ государства Европейскія разошлись въ приданыя: Марія Бургундская принесла Максимиліану Австрійскому Бургундію, Іоанна, дочь Фердинанда Католика, сыну его Филиппу право на Испанію, Америку и Неаполь, Анна Карлу VIII Бретань, и проч. и проч. Кажется, что можетъ быть неестественнѣе, несогласнѣе съ правомъ, безчестнѣе для народовъ доставаться женихамъ почти въ сундукахъ, вмѣстѣ съ рухлядью: а между тѣмъ сими несообразными дѣйствіями утвердилась въ Европѣ XVI столѣтія спасительная власть монархическая и дорушено зданіе феодализма. Такое благодѣтельное дѣйствіе имѣли и другія смѣси: зачѣмъ же мѣшать новымъ, можетъ быть, благодѣтельнѣйшимъ для человѣческаго рода?— Наполеонъ на островѣ Св. Елены — а онъ оттуда видѣлъ далеко политическимъ своимъ глазомъ — говорилъ, что всѣ Европейцы современемъ должны

раздѣлиться по родамъ и составить государства.

Нѣтъ! истинная независимость народовъ и людей, тождество воли съ закономъ, царство истины, красоты и добродѣтели, царство Божіе, можетъ быть пріобрѣтено только просвѣщеніемъ, просвѣщеніемъ основаннымъ на Евангеліи. А просвѣщенію въ Европѣ никто не мѣшаетъ, или лучше, никто уже не можетъ мѣшать, даже Махмудъ II. Naturam furca expellas, tamen usque redibit.

Вотъ что, кажется, должны имѣть въ виду наши противники, разсуждая о нынѣшнихъ дѣлахъ Польскихъ.

Не вступая въ преніе о судьбѣ народовъ, не произнося судебнаго приговора ихъ дѣйствіямъ, я, какъ наблюдатель, хотѣлъ только предложить искреннее свое мнѣніе о любопытномъ современномъ вопросѣ, на который иностранцы смотрятъ, какъ мнѣ кажется, не со всѣхъ сторонъ. Можетъ быть, я увлекся чувствомъ народной гордости, любви къ отечеству... я готовъ сознаться въ своихъ ошибкахъ, но—honny soit qui mal y pense....

ЗА РУССКУЮ СТАРИНУ.

1845.

ЗА РУССКУЮ СТАРИНУ.

Въ 25 нумерѣ Московскихъ Вѣдомостей (1845 г.) помѣщена статья подъ заглавіемъ «Бретань и ея жители», статья прекрасно написанная, ясная, легкая, живая, — я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ, находя въ ней доказательство новаго увлекательнаго таланта, который появляется въ области Русской Словесности.

Но мое удовольствіе было не безъ примѣси: авторъ, воздавая хвалу западнымъ хроникамъ Среднихъ вѣковъ, разсудилъ по чему-то бросить тѣнь на наши, и какъ будто съ состраданіемъ произнесъ, что «Средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него».

Въ 1830-хъ годахъ, излагая, въ одномъ изъ журналовъ того времени, систему Европейской Исторіи Гизо, только что появившуюся у насъ,

я имѣлъ честь замѣтить знаменитому Профессору объ его односторонности , и сказать , что исторіи Запада нельзя выразумѣть вполнѣ , не обращая вниманія на другую половину Европы, на исторію Востока, шедшаго съ нимъ параллельно, Востока, который представляетъ значительныя для науки видоизмѣненія всѣхъ западныхъ учрежденій и явленій : точно такъ натуралистъ долженъ изслѣдовать всѣ произведенія, всѣ виды , принадлежащіе къ одному классу , если хочетъ составить себѣ полное, основательное понятіе объ этомъ классѣ.

Не думалъ я, чтобъ чрезъ пятнадцать лѣтъ,— когда наука ступила столько шаговъ впередъ, послѣ того какъ издано въ свѣтъ столько свидѣтельствъ, доведшихъ эту мысль до очевидной убѣдительности,—пришлось мнѣ повторить тотъ же упрекъ своему соотечественнику , который, увеличивъ сверхъ мѣры ошибку, не можетъ даже привесть и оправданій Гизо.

Не странно ли въ самомъ дѣлѣ , чтобъ въ наше время, когда одна Археографическая Коммиссія издала томовъ двадцать древнихъ документовъ, не говоря о частныхъ трудахъ, не странно ли встрѣтить, даже въ образованномъ классѣ, людей столько запоздалыхъ, столько отсталыхъ, или столько ослѣпленныхъ, которые , имѣя предъ своими глазами Петрову Россію,могутъ смѣло , не запинаясь, выговаривать , что этотъ колоссъ, готовый и вооруженный, произошелъ изъ ничего, безъ всякаго предварительна-

го пріуготовленія, безъ Средняго вѣка,—людей, которые не хотятъ даже слушать другой стороны, старающейся понять, объяснить это всемірное историческое явленіе, отыскать его причины, ближнія и дальнія, его постепенности,—людей, которые рѣшились съ непонятнымъ упорствомъ коснѣть въ своемъ непростительномъ невѣдѣніи, и даже распространять свое мнѣніе,—которые просто *затыкають себѣ уши*, зажмуривають себѣ глаза, восклицая съ Чванкиной Княжнина:

Хоть вижу, да не вѣрю!

Среднiй вѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвѣстному автору, былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ пріемовъ; тѣ же цѣли достигались, только другими путями. Это различіе и составляетъ собственно занимательность, важность Русской Исторіи для мыслящаго *Европейскаго* историка и философа. И у насъ было введено Христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы начали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междоусобная война

централизація, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріевъ, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства, за то было отеческое управленіе, патріархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка: однимъ словомъ, въ Среднемъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался Западъ уже въ Новомъ, не успѣлъ еще въ Новѣйшемъ, и едва ли можетъ успѣть въ Будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать на своихъ великихъ людей.....

Но довольно! Доказывать, что Русская Исторія имѣла *свой* Средній вѣкъ, не значитъ ли доказывать, что бѣлокурый можетъ также называться человѣкомъ, какъ и черноволосый? Не значитъ ли доказывать, что между всякими двумя краями всегда бываетъ средина?

Неизвѣстный авторъ не можетъ уклониться отъ моего обвиненія, тѣмъ, что онъ отрицалъ существованіе на Руси только Западнаго Средняго вѣка, не можетъ, ибо объ этомъ говорить нечего. Развѣ нужно сказывать, развѣ нужно кому-нибудь напоминать, что на Руси не было, напримѣръ, Парижа или Лондона? Это знаетъ всякій, и не будетъ спорить никто. У насъ, разумѣется, не было Парижа, но была Москва; у насъ не было Товера, но былъ Кремль; у насъ не было Западнаго Средняго вѣка, но былъ Во-

сточный, Русскій, — что и хотѣлъ я доказать, *довести до свѣдѣнія* автора и его читателей, а можетъ быть и послѣдователей.

Петръ Великій, по необходимости, въ слѣдствіе естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ, долженъ былъ остановить народное развитіе и дать ему на время другое направленіе. Кто изъ насъ не воздаетъ должной чести этому необыкновенному генію, кто не удивляется его безпримѣрнымъ трудамъ, кто не оцѣняетъ его спасительныхъ подвиговъ, кто наконецъ не благоговѣетъ предъ его любовью къ отечеству?

Но прошло уже слишкомъ сто лѣтъ, какъ онъ скончался, и полтораста, какъ онъ началъ дѣйствовать, а новое время идетъ быстрѣе древняго. Періодъ Петровъ оканчивается: главнѣйшія дѣла его довершены, первая задача его рѣшена, ближайшая цѣль его достигнута, то есть: Сѣверные враги наши смирены, Россія заняла почетное мѣсто въ политической системѣ государствъ Европейскихъ, приняла въ свои руки Европейское оружіе, и привыкла обращать оное съ достаточною ловкостію, можетъ по усмотрѣнію употреблять всѣ Европейскія средства и пособія для дальнѣйшаго развитія своей собственной, на время замиравшей, жизни, во всѣхъ ея отрасляхъ.

Занимается заря новой эры: Русскіе начинаютъ припоминать себя и уразумѣвать требова-

нія своего времени; *для* избранныхъ становится тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое; они убѣждаются, что, склоняясь подъ онымъ, они не могутъ произвесть ничего самобытнаго, что чужеземныя сѣмена не принимаются, не пускаютъ корней, или производятъ одинъ *пустоцвѣтъ*; они убѣждаются, что *для* собранія собственной богатой жатвы нельзя поступать пока иначе, какъ *воздѣлывать свою землю*, то есть, разработывать свой языкъ, углубляться въ свою исторію, изучать характеръ, проникать духъ своего народа, во всѣхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца, на всѣхъ горныхъ высотахъ его души, однимъ словомъ, *познавать самихъ себя*. Они убѣждаются, что настало время испытывать свои силы,—и блестящій успѣхъ вознаграждаетъ нѣкоторыя усилія!

Время *безусловнаго* поклоненія Западу миновалось, развѣ отъ лица людей запоздалыхъ, которые не успѣли еще доучить стараго курса, между тѣмъ какъ начался уже новый. Имъ можно посовѣтывать, чтобъ они постарались догнать уходящихъ, и стать наровнѣ съ своимъ вѣкомъ, въ чувствахъ уваженія къ самобытности, слѣдовательно своенародности, и слѣдовательно старины.

Только такимъ образомъ, продолжу я имъ наставленіе, можемъ мы исполнить ожиданія самой Европы, ожиданія всѣхъ друзей общаго блага; только такимъ образомъ можемъ мы исполнить свои человѣческія обязанности. Мы

должны явиться на Европейской сценѣ, стану употреблять ихъ любимыя выраженія, своеобразными *индивидуумами*, а не безжизненными автоматами; мы должны показать тамъ свои лица, а не мертвенные дагерротипы какихъ-то западныхъ идеаловъ. Своимъ голосомъ должны мы произнесть наше имя, своимъ языкомъ должны мы сказать наше дѣло, а не на чуждомъ жаргонѣ, переводя изъ Нѣмецкаго компендіума и Французской хрестоматіи; наконецъ—посредствомъ своихъ мотивовъ мы должны выразить нашъ *паѳосъ*: иначе насъ не приметъ наша старшая братія; съ презрѣніемъ, или много-много съ состраданіемъ, они отвратятъ взоры отъ жалкихъ подражателей, которые тѣмъ несчастнѣе, чѣмъ кажутся себѣ счастливѣе. Въ гармоніи не допускаются отголоски, даже самые вѣрные, не только *фальшивые*, а одни самобытные звуки.

Оставя шутки, я долженъ заключить это объясненіе о томъ, ка́къ понимаю я, и нѣкоторые друзья мои, наше время касательно науки, какими представляются намъ наши обязанности, наши отношенія къ ученой Европѣ и отечеству,—заключить отвѣтомъ на литературныя клеветы, взведенныя на насъ съ самыхъ первыхъ нумеровъ Москвитянина, т. е. 1841 года.

На насъ разносятъ клевету, будто мы не уважаемъ Запада. Нѣтъ, мы не уступимъ нашимъ противникамъ въ этомъ чувствѣ уваженія; мы изучали Западъ, по крайней мѣрѣ не менѣе ихъ; мы дорого цѣнимъ услуги, оказанныя имъ че-

ловѣчеству; мы свято чтимъ тяжелые опыты, перенесенные имъ для общаго блага; мы питаемъ глубокую благодарность за спасительныя указанія, которыя сдѣлалъ онъ своимъ собратіямъ; мы сочувствуемъ всему прекрасному, высокому, чистому, гдѣ бы оно ни проявлялось — на Западѣ и Востокѣ, Сѣверѣ и Югѣ, — но мы утверждаемъ, что старыхъ опытовъ повторять не нужно, что указаніями пользоваться должно, что не все чужое прекрасно, что время оказало на Западѣ многіе существенные недостатки, что, наконецъ, мы должны имѣть собственный взглядъ на вещи, а не смотрѣть по прежнему глазами Французовъ, Англичанъ, Италіанцевъ, Прусаковъ, Австрійцевъ, Баварцевъ, Венгерцевъ и Турокъ. Ясно ли теперь для читателей, что эту клевету разносятъ на насъ напрасно!

Напрасно разносятъ на насъ еще клевету, что мы хотимъ воздвигнуть изъ могилы мертвый трупъ. Мертвый трупъ противенъ намъ, можетъ быть болѣе, нежели кому иному. Нѣтъ, душа безсмертная, которая обитала въ этомъ трупѣ, привлекаетъ наше вниманіе, возбуждаетъ наше благоговѣніе. И въ какомъ Западномъ просвѣщенномъ государствѣ, въ какомъ Нѣмецкомъ Университетѣ, давно ли изученіе древности, даже Мексиканской, Эѳіопской, стало награждаться подобною насмѣшкою, называться намѣреніемъ воскрешать мертвецовъ?

Напрасно взводятъ на насъ клевету, будто мы покланяемся нечестиво неподвижной стари-

нѣ. Нѣтъ, неподвижность старины намъ противна, столько же какъ и безсмысленное шатанье новизны. Нѣтъ, не неподвижность, а вѣчное начало, Русскій духъ, вѣющій намъ изъ завѣтныхъ нѣдръ этой старины, мы чтимъ богобоязненно, и усердно молимся, чтобъ онъ никогда не покидалъ Святой Руси, ибо только на этомъ краеугольномъ камнѣ она могла стоять прежде и пройти всѣ опасности, — поддерживается теперь, и будетъ стоять долго, если Богу угодно ея бытіе. Старина драгоцѣнна намъ, какъ родимая почва, которая упитана — не скажу кровію, кровію упитана Западная земля, — но слезами нашихъ предковъ, перетерпѣвшихъ и Варяговъ, и Татаръ, и Литву, и жестокости Іонна Грознаго,........ и нашествіе двадесяти языкъ, и наважденіе легіоновъ духовъ, въ сладкой, можетъ быть, надеждѣ, что отдаленные потомки вкусятъ отъ плода ихъ трудной жизни, а мы, *несмысленные*, мы хотимъ только плясать на ихъ священныхъ могилахъ, радуемся всякому пустому поводу, ищемъ всякаго предлога, даже несправедливаго, наругаться надъ ихъ памятью, забывая примѣръ нечестиваго Хама, пораженнаго на вѣки вѣковъ, въ лицѣ всего потомства, за свое легкомысліе.

Неизвѣстный авторъ статьи о Бретани, которая подала мнѣ поводъ выразить теперь свое мнѣніе, бросилъ также, можетъ быть нечаянно, камень въ Древнюю нашу Исторію, сказавъ съ насмѣшкою, что «мы хоть недавно, но рѣшительно распростились съ своей неподвижной

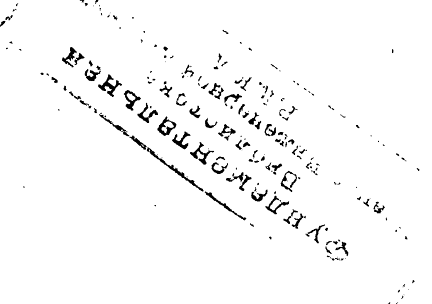
стариною, съ безвыходнымъ застоемъ Кошихинской эпохи, и, благодаря Богу и Петру Великому, пошли впередъ путемъ обновленной жизни и многосторонной дѣятельности ».

Благодарю за выборъ представителя!

Избави насъ Боже отъ застоя Кошихинской эпохи, но и сохраните насъ, Высшія Силы, отъ Кошихинскаго прогресса, — прогресса Кошихина, который измѣнилъ своему отечеству, отрекся отъ своей вѣры, перемѣнилъ свое имя, отказался отъ своего семейства, бросилъ своихъ дѣтей, женился на двухъ женахъ, и кончилъ свою несчастную жизнь отъ руки тѣхъ же иноплеменниковъ, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!...

Dixi et salvavi animam.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна полтора рубля серебромъ.

